

The illustration depicts a man in a green Soviet military uniform with a peaked cap and a woman in a pink coat and brown hat. In the background, a man in a dark uniform with a peaked cap is visible. The setting is a city street with a large domed building and a church spire in the distance. The text is overlaid on yellow rectangular backgrounds.

Сергей МАКСИМОВ

СЛЕД
ГРИФОНА

ВЕЛИКАЯ СУДЬБА РОССИИ

Сергей Григорьевич Максимов
След грифона
Серия «Грифон», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=439175
Сергей Максимов. След грифона: АСТ, Астрель; М.; 2010
ISBN 978-5-4283-2346-7

Аннотация

Сергей Максимов – писатель, поэт, режиссер, преподаватель Томского государственного университета. Член союза писателей России, многократный лауреат фестивалей авторской песни. Сергей Максимов приобрел широкую известность после выхода в свет сборников стихов «Концерт без заявок» (1994), «Образ жизни» (1999 и 2004) и альбома военно-патриотических песен «Заказ спецназа» (2007), завоевавшего заслуженную популярность среди солдат и офицеров Российской Армии. Автор живет и работает в Томске.

Первая мировая – и гибель Российской империи.

Трагедия революции – и страшные тридцатые годы.

Героический подвиг русского народа в Великой Отечественной войне – наша славная победа.

Любовь и ненависть, предательство и мужество, увлекательные приключения и яркие характеры!

Судьба страны – в судьбах нескольких героев...

Книга, которая станет «Вечным зовом» XXI века...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1. Реликт	4
Глава 2. Святки кадета	15
Глава 3. Романс	24
Глава 4. Будни наркомата	37
Глава 5. Дела полковничьи	42
Глава 6. Рейд	56
Глава 7. Смешенье чувств	70
Глава 8. Дела генеральские	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сергей Максимов

След грифона

*Моим родителям Анне Николаевне и Григорию Ерофеевичу
Максимовым посвящаю*

Часть первая

Глава 1. Реликт

1941 год. Март. Москва

Весна 1941 года выдалась ранней. Но если в центре Москвы почти не было снега, то здесь, в Лефортове, под ярким мартовским солнцем лежали живописные сугробы, а с крыши следственного изолятора НКВД СССР свисали сосульки, роняя хрустальные капли талой воды, которые, падая, разбивались о бетон тюремного фундамента.

В железные ворота, украшенные металлическими звездами, въехал черный легковой автомобиль. Один из охранников поспешно закрыл створки ворот и со всех ног бросился в помещение контрольно-пропускного пункта звонить дежурному, чтобы доложить о прибытии высокого начальства.

– Товарищ сержант госбезопасности, кто-то из наркомата приехал! – выпалил охранник.

– Не части. Что там у тебя стряслось? Кто приехал? Документы смотрел? – заспанным голосом спрашивал дежурный.

– Документы в порядке. И пропуск... И удостоверение...

– Кто он по фамилии?

– Я не разобрал. Он быстро все показал. На букву «эс» у него фамилия.

– Сам ты на букву «эс»... Понабрали вас!.. Ни украсть, ни покараулить!..

Пока дежурный, застегиваясь на ходу и перебирая фамилии работников наркомата, начинающиеся с буквы «эс», бежал навстречу начальству, само начальство благополучно миновало череду кованых дверей, которые, как по волшебству, раскрывались перед ним и с четкостью мышеловки захлопывались.

Когда приехавший и дежурный встретились, а встретились они буквально лицом к лицу уже в здании изолятора, на лестнице, последний обомлел. Перед ним стоял один из начальников отделов наркомата и соответственно заместитель наркома Павел Анатольевич Судоплатов. Все было странно, начиная с раннего визита. В это время и персонал, и заключенные обычно спали после ночных допросов. Мало того, Судоплатов был одет во все гражданское, явно заграничного покроя. Оно и понятно. Дежурный от кого-то слышал, что занимается Судоплатов не внутренними, а все больше внешними делами. Да и сам молодой, красивый и элегантный замнаркома больше был похож на иностранного дипломата, чем на чекиста. За все время службы дежурный видел его в Лефортове не более двух раз, да и то не одного, а в компании с самим товарищем Берией.

– Товарищ майор госбезопасности... – начал было докладывать дежурный.

– Пошли, – оборвал рапорт комиссар. – Меня интересует один арестант. Дело его у меня с собой. Номер не помню. Секретаря не потребуется. Препроводить его в наш кабинет. Он не буйный, надеюсь?

– Спокойный. У нас буйные сидельцы не приживаются, – попытался пошутить дежурный. Неожиданно пронзительный взгляд Судоплатова как холодным сквозняком сдул с лица дежурного подобие улыбки, заставив мертвенно посинеть губы.

– И прикажите заварить чаю. Два чая. И чего-нибудь перекусить... И не делайте удивленных глаз. Надеюсь, вы понимаете, что я сюда не чаи гонять приехал. Все. Жду, – закончил Судоплатов, проходя в камеру-кабинет, оборудованную специально для начальства.

Обстановка помещения напоминала маленькую гостиную: диван, два кресла, журнальный столик, шкаф с посудой, зеленые портьеры, закрывающие не только окно, но и всю тюремную стену. Был даже небольшой персидский ковер на полу. В углу стоял торшер.

Однако письменный стол с мраморной настольной лампой под абажуром и привинченные к полу стулья все же были. Но допрашивали и пытали не здесь. Здесь беседовали. Иногда отдыхали.

Заключенный номер 13 вот уже вторую неделю приходил в себя после очередного допроса. Впрочем, этот последний допрос был, по сути, не допросом, а форменным избие-нием. Вопросы «будешь говорить правду?» и «будешь подписывать?» были лишь необходимыми атрибутами. Били железным прутком по пяткам. Теперь ступни распухли, и если бы сейчас снова вызвали на допрос, то без помощи надзирателя он бы вряд ли дошел. Надзира-тели не раз просили «молотобойцев» не уродовать арестованным конечности, чтобы те хотя бы до камеры могли дойти своими ногами. Куда там! «Молотобойцы» отшучивались:

– Ты, Иван, его как комиссара с поля боя волочешь!

– Не споткнись, Ванька, а то тебе «вредительство» пришьют, ежели расшибешь!..

– Помогли бы лучше, ироды, – кряхтя под тяжестью бессознательного тела, говорил надзиратель.

– Ну да. Тебе поможешь и сам как пособник контрреволюции пойдешь...

И смеялись придурковато: «Кгы-кгы-кгы!» Ну очень весело было парням! Особое веселье вызывало то, что иногда надзирателю приходилось выносить парашу вместо иска-ленного арестанта. Этого момента особенно ждали. Но шутки шутками, а с приходом к власти Берии большая часть «молотобойцев» была расстреляна по статье «вредительство». Также в последнее время стали жестоко наказывать за выбитые зубы, что в первые годы репрессий считалось особым шиком. Но заблуждаются те, кто посчитает этот факт проявле-нием гуманности. Просто следователи постоянно жаловались на то, что речь подследствен-ных трудно понять. Также люди от побоев часто теряли слух. Словом, появлялся повод рас-стрелять пару-тройку тюремщиков, а то и зарвавшегося следователя. Вновь принятые на эту «ответственную работу» первое время вели себя нормально, но присутствие на допро-сах, причастность якобы к тайне, которую они кулаками выбивали из подследственных, делали свое дело. Только конченные садисты могли исполнять эту должность длительное время. Иногда в изолятор на «молотобойскую практику» приходили «практиканты». Так называли работников низовых звеньев: районных и городских управлений НКВД. Им пред-стояло освоить науку избивать. И не в пространстве спортзала, а в тесной камере. И не на боксерской груше, а на живом человеке. Называлось это «набить казанки». Многим стано-вилось дурно, как бывает дурно студентам-медикам при первом посещении операционной или морга. Но эти всегда помогали доводить и дотаскивать арестованных до камеры. А быв-ший «молотобоец» голосил из другой камеры в подвале:

– Ваня, хоть ты скажи им, что я ни в чем не виноват!

– У нас невиноватые не сидят, – заученно отвечал охранник. Но это сквозь прокуренные зубы, а вслух громко кричал: – Разговаривать запрещено!

– Ванька, сука, ты хоть моей Нинке скажи, что я здесь.

– А чего ей говорить? Сама поймет... Как в газетах пишут... «сгорел на работе»...

Люди с таким чувством юмора просто обречены на уничтожение и самоуничтожение. Но именно вся эта энкавэдэшная мелкота была более других уверена, что кто-кто, а она-то выживет. Однако именно от нее и пытались избавиться вышестоящие живодееры в первую очередь, как избавляются от самых опасных свидетелей. Вы никогда не найдете свидетелей допросов репрессированных военачальников. Они расстреляны следом за своими жертвами. Напрасно будете искать очевидцев депортации чеченцев или крымских татар среди бывших военнослужащих, принимавших в этом участие. Дивизии эти бросались в самое пекло войны, хороня с собой в неизвестных солдатских могилах тайны истории.

* * *

У героя нашего повествования были время и возможность осознать устройство и механику машины репрессий. Во многом благодаря этому ему и удавалось до сих пор уцелеть. Но главное в том, что для арестанта под номером 13 впасть в отчаяние всегда было непροстительным грехом. И еще по многим причинам он перестал бояться смерти. Это и военное ремесло, которое он избрал еще в детстве, это и одиночество в таком сумбурном и жестоком мире. Это и постоянная угроза смерти в последние годы, которая и воспринималась как-то по-фронтовому: «Хоть бы убили, что ли, быстрее». Надоело и бояться, и прятаться. Была еще одна необычная особенность у этого человека. Впервые он узнал о ней при своем первом боевом ранении в лесах Восточной Пруссии в 1914 году, когда он, тогда офицер русского Генерального штаба, выходил из окружения вместе с остатками разгромленной немцами армии генерала Самсонова. При острой боли от легкого пулевого ранения в плечо он сразу же потерял сознание. Позже доктор и профессор медицины Петр Линдэ объяснил ему, что организм некоторых людей имеет такую особенность и еще до наступления болевого шока как бы выключает сознание. Тогда он стыдился этой своей особенности. Было время, даже пытался тренировать у себя невосприимчивость к боли, но новые ранения перечеркивали все усилия. Зато он научился, если можно так выразиться, сознательно терять сознание. Малейшей боли ему было достаточно, чтобы заставить себя упасть без чувств. Знал он и то, что однажды можно и вовсе никогда не очнуться. Следователи внесудебных органов готовы были лопнуть от злости, но поделаться ничем с ним не могли. Методы так называемого «физического воздействия» в данном конкретном случае не действовали.

Уже вторую неделю его не вызывали на допросы. Следовало ждать каких-то событий. Наверное, что-то уже происходило. Показания, которые из него выбивали, были очень важны, и поэтому его не могли так сразу расстрелять, а невозможность выбить эти показания уже стоила карьеры, а то и самой жизни нескольким следователям. Содержали его в одиночной камере. В общих камерах давно соорудили многоярусные деревянные нары, где из-за тесноты и скученности разрешалось полежать на них днем. Здесь же была кровать, в дневное время прикрепляемая к стене, – наследие царизма, который не видел ничего предосудительного в том, что арестованные будут спать на койке с панцирной сеткой. Спать днем категорически воспрещалось. Разве только утром после ночного допроса позволяли поспать чуть больше положенного. Также были не положены стол и табурет, не говоря уже об этажерке для книг – необходимого атрибута камеры для государственного преступника в дореволюционное время.

Он сидел на каменном приступке у окна и почти равнодушно смотрел на опухшие ступни ног. «Если сейчас придется надеть ботинки, то сделать это будет мучительно больно», – думал он. Неожиданно отворилось окошко для раздачи пищи. В отличие от входной железной двери оно всегда тщательно смазывалось солидолом. Надзиратель заглянул в него. Затем, лязгая и гремя связкой ключей, со скрежетом распахнул дверь. Скрежет тюремных дверей в русских острогах как старинная традиция кочует из века в век. Кто бы и зачем ни открывал дверь – вся тюрьма должна слышать.

– Выходи, – беспристрастным голосом приказал надзиратель. – Да живо давай!

Надеть ботинки быстро не удавалось. И если один башмак он кое-как, морщась от боли, натянул, то другой никак не поддавался. Из конца коридора долетел недовольный голос дежурного:

– Чего ты там копаешься? Мать твою так!..

Надзиратель вошел в камеру, что запрещалось, присел на корточки перед арестованным, что и в мыслях нельзя было допустить, и, вставив чужую ногу во второй ботинок, рывком его надел. Арестованный застонал.

– Заткнись, гнида. Выходи! Не понял, что ли?

Поняв, что тот не притворяется, надзиратель помог арестанту выйти из камеры и, повернув его лицом к стене, заученно приказал:

– Стоять!

После рывков и проходки все тело узника наполнилось болью. Болели ноги. Ноющей болью саднила поясница. Вдруг заныли еще не выбитые, чудом уцелевшие зубы. Казалось, болел воспаленный мозг в голове. И все же, стоя лицом к стене, с заведенными за спину руками, он думал о том, куда его собрались вести. «На допрос? Вряд ли. На допросы выводят по вечерам. Ближе к ночи. Расстреливать? Почти исключено. Это тоже дело ночное». Вообще однажды он очень поразился мысли: расстреливают открыто и днем только во время войны. Во всех других случаях печать греховности и преступности заставляет переносить убийство на темное время суток.

В арестантской робе, полной вшей, в незашнурованных ботинках на опухших, не защищенных носками ногах, невымытый и небритый, худой от недоедания, измученный пытками и неопределенностью собственной судьбы, он предстал перед Судоплатовым. В кабинет-камеру его привел сам дежурный.

– Арестованный по вашему приказанию доставлен, – доложил дежурный.

– Принесите чай и пока свободны, – сказал Судоплатов, обращаясь к дежурному. – А вас прошу сюда, – кивнул он заключенному на стул перед столом, на котором громоздилась объемистая папка уголовного дела.

Дежурный вышел, а заключенный продолжал стоять, не решаясь начать двигаться самостоятельно. Трудно и больно было даже стоять. Он наконец-то решился и, как на чужих ногах, двинулся к столу. Приучив себя ничему не удивляться, он и сейчас не удивился такому началу допроса, раз и навсегда усвоив лагерный девиз: «Не верь. Не бойся. Не проси». С трудом подойдя к столу, морщась от боли, присел на предложенный стул. Несколько минут они молча смотрели друг на друга.

Они понравились друг другу. Иногда так бывает, но это говорит только о том, что, повстречайся в другой обстановке, они могли бы стать приятелями. В условиях тюрьмы это могло иметь и обратный эффект. Следовательно, например, борясь с чувством симпатии, мог искусственно зависеть чувство служебного долга и вкатить на всю катушку, чтоб никогда больше не испытывать такого неудобства в работе.

Глядя на Судоплатова, арестант анализировал, что так располагало его к этому молодому человеку... Умные, внимательные глаза. В рисунке губ угадывался сильный характер, пока скрытый обаянием молодости. Прекрасно, со вкусом одет. Безукоризненно завязанный узел дорогого галстука. За гражданским костюмом угадывалась военная выправка. Вероятно, не пьет и не курит, поэтому выглядит младше своих лет. «Как я...» Стоп! Молодой человек похож на него. Точнее, на него самого в молодости. Да. Лет двадцать назад он, наверное, со стороны выглядел таким же. А его генеральские погоны вызывали у окружающих не восхищение, а некоторое недоумение из-за несолидного для генерала возраста. А ведь этот молодой человек, наверное, тоже в генеральских чинах. Только вместо генеральских погон носит петлицы с одним, а может быть, даже и с двумя ромбами... Невольная улыбка набежала на давно не бритое лицо заключенного.

Он хотел вспомнить и не смог, когда в последний раз видел себя в зеркале. И без взгляда в зеркало он мог быть уверенным, что в свои сорок восемь лет выглядит стариком.

От Судоплатова не ускользнула улыбка подследственного, но он не стал уподобляться рядовому следователю и выяснять причины едва заметной перемены в этом изможденном лице. Он изучал эту неподражаемую манеру держаться, которая так отличала офицеров царской армии от нынешних командиров, которые перенимали манеры из кинофильма о Чапаеве. А у этого было излишне спрашивать «служили ли вы в белой армии?». Надо отдать им должное: на допросах держались такие куда более достойно, чем воспитанники новой эпохи. У последних с арестом рушился весь мир и чувство несправедливости происходящего размазывало личность до самого мерзкого состояния. «Бывшие» же опирались на вековую историю, которую невозможно было уничтожить, расправляясь с самими носителями этой истории. И они, сволочи, кажется, если не понимали, то чувствовали это. Вдруг Судоплатова осенило неожиданное открытие. Он нашел ответ на вопрос, на который тщетно пытались ответить многие. Почему товарищ Сталин постоянно смотрит во МХАТе «Дни Турбиных» Михаила Булгакова, спектакль, в котором звезды отечественной сцены щеголяют в офицерской форме с золотыми, считай белогвардейскими, погонами. В этом был какой-то скрытый фельдфебельский комплекс неполноценности. Теперь загадочно улыбнулся Судоплатов. Понятна стала и привязанность Сталина к маршалу Шапошникову – бывшему подполковнику царской армии, о котором сегодня еще речь пойдет.

С небольшим металлическим подносом, накрытым непонятно откуда взявшейся здесь накрахмаленной белой салфеткой, вошел дежурный. Так же тихо, как мышь, вышел. Судоплатов сам разлил чай по стаканам в медных подстаканниках с изображенным на них красноармейцем. Красноармеец колот пролетарским штыком гидру. Гидра по принятой топонимике символизировала мировой капитал.

– Закусывайте и слушайте, – взяв свой стакан с чаем, начал Судоплатов. – Допроса в общепринятом понимании сегодня не будет, но даже без протокола мне нужно все же знать ваши настоящие имя и фамилию. А то какая-то путаница получается. По одним протоколам у вас фамилия Суровцев, а по другим вы проходите как Сергей Георгиевич Мирк. Где правда и чему верить? Вы угощайтесь. Берите печенье с вареньем.

– Все очень просто, – ничуть не смущаясь необычностью происходящего и взяв печенье, ответил Суровцев. – У меня до германской войны была двойная фамилия. Мирк-Суровцев.

– Очень интересно, – помешивая ложечкой чай и удивляясь простоте и естественности поведения арестованного в этих противоестественных условиях, искренне проговорил Судоплатов. – И почему же вдруг фамилия разделилась?

– На этом настоял мой непосредственный начальник. Во время войны в военной среде начались притеснения людей с немецкими фамилиями. Война-то с Германией. Даже боевые

генералы испытывали обструкцию. Рейненкампф сильно переживал. Трудно складывалась карьера генерала Маннергейма. Сдается мне, генерал Врангель, тогда еще не генерал, только поэтому черкеску стал носить. Дескать, какой же я немец, если как дикий чеченец хожу с газырями на груди. Я по-своему тоже отдал дань фронтовой моде на черкески.

– Вы немец?

– Вот и вы спросили. Нет. Я русский. Православного исповедания. По происхождению, как теперь говорят, социально чуждый элемент. Мой прапрапра – не знаю точно, сколько «пра»-дед – был настоящий немец. А я такой же немец, как Пушкин африканец. Правда, немецкому языку традиционно всех детей в роду обучали. Может быть, поэтому фамилия и не пропадала. Потом, нужно у ваших следователей спрашивать о разночтениях. Хотя это-то и понятно. Когда обвиняли в шпионаже в пользу Германии, пользовались фамилией Мирк; когда в организации контрреволюционного или военного заговора – то и Суровцев годился. Нужно у них спрашивать.

– Может быть, и следовало бы спросить, но, как говорится, «иных уж нет, а те далече». А вам не кажется, что вы легкомысленно настроены? Или у вас от сладкого головокружение началось?

– Извините. Я, право, действительно зарвался, – искренне извинился Суровцев и положил на блюдце чайную ложечку, которой до этого, сдерживая себя, но с детским аппетитом ел малиновое варенье, несмотря на боль во рту из-за искалеченных зубов. – Спасибо за угощение. Ей-богу, как ребенок...

– Должен вам напомнить, гражданин Суровцев-Мирк или Мирк-Суровцев, что в вашем деле стоит приговор, вынесенный вам четыре года назад. И это ВМР. Высшую меру наказания вам никто не отменял. Согласитесь, что четыре года отсрочки – это чересчур много. К тому же у меня сложилось стойкое убеждение, что вы не только сознательно запутывали следствие, но и, как говорится, подвели под монастырь многих честных людей. И еще одно... В Томске и Новосибирске наши люди искали бывшего начальника штаба Северной группы и личного представителя Колчака по фамилии Мирк. Сибирские чекисты просто не знали, что у вас двойная фамилия. Не знали они и о том, что до появления в Сибири вы уже повоевали в белой армии на Дону и Кубани. И с такой биографией умудрились повоевать с белополяками на стороне Красной армии. А то, что вы в прошлом офицер Разведывательного отдела еще царского, дореволюционного Генерального штаба, так это, признаюсь, и нас в Москве повергло в шок. Хотя именно это и объясняет вашу, простите, живучесть.

Теперь испытать шок пришла очередь Суровцева. Это было прямое предвестие скорой гибели. Он, до этого завороченно, как ребенок, смотревший на вазочку с вареньем, мгновенно забыл и о варенье, и о боли в ногах. «Но как, черт их побери, они узнали все это?» – думал он. Ясно было одно: проверкой его прошлого занимались теперь очень серьезно. Вот так сразу, навскидку, невозможно было понять, каким источником пользовались чекисты. И потом, он не мог предположить, что послужило поводом к такой детализации его прошлого. Одного генеральского звания, присвоенного ему Колчаком, вполне достаточно для скорой расправы. Не давая ему опомниться и твердо зная, что его слова в душе Суровцева вызвали смятение, Судоплатов продолжал:

– Теперь о вашей причастности к исчезновению части золотого запаса царской России. Может быть, вы и были причастны к так называемому золоту Колчака, но для меня совершенно очевидно, что вы эту причастность превратили в орудие в борьбе за собственную шкуру. Причем в орудие, опасное для людей, которые имели неосторожность поверить вам. Многим из них пришлось отвечать за это перед законом. Вы понимаете, о чем я говорю?

Конечно, арестованный понимал и про себя лишь подумал: «Туда им и дорога, мерзавцам!» Сладостное чувство свершившейся мести греховным теплом коснулось его души.

– Должен вам прямо заявить, – продолжал Судоплатов, – нас не интересуют рассказы о якобы зарытом где-то в Сибири золоте. Мы в это не верим. Но определенный интерес вы все же представляете. И дальнейшая ваша судьба зависит от вас. Потому я для начала попрошу вас ответить на несколько вопросов о вашей биографии.

Мирк-Суровцев со всей очевидностью осознал, что его четырехлетняя борьба за жизнь окончена. Может быть, и не стоило так цепляться за эту жизнь, если она не принесла ничего, кроме разочарований и боли? В любом случае прежняя тактика поведения не годится. Ответить нужно по возможности откровенно. Этот чекист прав: расстрелять его можно хоть сейчас. Стоило ли тогда столько лет цепляться за жизнь в стране, которой он не нужен? «Господи Боже мой! Почему нам не дано знать, где ты нас наказываешь, а где испытуешь? Господи, дай понять волю твою! Укрепи дух мой, Господи», – помолился он. «Во всем промысел Божий. Пусть спрашивает. Хуже, чем есть сейчас, вряд ли будет».

– Понимаю, вам многое обо мне известно, но, кроме золота Колчака, мне кажется, вас мне заинтересовать нечем. А вы мне прямо сказали, что вас это меньше всего интересует. Не историей же Гражданской войны вы интересуетесь? – сам начал разговор Мирк-Суровцев.

Он пытался хоть как-то нащупать русло предстоящего разговора и хотя бы приблизительно установить сферу профессиональных интересов этого молодца. Кто он? Контрразведчик? Разведчик? Он сразу же отнес своего собеседника к элите спецслужб.

– Историей. Вы это правильно заметили. Именно история меня и интересует, – неожиданно оживился Судоплатов. – Не та история, которую пишут историки, а та, которую проживают ее участники, творцы, выражаясь высокопарно.

– Ну что ж, – внутренне собравшись, согласился Мирк-Суровцев. – История так история. Спрашивайте. Но должен предупредить, что мои исторические наблюдения вряд ли будут соответствовать официально принятым.

– Будем считать, что я интересуюсь мнением врага. Вы, наверное, не знаете, но сам Ленин очень внимательно читал мемуары, например Деникина.

– Какой же я теперь враг! Хотя скажи я где-нибудь на улице что-то подобное о товарище Ленине, и в моем деле прибавится статья «антисоветская пропаганда».

– Вы, к счастью, в тюрьме, а не на улице. А враг вы опасный. Поверженный, но опасный. Итак, первый вопрос... С кем из руководителей Белого движения вы были знакомы лично?

– Это непростой вопрос. Очень со многими. Кроме уже перечисленных генералов, я был знаком со многими высшими офицерами и генералами белой армии. Может быть, вы назовете, кто конкретно вас интересует?

– Хорошо. Поставлю вопрос иначе. Как вы оказались в Добровольческой армии?

– Это очень просто. После выступления в августе 1917 года.

– Вы имеете в виду корниловский мятеж?

– Да, теперь это называется так. После этого выступления я, как многие офицеры и генералы, был арестован и заключен в тюрьму в городе Быхове Черниговской губернии. Собственно говоря, это была не тюрьма, а монастырь, переоборудованный под тюрьму.

– Сразу вас перебую. В каком чине вы тогда были? И какова ваша последняя должность в царской армии?

– Старший адъютант Разведывательного отделения 8-й армии Северо-Западного фронта. Воинское звание – полковник.

– Чем вы занимались во время самого мятежа?

Ну вот, понял Мирк-Суровцев, это та самая грань во время допроса, когда определяется его исход. Ложь или заминка сразу же чувствуются. В его положении уже вряд ли что

поможет, но откровенность, может быть, позволит не только расположить к себе, но и узнать, что они от него хотят.

– Я занимался формированием ударных офицерских батальонов, – откровенно признался он.

– Какое назначение имели эти формирования?

– Их предполагалось использовать для захвата стратегических объектов в Петрограде при общем штурме столицы. Также, не скрою, для ареста Петроградского совдепа и членов Временного правительства.

– Что представляли собой эти формирования?

– Эти батальоны – продолжение моей диссертации в академии. По своей сути – это отборные части. Это гвардия, но гвардия, при формировании которой решающим фактором являлась не знатность, а боевой опыт и заслуги офицеров. О степени боеспособности таких частей можно судить по одной их операции. Но боюсь, что это теперь секрет за семью печатями.

– Поясните.

– Командир одного из таких батальонов перешел на вашу сторону. По моим сведениям, именно он был одним из руководителей захвата Зимнего. Такой вот подарок новой власти. Вы-то должны знать, что матросы и рабочие, карабкающиеся на ворота под аркой Генерального штаба, – художественный бред какого-то кинодеятели?

Судоплатов удивился, но оставил без комментария последние слова Суровцева. Он отметил для себя необходимость уточнить все вышесказанное, как и то, что нужно будет познакомиться с диссертацией этого умника.

– Командир батальона, – продолжал между тем Суровцев-Мирк, – подполковник Свечин когда-то был у меня в подчинении. Потом некоторые офицеры батальона раскаялись в измене и, как многие другие, оказались на Дону. Возможно, даже где-то сохранились их показания. В частности, они показали, что в составе батальона были немецкие офицеры из числа пленных. По имевшимся у меня тогда сведениям, еще весной Свечин имел встречи в Финляндии с Владимиром Ульяновым-Лениным. Хотя об услугах предателей стараются побыстрее забыть. Даю голову на отсечение, но Свечина наверняка успокоила пуля чекиста. А что касается того, как я оказался в Добровольческой армии, – это просто. Генерал Духонин устным приказом приказал спасти Корнилова и всех генералов. Потом главнокомандующего Духонина на перроне могиловского вокзала растерзали прибывшие из Питера во главе с Крыленко пьяные, обнюхавшиеся кокаина матросы. Заметьте, не расстреляли, а именно растерзали. Начали с обрывания генеральских погон, а закончили всем остальным, что только смогли оторвать. Всем нам стало ясно, что нас ожидает. Было принято решение бежать на Дон. Тогда верилось, что донское казачество поддержит наше выступление.

– Как к вам относились арестованные вместе с вами генералы Корнилов, Деникин, Марков? – спросил Судоплатов.

«А вот этот вопрос из сегодняшнего дня, – подумал Суровцев. – Думай, думай, – понукал он себя. – Что? Что за этим вопросом кроется?» Он отметил, что из троих в живых сейчас только генерал Деникин. Он где-то в эмиграции. Также чекист почему-то не спросил о генералах Романовском и Лукомском, которые до последнего дня перед побегом находились в Быхове. Он приказал себе запомнить эту деталь и, поняв, что его откровенность делает свое дело и располагает к нему, продолжал:

– Ко мне они относились по-отечески, даже с некоторой нежностью. Некоторым из них по возрасту я в сыновья годился. Не знаю, известно ли вам то, что я начал военную карьеру восьмилетним ребенком?

– Каким образом? – удивился Судоплатов.

– Я из военного рода. Все предки и по русской, и по немецкой линии были военные. Родители мои умерли рано, а воспитывавшие меня тетушки посчитали, что женское воспитание пагубно сказывается на моем юном характере, даже уродует его. Ребенком я был весьма своенравным. Из кадетского корпуса вышел в пятнадцать лет. В корпусе и в училище за выказанные способности мне было позволено сдавать экзамены экстерном. А в двадцать один год закончил академию. Это легендарный факт. Если среди нынешних ваших военных еще остались выпускники царской Академии Генерального штаба, то они подтвердят, что я был самым молодым выпускником академии за все время ее существования. И закончил я ее с отличием, – гордо произнес Суровцев, сразу же напомним Судоплатову, что он из «бывших».

– Вы лично были знакомы с маршалом Шапошниковым?

Мирк невольно вздрогнул. Вопрос был слишком неожиданным. Ему пришлось признать, что за последние годы власть сумела воспитать грамотные кадры органов безопасности. Допрос велся мастерски. Он взял на заметку и этот вопрос. Но теперь, беря тайм-аут, спросил сам:

– Уж не хотите ли вы почерпнуть у меня сведения, порочащие красного маршала? И потом, почему вы спросили «был знаком»? Что-то случилось с Борисом Михайловичем?

Ритм допроса, казалось, был сломан. И теперь, когда чекист должен будет пуститься в уточнения, появится время еще раз задуматься о том, что от него хотят в этот раз. А ведь что-то им нужно, о чем прямо говорить они не желают. Нет. Судоплатов оказался человеком опытным. Он не только не сбился, но и стал набирать обороты в ведении допроса, правда, выказав на этот раз крайне серьезный интерес к Суровцеву со стороны НКВД:

– Мы спросили Шапошникова о вас. Он вас, оказывается, помнит. А вы?

– Я был с ним знаком как с командиром Мингрельского полка на Юго-Западном фронте во время германской войны.

– У вас замечательная память.

– Сам удивляюсь, как до сих пор не выколотили при допросах.

– Чем сейчас занимается маршал Шапошников, вы знаете?

Здесь осторожничать не приходилось, и без всякого напряжения Мирк признался:

– Только то, что писали в газетах до моего ареста.

– Маршал Шапошников охарактеризовал вас как блестящего офицера. Искренне пожалел, что вы были по другую сторону баррикад. Вы, оказывается, владеете почти всеми европейскими языками...

«Чего же он от меня хочет? – продолжал гадать арестованный. – Сдается мне, и сам ты иностранными языками владеешь. Сначала вопрос о Деникине, теперь вот о Шапошникове». Кстати, именно Шапошников вполне мог просветить чекистов о некоторых фактах его биографии. Во время Гражданской войны по обеим сторонам фронта кадровые военные очень ревниво и тщательно отслеживали судьбы своих коллег и сослуживцев по царской армии. И не раз можно было слышать проклятия и ругань от бывшего гвардейца-семеновца, дерущегося с красными, в адрес бывшего сослуживца, в прошлом поручика того же полка, а теперь красного командарма Михаила Тухачевского: «Чтоб он сдох, христопродавец!» По другую сторону фронта также не скупилась на крепкие выражения. «Я этого фон Дергольца еще по германской знал. Таких скотов еще поискать надо», – говорил какой-нибудь красный военспец о своем бывшем сослуживце. Тут Суровцев неожиданно для себя вспомнил, что барон фон Дерголец был одно время непосредственным начальником нынешнего советского генерала Жукова, чья звезда так головокружительно возшла в последние годы. Смешно, но и с Жуковым сводила его военная судьба. Незадолго до ареста в кинотеатре перед фильмом он смотрел кинохронику. Была такая практика в советское время: перед самым фильмом обязательно показывали фильм документальный. Так их называли. И вдруг с экрана на него взгля-

нул Георгий Жуков, которого он сам лично представлял к Георгиевскому кресту за захват в плен немецкого полковника. На момент выхода фильма на экраны Егор Жуков командовал ни много ни мало военным округом. Сказать кому – не поверят. Но этого говорить он никому не собирался. И без того хватало проблем. Да и сам этот факт только повод лишний раз сказать, что «мир тесен».

– А генерал Степанов Александр Николаевич так же по-отечески, как Корнилов и Деникин, относился к вам? – резко и неожиданно спросил чекист. – Отвечать быстро! Когда в последний раз вы виделись и говорили со Степановым?

– Осенью 1917 года.

– Выполняли ли вы особые поручения Степанова?

– Да.

– Почему вы не сказали ничего этого следователям?

– Их интересовало только золото Колчака.

– Это Степанов посоветовал вам на время войны избавиться от немецкой составляющей вашей фамилии?

– Да.

– Почему Степанов не перешел на сторону советской власти, как другие генералы контрразведки?

– Не знаю.

– В Белом движении он участвовал?

– Я этого не знаю.

– Нет, знаете! – почти крикнул Судоплатов.

– Не знаю.

– Где теперь находится бывший генерал Степанов?

– Мне это неизвестно.

После таких перемен в манере ведения допроса обычно следовало избивание допрашиваемого. Оба об этом знали.

– Встать!

Суровцев, морщась от боли, с усилием встал на избитые ноги. И опять боль в ногах отозвалась во всем измученном теле. Судоплатов кнопкой электрического звонка на столе вызвал дежурного по изолятору. Тот сразу же вошел вместе с надзирателем.

– Увести, – приказал Судоплатов.

Арестованного увели. Судоплатов несколько раз пощелкал выключателем мраморной настольной лампы. Встал. Прошелся по камере-кабинету. Сел в кресло. Его начинал тяготить тяжелый запах тюрьмы. После таких визитов уже дома его жена Эмма, морща милый носик, как правило, с укором говорила: «Павел, от тебя опять пахнет козлятиной». Захотелось скорее выйти на свежий воздух, под яркое мартовское солнце. К тому же здесь, в атмосфере тюрьмы, трудно собраться с мыслями, а ему нужно было хорошо подумать. Он положил папку с делом Суровцева в портфель и, оставив его на столе, захватив по пути пальто с вешалки, быстро вышел.

Как он и предполагал, дежурный с его портфелем в руках вышел на тюремный двор несколько минут спустя.

– Товарищ комиссар госбезопасности, ваш портфель...

Точно не слыша его, щурясь от яркого солнца, Судоплатов всей грудью с наслаждением вдыхал какую-то, так показалось, арбузную свежесть весны. Насыщенный влагой воздух точил ноздреватый снег. Прохлада в сочетании с влажностью и ярким солнцем была изумительна. А с крыш уже не капало. Казалось, вот-вот потекут целые потоки талой воды.

– А снег с крыши вы сами не догадаетесь сбросить? – указал он дежурному.

Дежурный сам об этом думал, но рассудил, что это дело начальника изолятора, а никак не его. «Пусть думает, кто будет сбрасывать снег с крыши. Хорошо в обычной тюрьме. Там зэки все делают. А здесь заработки хоть и большие, а вечно под страхом ходишь. Да что говорить, когда дерьмо приходится самим за заключенными выносить», – с досадой закончил свои размышления дежурный.

– Арестованного я забираю. К вечеру помыть, побрить, переодеть. Если есть вши – вывести, – отдавал распоряжения майор госбезопасности.

– А как с документами?

– Оформите его на меня. Необходимые документы у вас будут.

Не склонный к проявлению барства Судоплатов все же не взял у дежурного свой портфель, заставив сопровождать себя до машины. Однажды Берия с чисто кавказской откровенностью, но с уважением и любовью к чисто русским речевым оборотам сделал ему замечание по этому поводу: «Подчиненный должен не только знать. Он должен всегда чувствовать, что он никто и звать его никак. – И со смехом добавил: – Но тебя, дорогой, это не касается!» Дежурный по изолятору в очередной раз почувствовал именно то, о чем любил говорить Берия. Его, дежурного, как никого другого, это касалось. Опыт подсказывал, что его в самое ближайшее время это коснется, если уже не коснулось следователя, который вел допросы. А также, наверное, и «молотобойца». Что-то сделали не так, если сам заместитель Берии приезжал и вот теперь забирает заключенного на Лубянку.

Глава 2. Святки кадета

1907 год. Январь. Томск

Хорошо в столицах, где балы следуют один за другим. Хорошо! Там любой купец, не говоря уже о сановниках и вельможах, волен давать балы, когда ему вздумается. Разумеется, исключая дни Великого поста и постов прочих. В провинции другое дело. Здесь не разгуляешься. Бал – дело дорогое. Одних свечей тысяч пять нужно сжечь. Да не дешевых и тонких – церковных, а толстых – кабинетных. Электричество электричеством, да много ли ты увидишь на балу при свете лампочек?! А еще угощение из приличного ресторана... А еще шампанское... А нанимаемая прислуга и оркестр!

Томск – город богатый, купеческий. Другого такого за Уралом не найдешь. Дальше, в глубине Сибири, есть еще Красноярск, Иркутск, Чита. На самом краю империи Владивосток. Но Томск, в недавнем 1904 году отметивший триста лет со дня своего основания, более обжитой. Одних банков на душу населения больше, чем в Швейцарии, и ресторанов с трактирами – как в Париже. Есть даже биржи. А с открытием первого в Сибири университета сюда перестали ссылать политических. Две пересыльные тюрьмы и одна своя, губернская, остались, но каторжанские этапы проводили через город по ночам, чтобы не смущать жителей. К утру выводили за город к началу Иркутского тракта и гнали дальше от глаз «во глубину сибирских руд». Но со строительством Транссибирской магистрали и этот поток стал ослабевать. Да и сам Томск, оставшийся в стороне от Транссиба, начал заметно уступать свои позиции старым и строящимся городам, через которые проходила магистраль века.

После поражения в Русско-японской войне и последовавшей за ней первой русской революцией, ознаменованной в Томске беспорядками и погромом, город, как и вся империя, налаживал прежнюю, дореволюционную жизнь.

Губернаторский бал – событие для Томска. На Рождество и Пасху их, бывало, давали по несколько. Кроме одного главного бала, были еще и студенческие, а иногда и просто балы для молодежи. Проблемы финансирования решались достаточно легко. Купцы охотно давали деньги на балы. Такая благотворительность имела свою цену. Помощь губернской администрации отзывалась ответной помощью в выделении участков под строительство, в размещении подрядов и прочем, включая переход из низшей купеческой гильдии в следующую по возрастанию. Наращивание оборотного капитала давало более высокий социальный статус. А это серьезно. Купец второй гильдии имел право на прием у губернатора, а купец первой мог просить аудиенции и у государя. Другое дело, давали эту аудиенцию или нет. Было и еще одно важное, если не самое важное, назначение балов. Здесь происходили смотрины губернской молодежи.

Все друг друга знали, родители и без того присматривали своим чадам женихов и невест, но бал – другое дело. Нужно проверить, как твоя или твой смотрятся в обществе таких же молодых людей. Балы вносили коррективы в родительские наметки будущих браков. И если в столицах это было почти обыденностью, то в купеческом Томске принимало иногда карикатурные формы. Одно слово – провинция.

Приехавшего на рождественские каникулы кадета в этот день издергали, начиная с утра. Сергей привык проводить свои отпуска в чтении книг. Даже летом, отправляясь со своим товарищем по Омскому кадетскому корпусу Анатолием Пепеляевым на берег Томи или впадающей в Томь речки Ушайки, он неизменно брал с собой книгу. Этот день он собирался провести в общении с «Историей Семилетней войны» Рамбо. Вместо этого тетушки

утром потащили к портному, чтобы заказать ему новый мундир. Ничего особенного в этом не было. Он рос, и в каждом полугодии мундир приходилось шить новый, а в конце каждого лета заказывали еще и сапоги. Сапоги всегда шили на вырост. Но были они кадету впору только к середине зимы, а к лету уже жали. Необычность визита к портному заключалась в том, что в обед должна была последовать примерка, а к вечеру мундир должен быть готовым, чтобы Сергей в новом мундире отправился вместе с тетушками на бал. Поняв, что отвертеться от бала не удастся, он имел неосторожность заметить:

– Я не Наташа Ростова, чтобы о балах мечтать!

Так, памятуя о прочитанном прошлым летом романе Льва Толстого, сказал Сережа. А такие произведения ему, как кадету, не воспрещалось читать, но пока не рекомендовалось. Смешно сказать, но «Анна Каренина» в те времена воспринималась как произведение чуть ли не порнографическое. Впрочем, надо заметить, что «Войну и мир» он читал, пропуская главы об обществе. Именно так в то время понималось слово «мир». Это потом школьники были уверены, что слово «мир» означает мирное время, противостоящее войне. Толстой, как и все в девятнадцатом веке, понимал под «миром» общественное устройство. Отсюда происхождение слов «мировоззрение» и «мироощущение».

Тетушки, обычно ни в чем не отличавшиеся единодушием, в этот раз единодушно накинулись на племянника. Сергея всегда забавляло то, что отчитывали они его на двух иностранных языках. Отвечал он всегда на русском, нарочно подбирая слова из лексикона Анатолия Пепеляева. Анатолий, по причине общительного характера, имел массу знакомых и приятелей среди детей купцов и ремесленников и мог при необходимости ругаться не хуже сына томского извозчика. А томские извозчики были большие знатоки и любители русской брани. Соседство с тюрьмами, с каторгой ставило это мастерство на необычайно высокий уровень. На немецком языке, более подходящем для наставлений, как более экспрессивная натура, отчитывать племянника начинала тетушка по отцовской линии – Маргарита:

– Мальчишка, как вы смеете оспаривать решение старших?!

Сразу после поступления Сергея в Омский кадетский корпус тетушки договорились, что будут обращаться к племяннику на вы.

– Серж, – подхватывала на французском языке другая, более сдержанная, тетушка Мария, – есть вещи, которые вам следует принимать как необходимую данность.

– Плевать я хотел на такие данности, – себе под нос бурчал племянник по-русски.

– Мария, он повергает меня в отчаяние своим поведением и своей казарменной лексикой!

– Серж, должны же мы когда-нибудь узнать, научились ли вы в корпусе прилично танцевать. Сегодняшний бал воспринимайте как экзамен.

– Мне кажется, танцы сами по себе – верх неприличия. Как, позвольте узнать, можно прилично исполнять заведомо неприличное? – закончил кадет на безупречном французском, что обе тетушки, преподававшие иностранные языки и в Томском университете, и в технологическом институте, восприняли как знак примирения.

«В конце концов, у него сейчас трудный возраст», – решили они. Затем чувство легкой вины, все чаще в последнее время посещавшее их души, заставило оставить без последствий произнесенное им непристойное слово «плевать». Да и как его накажешь? Не сладкого же его лишать!

На улице муки кадета продолжились. Поминутно он был вынужден останавливаться и раскланиваться с незнакомыми ему людьми. Нужно заметить, что тетушки приближались к тридцатилетнему рубежу. У них тоже был «трудный возраст». Внешне привлекательные и общительные, они были в центре светской жизни Томска. Многие замужние женщины не находили себе покоя при их появлении в общественном собрании или в городском театре. Одеты по последней петербургской моде, незамужние, хорошенькие, остроумные и образо-

ванные собеседницы, они становились причиной семейных сцен, которые устраивали жены своим ветреным, по их мнению, мужьям.

На всем пути с Офицерской улицы до Ямского переуллка они останавливались через каждые сто – двести метров, чтобы в очередной раз подтвердить встречным знакомым свое несомненное намерение быть вечером в общественном собрании на балу. Останавливались, чтобы выслушать комплименты и выводящие Сережу из себя замечания в его адрес. Исходили они от представительниц слабого пола независимо от их социального положения. И купчихи, и матушки гимназисток были солидарны:

– Какой красивый мальчик!

– Какой я им мальчик? Я кадет, а не мальчик.

– И все же, Серж, вы пока еще мальчик. И это прекрасно, – с румянцем от легкого мороза на щеках с ямочками говорила тетушка по русской линии.

– Сергей, приготовьтесь, – вступала в разговор другая тетушка, – офицер идет.

Увидев идущего навстречу военного, тетушки освобождали пространство вокруг племянника, что, по их мнению, было ему необходимо для отдания чести старшему по званию. Сережа чуть добавлял в шаг жесткости и четко прикладывал правую ладонь к кадетской шапке. Попадавшие навстречу офицеры Томского гарнизона, как правило, с улыбкой приветствовали его в ответ.

– Да что вы от меня шарахаетесь при каждом встречном? – выговаривал он тетушкам, когда офицер уже миновал их.

– Ну как же! Это так замечательно... Ты действительно уже почти взрослый, – искренне радовалась Мария Александровна.

– Сергей, откуда вы берете эти невыносимые, извозчиьи слова? Что это значит – «шарахаетесь»? – продолжала Маргарита Ивановна.

Подросток есть подросток. Он весь скроен из противоречий. Как хотелось чаще отдавать честь старшим по званию, когда он впервые надел форму! И вот уже кажется, что офицеры приветствуют как-то несерьезно, как-то даже снисходительно. Как ребенка, выросшего в военную форму. А он уже кадет... Он и думать не мог, что встречные офицеры тоже когда-то были кадетами. А крепкие словечки в речи, от которых вздрагивает тетушка Маргарита? Будущий офицер, по мнению кадетов, должен знать крепкие слова. Другое дело, что предназначены они для произнесения не в светском салоне. А слово «шарахаетесь» – здесь Сергей был согласен – не совсем подходило к поведению все же достаточно милых тетушек. Они не шарахались. Скорее они «канканировали» или «отплясывали» в сторону. Но эти слова он благоразумно не стал произносить.

До Ямского переуллка, где находилась нужная им швейная мастерская, они не дошли. На Новособорной площади точно глас Господень их накрыл тяжелый гул главного колокола Троицкого кафедрального собора...

Волей звоня с места было тронут 339 пудов и 30 фунтов главного колокола храма. Колокол коснулся тяжелым языком своей литой, дорогого сплава щеки. И из неба колокола раз за разом стали выливаться широкие раскаты. Они падали на площадь и, мягко оттолкнувшись от земли, улетали под облака. И вот уже, казалось, небеса откликнулись глубоким, до корней пробирающим, страшным вблизи нижним до... Стаи ворон и сорок поднялись вверх с крыши губернского правления и со всех близлежащих зданий. Все зимующие птицы – пропали. От воробьев с синичками до ворон и сорок – исчезли все... Прогоняя прочь обычных хозяев зимнего неба, поочередно зазвучали десять колоколов храма. Они созвали голубей. Голуби, невесть откуда появившиеся, заполнили все пространство вокруг. Колокольный звон, начавшись с Воскресенской горы, пролетел одновременно к Алексеевскому монастырю и Петропавловскому собору, крылом своим задев Богоявленский собор. Он улетел к далекой Сретенской церкви на Ближнем ключе. Разбудил ее колокола и вернулся

обратно. Замкнулся звон снова на Новособорной площади. Толпы людей выходили на площадь из храма.

Из Троицкого храма – точной копии московского храма Христа Спасителя, и того же архитектора Тона, – толпа вытеснила кадета выпускного курса Омского кадетского корпуса Анатолия Пепеляева.

– Здорово, брат! – смеясь, точно красуюсь ровными, здоровыми, молодыми зубами, прокричал Анатолий.

– Чтоб ты сдох! – ответил ему словами кадетской считалки Суровцев. – Я, брат, под арестом. Иду новый мундир заказывать. Вечером на бал поведут, – пользуясь моментом, пока люди оттеснили его тетушек, крикнул Сережа.

– Так, значит, вечером увидимся, – уносимый людским потоком, прокричал Анатолий. – Меня тоже вчера по портным таскали... всего иголками истыкали каналы!.. Серж, нам телефон поставили... Если что, проси у барышни квартиру Пепеляевых! Трубку снимает экономка. Она дура полная. Ты проси к аппарату Анатолия Николаевича. Это я! – выпалил как из пулемета Пепеляев.

Им не дали договорить. Люди, выходящие из Троицкого собора, стали заполнять Новособорную площадь. Сутолока стояла такая, что нечего было и думать о том, что без помех можно пройти вниз по Почтамтской улице. Извозчики, один за другим вылетавшие на площадь с Московского тракта, едва справлялись со своими обязанностями.

Ох уж эти томские извозчики! В Томске извозничий промысел традиционно считался одним из самых почетных и верных. По переписи начала девятнадцатого века, к удивлению переписчиков, оказалось, что в городе количество лошадей превышает количество жителей. Это сделало лошадь главной и единственной составляющей томского герба.

Тетушки, посовещавшись, решили не идти в Ямской переулок и повели Сережу в мастерскую мужского платья «Дукул», находящуюся поблизости. У «Дукула» и заказали мундир. Цена была высока. «Что-то, право, тетушки разгулялись, – отметил Сережа. – Не иначе как свои виды имеют на этот бал».

Он был прав. И Мария Александровна, и Маргарита Ивановна имели свои виды.

Они были хороши собой и молоды, эти тетушки... Настолько молоды, что им хотелось найти для себя достойную партию. Потому Сережу и определили в Омский кадетский корпус в возрасте восьми лет. Сергей остался на второй год. Ну куда такому малышу успевать за десятилетними и одиннадцатилетними мальчишками? Тетушки одумались. Чего натворили?! Но было поздно... Сережа им так и сказал:

– Мои погоны теперь не трогать! Остаюсь на второй год. Не с вами же мне век коротать!

Против существующих правил, его не отчислили. За лето девятилетний кадет-второгодник старался сделаться «силачом». Это ему не удалось, но он стал «головой». По негласной кадетской табели о рангах «голова» есть умный, успевающий по всем предметам кадет, но не задавака. Тем летом они сдружились с Пепеляевым, и «силач» Анатолий взял шефство над юной и умной головой Сержа. Серж подтягивал Анатоля по умным предметам. Они окончательно сблизились, несмотря на двухлетнюю разницу в возрасте. Анатолий был старше. Так или иначе, но из-за позволения сдавать экзамены за два класса сразу, в связи с выказанными способностями, Сергей заканчивал корпус одновременно с Анатолем. Оба собирались продолжить учебу в Павловском военном училище.

Во второй год обучения он учился только на «отлично», удивляя преподавателей и друзей-кадетов феноменальной памятью и безотказностью в разъяснении чего-то недопонятого ими самими. Все его хвалили. Даже преподаватели музыки. Занятия эти носили характер необязательный, но почти все имеющие желание могли научиться сносно играть на фортепиано, а также петь. Но опять подростки – они и есть подростки. Если не все желали обучаться игре на фортепиано, виолончели или гитаре, куда всем вход был открыт, то петь в

хоре училища хотели все. Причиной такого единодушия было то, что в хор не всех брали. Здесь присутствие музыкального слуха было обязательным. Сережа преуспел и здесь. Он солировал в хоре, что умиляло училищное начальство. Бывший второгодник оказался не только первым учеником, но и солистом с самым чистым и звонким голосом. В прошлом году петь ему запретили. Хормейстер сказал, что у него началась ломка голоса. А в этом году ему сказали, что у него формируется баритон очень красивого тембра, и снова запретили петь. Из-за своих творческих способностей он впервые оказался в карцере. Для потехи товарищей он иногда импровизировал, сочиняя на ходу куплеты водевильного характера про кадетскую жизнь и про преподавателей корпуса, подыгрывая себе на семиструнной гитаре. Все надрывались от смеха. Но кто-то нафискалил начальству. Мало того, нашелся летописец его творчества, который, оказывается, записывал его вирши. Несколько образцов его поэзии при проверке кадетских конспектов попали на глаза ротному офицеру. Несмотря на то что офицеры сами от души посмеялись над заносчивым и никем не любимым толстяком, приходящим преподавателем химии, Сергея упекли в карцер. Химик был тем самым исключением из правил, когда толстяки – люди веселые и добрые. Обрюзгший химик был злобен и мстителен, в чем Сергею потом пришлось еще не раз убедиться. Но и куплетец был не ласков:

Наш химик даже мух обидит.
Во всем зловредная черта.
Все оттого, что он не видит
Того, что ниже живота.

После этого случая, несмотря на просьбы товарищей, стихов он больше не писал, полагая, что это не дело для человека военного. «Конечно, поручик Лермонтов хороший поэт, но он только потому до поручика и дослужился, что писал стихи», – думал кадет. Сергей мечтал стать генералом. Распевая песенки на стихи Дениса Давыдова, он также справедливо полагал, что Давыдов, дослужившейся до генерал-майора, сильно навредил своей карьере литературным творчеством. Случай с карцером был подтверждением верности его мыслей.

Занятия фортепиано тоже имели для него неприятные последствия. Однажды, находясь с тетушками в гостях, он имел неосторожность немного поимпровизировать за роялем. Он думал сделать сюрприз для тетушек. Этот сюрприз принес одни неприятности. Приехав на летние каникулы, которые любил проводить за чтением, уйдя куда-нибудь на природу, он увидел дома новенький кабинетный рояль. Проводить летний отпуск за музыкальным инструментом не входило в его планы.

Итак, бал. В новом мундире рослый четырнадцатилетний кадет сразу стал выглядеть старше. Тетушки, как ангелы-хранители, встали у него за плечами. Бал открыл губернатор. Оркестр Томского гарнизона был на высоте. С противоположной стороны зала Сергею помахал Анатолий. Сережа рассмеялся скорченной рожей.

- Сергей, куда вы смотрите? – тронув за новый погон, спросила Маргарита Ивановна.
- Сергей дернул плечом, и тут же на другое плечо легла рука другой тетушки.
- Да что вы меня сегодня весь день хватаете?
- Сережа, пригласите вон ту девочку.
- Нет, пусть пригласит вон ту...

И они снова стали трогать его погоны. Сергей смотрел по сторонам. Желание сбежать от женской опеки выразилось у него шагом вперед. И тут он увидел красивую девочку на противоположной стороне зала. Ему показалось, что девочка смотрит на него и почему-то плачет. За ее спиной стояли две дамы. «Наверное, тоже тетки», – подумал Сергей.

Оркестр заиграл вальс. В очередной раз дернув плечами, кадет избавился от рук тетушек и, не давая им опомниться, почти строевым шагом пошел через зал. Он шел, неотрывно глядя на плачущую девочку. Она действительно плакала. «Наверное, тоже сегодня досталось бедняжке», – еще раз подумалось ему.

– Сергей Мирк-Суровцев! – представился Сережа старшим дамам и еще какой-то девушке, стоявшим рядом с его избранницей. – Позвольте пригласить, мадемуазель?

Вблизи девочка оказалась сущим ангелом. Сережа впервые совсем не сопротивлялся, когда ему на погон легла девичья ручка. Девочка поддалась вальсовому шагу, и Сережа элегантно повел ее в вальсе. Сначала в левую, а затем в правую сторону. Он был левша и правша одновременно. Таким уж уродился. Пепеляев так однажды и сказал:

– Урод. На всех языках говорит. Пишет одинаково обеими руками.

От девочки чудно пахло. Коснувшись щекой синего банта девочки, Сергей точно опьянел.

– Мадемуазель, я не знаю вашего имени. Как вас зовут?

Девочка взглянула на него глазами, уже просыхающими от слез, и одними губами произнесла:

– Ася.

– А я Сережа, – по-простому, без церемоний, еще раз представился Сергей.

А с другой стороны зала уже вальсировал Пепеляев. Он пригласил какую-то купеческую дочку и усиленно выводил ее на середину. Конечно, для их возраста более приемлема была полька или полонез, но оба подростка отличались, как вы уже поняли, дерзостью. Два кадета не посрамили родной корпус. Пара с парой раскланялись. Кавалеры обвели своих дам вокруг руки, и изумительное «бальянсе» потрясло зал Общественного собрания Томска.

Пары подобрались очень красивые. Никто из их возраста не решился больше танцевать.

– Знай наших! – пролетая мимо Сергея, сказал Пепеляев.

Вальс закончился. Зал по-театральному разразился аплодисментами. Кто-то даже, то ли искренне, то ли от озорства, выкрикнул «браво!».

Сергей проводил свою даму, вернулся к тетушкам и даже не заметил, что они теперь не хватаются за его погоны. Красивая девочка в противоположном конце зала занимала его мысли все больше. Он одними губами прошептал:

– Ася.

Ему не понравилось, что он стал думать о девочке. Одно слово – подросток.

– Милые тетушки, я буду ждать вас внизу, – произнес Сергей на плохом английском языке и пошел вон из зала. Вслед ему летели фразы на немецком и французском языках.

На лестнице его нагнал Анатолий. Вытирая пот, он сказал:

– Славно отплясали! Ты куда?

– Выйду на воздух. Тетки все погоны исхватали. Анатолий, я с кем танцевал?

– А ты ее не узнал?

– Нет.

– Аська Кураева.

– А с ней кто рядом стоял?

– Черт их разберет. Хотя нет, одна из них – это Кураева Елена. Она с моей сестрой Веркой в гимназии учится. А вторая, кажется, гувернантка. И еще одна, тоже сестра.

Седобородый швейцар подал Сергею тужурку и шапку.

– Далеко пойдешь, ваше благородь!

– Извини, братец! В карманах ни шиша...

– Когда в генералы выйдешь – тогда и подашь, – рассмеялся швейцар. – Ой, далеко, однако, пойдешь!.. Говорят, славно станцевали?

– Какая тут слава, братец! Позор один...

Сергей вышел на Почтамтскую. Томские извозчики заняли почти всю улицу, не давая прохода томским студентам. О томских студентах в двух словах не напишешь. Количество студентов в Томске было совершенно несоизмеримо с общей численностью городского населения. В недалеком 1883 году только учащихся на душу коренного населения приходилось один к двадцати четырем местным жителям. В Москве один ученик приходился на семьдесят пять жителей, а в Петербурге – на восемьдесят. К неудовольствию и ужасу просвещенных горожан, в событиях первой русской революции именно учащиеся и студенты выступили одной из самых стихийных и неуправляемых сил. Большую часть горлопанов из студенческой среды занимали отнюдь не политические лозунги, и их устремления не шли дальше требования отмены студенческой униформы и разрешения посещать, уже без студенческих курток и фуражек, присутственные места. Но в рядах демонстрантов и митингующих этих студенческих фуражек было большое количество. Тогдашний губернатор выговаривал своему родному брату – книгоиздателю и просветителю Петру Макушину:

– Вот, Петя, тебе и плоды просвещения! Вот тебе и первый в Сибири университет! Ты почитай, – показывая ему список студенческих требований, говорил он. – О каких таких присутственных местах они тут толкуют? Уж не о ресторанах ли и публичных домах?

Сибирь есть Сибирь. Становилось все холоднее. Ноги кадета отбивали сначала чечетку, а затем и плясовую. Из здания Общественного собрания по очереди выходили старшие горожане. Вышел и уехал губернатор с супругой. На крыльце разом показались известные на весь Томск люди: Григорий Николаевич Потанин и Макушин с Адриановым.

– Петр Николаевич, здравствуйте! – приветствовал Сережа Макушина.

Он через тетушек был лично знаком с первым в Сибири по-настоящему крупным книготорговцем и издателем, основателем многих библиотек. Сначала вместе с тетушками, а затем и один он стал постоянным посетителем его книжного магазина на углу Почтамтской и Нечаевской улиц. Не раз видел он и Потанина, но Потанин – это нечто равное Льву Толстому. Нет, тут другое! Он внешне был, конечно, похож на Толстого бородой, но это был Толстой в географии, в краеведении, в публицистике, в ботанике. Хотя и ростом был намного меньше великого писателя, но все равно посмотрел на Сергея как на какую-то травинку. Нет. Скорее как на насекомое. Другое дело – Адрианов. Этот чуть постарше тетушек будет. Так казалось Сергею. И Сережа подозревал, что тетушки тайно влюблены в этого археолога, этнографа и прочее... Может быть, и Александр Васильевич излишне часто бывал у них. Поэтому между ним и Сережей установились какие-то ревниво-настороженные отношения.

– Вот, Григорий Николаевич, позвольте представить вам кадета Омского корпуса Сергея Мирка-Суровцева, – улыбаясь, кивнул Макушин на Сергея.

– Да это никак давешний танцор? – неожиданно тихим голосом и весьма пренебрежительно спросил Потанин.

– Не только, Григорий Николаевич. Не только... Сергей – постоянный посетитель моих магазинов и библиотеки. Кстати, ваши работы о путешествиях по Сибири, по Средней Азии и Китаю он уже прочел. Просил меня составить протекже для проникновения в научную библиотеку нашего университета. И еще Сергей замечательно владеет немецким и французским языками.

Нужно отметить, что все образованные томики старшего поколения всегда в то время говорили именно так: «нашего университета».

Потанин уже не смотрел на Сережу как на букашку. Теперь, как показалось кадету, он взглянул на него как на дрессированного сурка. И вдруг даже не нашелся что сказать.

Наверное, он просто не поверил сказанному. А может быть, сильное впечатление от танцора Суровцева так сразу не могло увязаться в седой, похожей на львиную, голове Потанина с другими перечисленными достоинствами кадета? Кто знает?!

– Да-да, – тихо произнес он.

Еще раз увидеть девочку, с которой он танцевал, в тот день ему не удалось. Когда Анатолий, остававшийся на угощение, вышел на улицу, Сергей его спросил:

– Ты всех знаешь. Расскажи подробнее, с кем я танцевал?

Анатолий, почему-то смутившись, ответил:

– Понимаешь, брат, с ней что-то случилось прошлым летом. Я толком не знаю. Знаю только, что у них один дом сгорел. Она то ли заикаться стала, то ли оглохла. Хотя тогда так танцевать не смогла бы. Глухие же не могут танцевать? Или напугалась... Не помню. Я разужнаю. А я смотрю, она тебе понравилась. Ты, случаем, не втюрился?

Сергей безразлично посмотрел на смеющегося Пепеляева, но почему-то ничего не стал произносить в ответ на такое нелепое в его понимании предположение товарища.

Была суббота, и по всему Томску топили бани. Дым от березовых дров был постоянным атрибутом в зимнем городе, но именно по субботам он особенно чувствовался. Он не вступал в противоречие с морозной погодой, добавляя в резкий, прозрачный воздух ощущение близкого тепла и уюта. Только северный житель знает настоящую цену теплу и свету зимними вечерами и ночами.

Дома находящиеся в прекрасном расположении духа тетюшки вдруг с ужасом обнаружили, что обычно дерзкий племянник не отвечает на вопросы и довольно колкие шутки.

– Господи! – воскликнула Мария Александровна, тронув губами горячий лоб Сережи.

– Маргарита, он весь пылает. У него жар!

– Он же в сапожках на таком морозе почитай целый час находился!

– А мы-то хороши... Нечего сказать...

– Пустяки, – улыбнулся им Сережа. – Я просто никак не могу согреться. Они заматались по квартире. Послали за доктором. Уложили больного в постель. Весь вечер и несколько последующих ночей они разговаривали исключительно на русском языке и вполголоса. Еще они плакали. Обе бездетные. Одна – вдова офицера, навечно уснувшего где-то в маньчжурских сопках. И тетюшка другая – ни разу замужем не бывавшая. Тихонько всхлипывая, рядом сидела няня Сергея – Параскева Федоровна, прижившаяся в доме и после того, как Сережа вырос и поступил в корпус. На ней теперь лежали заботы по дому, как когда-то были основные заботы о маленьком барчуке. Сама воспитавшая четверых, теперь уже взрослых детей, она занималась Сергеем буквально с пеленок. Просто классическая няня: рассказывала Сереже сказки, пела народные песни. Наверное, именно пение няни и сформировало у него хороший музыкальный слух. Одну из тех песен он любил особенно, называя ее «Про дождик». Маленьким часто капризничал и устраивал орущие концерты, если ему пытались предложить песню другую. А песня к дождику имела весьма отдаленное отношение. Судите сами:

На улице дождик.
Землю прибывает.
Землю прибывает.
Брат сестру качает.
Ой, люли-люли.
Брат сестру качает.

Она и сейчас пела эту песню. Пела тихо, вытирая слезы, повествуя о грядущей судьбе сестренки, которую качал брат:

Вырастешь большая.
Отдадут тебя замуж
Во деревню чужую.
Во семью большую.
Ой, люли-люли.
Мужики там дерутся.
Топорами секутся.

Совсем не детской была эта песенка «про дождик». Втроем и попеременно женщины постоянно находились около больного, а последний отпрыск некогда сильных военных родов России угасал у них на глазах. Он не приходил в сознание еще несколько дней.

Беда еще более сблизила всех трех женщин. По ночам они сидели у изголовья постели Сергея, который за все эти дни и ночи обметанными жаром губами, улыбаясь, произнес несколько раз только одно слово:

– Ася...

Глава 3. Романс

1908 год. Август. Томск

Для Аси Кураевой Сергей Мирк-Суровцев оказался самым настоящим принцем из сказки. И не случайно старшие сестры после памятного рождественского бала для молодежи в том далеком 1907 году иногда называли ее Золушкой.

– Наша Золушка положительно обошла старших сестер, – заметила язвительная средняя сестра Аси Лиза, когда сестры в сопровождении гувернантки вернулись с того знаменательного бала.

– Папа, мама, если бы вы только видели, как наша Ася сегодня танцевала! – захлебываясь от восторга, рассказывала старшая сестра Аси.

– А кавалером-то кто был? – спрашивала дочерей мать.

– Кадет. Товарищ Пепеляева Анатолия по кадетскому корпусу.

– Такой же, наверное, баламут, – вставила свое слово более сдержанная и рассудительная Лиза.

– Мама, не слушайте ее! Это она просто злится, что Пепеляев пригласил на танец не ее.

– И вовсе я не злюсь. С чего бы мне злиться?

– Злишься, злишься. Все видят, что злишься. Хотя Анатолий тоже хорош. Мог бы действительно Лизу пригласить, а не эту конопатую.

– Это он специально, чтобы мне досадить, – хмуря брови, говорила Лиза.

– Слышишь, отец? – обратилась мама дочерей к мужу. – Зря мы на бал не пошли.

Тимофей Прокопьевич Кураев, отложив в сторону газету, внимательно слушал болтовню дочерей. Он, не любитель увеселений и балов, действительно, наверное, впервые пожалел, что не пошел на бал для молодежи. Его любимица, младшая дочь Ася, так же, наверное, впервые за последние полгода смеялась звонким, как колокольчик, смехом. Что такое могло там произойти, что вывело его любимицу из многомесячного пребывания в слезах? У него впервые за это время стало вдруг светло на душе. Ася улыбалась. Его младшенькая улыбалась.

– Ты действительно удачно танцевала? – спросил он дочь.

Та часто-часто закивала головой. На глаза ее снова стали наворачиваться слезы, но она продолжала улыбаться. Сам готовый расплакаться, Тимофей Прокопьевич привлек дочь к себе и уткнулся бородатым лицом в золотистые волосы дочери.

– Нет, вы послушайте, – продолжала старшая дочь Елена. – Этот кадет, прямо как взрослый офицер, прошел через весь зал. Представился мадам и нам. И пригласил Асю.

– Вообще-то Асе подобало бы польку танцевать, – сказала свое веское слово средняя сестра.

– В том-то все и дело, мама, – перебила ее старшая. – Можете себе представить, они танцевали вальс! Да так хорошо, что в конце танца им даже аплодировали.

– Пепеляев тоже танцевал с этой рыжей.

– Да при чем здесь твой Пепеляев?

– С чего это ты взяла, что он мой?

– Лиза, – вмешалась мать Анна Григорьевна, – пусть Елена доскажет.

– А я уже все и рассказала.

– И кто же такой этот кадет? Как его зовут? – мягко спросила Анна Григорьевна.

– Я же говорила, товарищ Пепеляева по корпусу.

– А имя-то у него есть, у этого товарища? – направляя разговор в нужное ей русло, спросила Анна Григорьевна.

Вдруг Ася, плавно высвободившись из объятий отца, повернулась лицом к матери и сестрам. Точно собравшись внутренне, она очень тихо, по слогам произнесла:

– Се-ре-жа...

Анна Григорьевна перекрестилась. Свое собственное имя, произнесенное ею на балу, и имя Суровцева оказались первыми словами Аси за последние полгода. От неожиданно всех охватила оторопь. Тимофей Прокопьевич снова привлек Асю к себе. Указательным пальцем свободной руки коснулся своих губ. Стало ясно: отец приказал всем замолчать. Все и замолчали. И было отчего...

В прошлом году, в начале лета, они чуть было не потеряли навсегда свою Асю. Виной всему был пожар. Как это часто бывает в Сибири, после жаркого мая июнь выдался холодным. Тимофей Прокопич приказал снова топить печи в своем двухэтажном особняке по улице Духовской. Лучше бы он этого не делал. Митрич, один из управляющих Кураева, он же и смотритель за хозяйством купца и истопник в одном лице, растапливая одну из печей в нижнем этаже дома, плеснул в печь немного керосина. Погода стояла дождливая, и тяги в печных трубах никакой не было. Из-за неловкости Митрича разом вспыхнувшее пламя бросилось по проложенной керосином дорожке к незадачливому истопнику. Тот отпрыгнул в сторону и уронил бидон, полный керосина. Деревянный двухэтажный особняк в считанные минуты запылал с первого этажа. Сам Митрич едва успел выскочить на улицу с криком во все горло:

– Пожар!

С пожарной каланчи на Воскресенской горе сразу же заметили пожар, забили в колокол. Еще до приезда пожарных соседи бросились тушить пожар. Пожары для сплошь и рядом деревянного Томска были неотъемлемой частью его истории. Поэтому томичи, наученные горьким опытом, без лишней суеты хватались за багры и топоры, за ведра. Пожар у соседа очень просто мог превратиться в пожар у них самих. С первого взгляда они оценивали размеры случившейся беды и прикидывали, что нужно спасать в первую голову. На всех улицах существовали выборные должности пожарных старост, которые еще до приезда пожарных организовывали тушение. Как всегда, находилось немало желающих поживиться чужим добром. Поэтому вместе с пожарными из полицейского участка на той же Воскресенской горе отправлялись в путь и полицейские. Анна Григорьевна вместе с дочерьми успела без помех выйти из горящего дома, первый этаж которого уже пылал. Всем становилось ясно, что дом обречен. О том, что можно спасти что-то из вещей и мебели, не могло идти и речи. Поэтому все силы бросили на спасение примыкающих к особняку строений.

И тут Ася увидела в окне уже задымленной детской на втором этаже свою любимицу – кошку по кличке Зося. Девочка в считанные секунды сообразила, что спасать Зосю никто не станет. Окна и все форточки из-за холодной погоды были закрыты. Из-за стоящего шума пожара и гомона людей мяуканья кошки не было даже слышно. Ася только видела, как та в ужасе открывает и закрывает свой алый ротик. Белая шерсть на Зосе поднялась дыбом, а полные ужаса округлившиеся глаза были обращены на людей за стеклом.

Пользуясь царившей вокруг суетой, Ася незаметно отправилась ко второму, называемому черным, входу в дом. Оббежав дом с обратной стороны, она открыла дверь и побежала по лестнице на второй этаж, путаясь в складках платья. Именно туда, на второй этаж, не сообщаясь с первым этажом дома, и вели ступени лестницы. Из всех щелей валил едкий дым. Задыхаясь, Ася открыла тяжелые двери детской, и ей на грудь бросилась почти обезумевшая кошка. Теряя сознание, девочка смогла открыть окно и закричать. Она ненадолго потеряла сознание. Предательница-кошка, ни секунды не колеблясь, бросилась из окна второго этажа

на ветви стоящего рядом дерева, оставив на произвол судьбы свою спасительницу. Из-за попавшего в верхний этаж воздуха дым быстро стал превращаться в обжигающее пламя.

Когда Тимофей Прокопьевич подъехал к своему горящему дому, он застал в бессознательном состоянии жену и двух ревуших старших дочерей. Услышал он и резкий короткий крик младшей дочери. Поняв, в чем дело, он вместе со своим кучером, татаринном Ахматом, бросился к черному ходу. Дым, недавно сквозивший из щелей лестницы и стен, теперь превратился в пламя. Несколько шагов по лестнице вверх – и волосы на голове и в бороде затрепщали от огня. Задымилась одежда. Могучей рукой Ахмат вырвал Тимофея Прокопьевича из пламени.

– Куда, бабай шайтан?

– Пусти! – взревел купец и сам, будучи неслабым мужчиной, оттолкнул верного кучера. – Прочь!

Ахмат, видевший в своей жизни не один пожар, в том числе и такие, когда при спасении близких гибли люди, знал, что делать. Со всей силы он ударил Тимофея Прокопьевича, сбив последнего с ног и лишив сознания. Опытный кулачный боец, он был уверен, что в течение нескольких минут хозяин будет не в состоянии двигаться и соображать. Что и нужно ему было, чтоб развязать себе руки.

Он бросился к сараю. С необычайной легкостью схватил многометровую лестницу, используемую для покраски резных наличников и прочих ремонтных работ, и, не тратя времени на переход на другую сторону здания, приставил ее к окну второго этажа. Прошло несколько секунд, и через разбитое вдребезги окно он проник в дом.

Когда через несколько минут пожарные приставили свою раскладную лестницу к окну, в котором видели девочку, их встретили языки пламени, через которые ничего нельзя было рассмотреть. Пожарный, попытавшийся проникнуть внутрь дома, безнадежно махнул рукой и начал спускаться вниз. В толпе слышались крики женщин. Одна из них истошно выкрикивала только одно слово:

– Сгорела! Сгорела! Сгорела!

Анна Григорьевна опять упала без чувств. Елена и Лиза, не помня себя от отчаяния, тормошили бесчувственную мать.

Минутами раньше с такой же, как ее мать, бесчувственной Асей под мышкой, свободной рукой цепляясь за перекладины, по своей лестнице спустился Ахмат. Кто-то хотел вылить на него ведро воды, но он предупредительно поднял руку. Асю он завернул в одеяло и теперь бережно разворачивал, опустившись одним коленом на землю. Не в силах произнести ни одного слова и сделать даже шаг, с опаленными волосами и бородой, Тимофей Прокопьевич оцепенело смотрел на Ахмата.

– Зови жену, Тимофей Прокопич. Радоваться будем. Аллаху спасибо говорить будем! Цела дочь. Угорела мала-мала, чуть-чуть. Красивая невеста будет, – с характерным акцентом говорил Ахмат улыбаясь. – Долго жить будет! А теперь лей, – обратился он к какому-то мужику, до этого пытавшемуся облить его водой. – Лей, чего стоим! Видишь, как баран жареный чуть не стал?

Сразу же несколько ведер воды выплеснули на него со всех сторон. От попавших на нее брызг лежащая на земле Ася открыла глаза, увидела перед собой плачущего отца и потянула к нему руки. Она почти не пострадала от огня. Как и у отца, у нее оказались обгоревшими волосы на голове. Небольшие ожоги были только на ногах – от загоревшегося платья, которое вовремя успел потушить Ахмат. Вовремя он успел добраться через череду пылающих комнат до девочки. После холодного потока из нескольких ведер Ахмат зарычал и раскати-сто рассмеялся. И на пожаре человеку иногда может стать весело, когда он понимает, что даже пожар не самое страшное, что может случиться в жизни.

Беда не приходит одна. Потеря дома даже для человека состоятельного, каким был Тимофей Прокопьевич, конечно, большая беда. Но он владел еще двумя домами, в один из которых на улице Дворянской и переселился с семьей. Настоящим горем стало то, что случилось с младшей дочерью после пожара. У Аси в результате сильного испуга и нервного срыва пропала речь. Именно пропала. Она пыталась говорить, но даже заиканием это нельзя было назвать. Произнеся один только звук, она начинала хватать ртом воздух, не в силах произнести второй. Тут же ее начинали душить слезы. Отец возил Асю на консультацию в клинику при медицинском факультете университета. Профессора-медики сходились на том, что речь должна со временем вернуться, но заикание скорее всего останется навсегда.

Врачи, к счастью, ошиблись. Еще полтора года после описанных событий Ася говорила плохо, но она вновь научилась улыбаться и смеяться после того знаменательного бала. Правда, в зеленых глазах ее навсегда поселилась какая-то недетская, мудрая грусть, удивлявшая всех взрослых. Медленное выздоровление девочки, становившейся девушкой, все в семье невольно связывали с Сергеем. А окончательное восстановление речи произошло исключительно благодаря ему.

Они долго не встречались. Сергей знал, что Ася вместе с сестрой Лизой в эти августовские дни бывают у Пепеляевых. Сергей тоже бывал там, но так случилось, что Асю он больше не видел. На рождественском балу через год после того, первого, Аси, к его сожалению, не было. Вместе с Тимофеем Прокопьевичем она на Рождество уехала в Мариинск, где у Кураевых были родственники.

В Мариинской тайге у Кураева было два золотодобывающих прииска, а в самом городе два магазина. Если добавить к этому занятие коневодством, то все вышесказанное делало сестер Кураевых богатыми невестами.

Сергею вновь предстояло увидеть Асю. Предшествовали этому следующие события. Оба несказанно счастливые, Сергей Мирк-Суровцев и Анатолий Пепеляев вернулись в Томск из столицы. Они успешно выдержали вступительные экзамены в Павловское военное училище в Петербурге, к гордости и радости своей и к такой же искренней гордой радости своих домашних. Сибирское лето уже вступило в август. Так говорят: «В Сибири июнь – еще не лето, август – уже не лето». Было тепло, но уже прошел Ильин день, и купались в Томи и в Ушайке только мальчишки и студенты, приезжавшие в Томск заранее, чтобы снять жилье на предстоящий учебный год. Кто-то сдавал «хвосты», оставшиеся от летней сессии. Пожалуй, еще извозчики тоже купались, когда по вечерам мыли в реке лошадей. Сергей и Анатолий не подходили ни под одну из этих категорий купальщиков, но по утрам неизменно встречались на берегу реки. После утренней пробежки из разных концов города они делали зарядку и ныряли в прозрачные воды речки. Завтрак, а иногда и обед брали с собой. В Ушайке водилось немереное количество всякой рыбы, но ловили ее здесь разве что для забавы. Удочки у молодых людей были. Их они, как и томские мальчишки, прятали на берегу в зарослях тальника. Взрослые же рыбаки предпочитали рыбачить на Оби и Томи.

Право на свое место на берегу им пришлось отстаивать кулаками. Дрались с местными один на один до первой крови. Пепеляев, имея навыки уличной драки, быстро разбил нос своему противнику. Сергею же самому разбили губы. Получилась ничья. Решили, что будут мирно соседствовать. Позже даже подружились. Энергичный Анатолий ходил с местными в верховья реки мыть золото. Берега реки еще носили следы «золотой лихорадки» конца девятнадцатого века, но для промышленной добычи золота Ушайка оказалась малопривлекательной. Теперь же по всему берегу были заполненные водой глубокие ямы – следы шурфов, которые пытались здесь пробивать золотоискатели. В мальчишечьих разговорах речь о золоте и кладах, якобы зарытых в окрестной тайге, велась постоянно.

Как хорошо было слушать эти разговоры под вечер у костра, когда в котле варится уха, а чистые воды таежной речки медленно протекают мимо и только шум близкого переката нарушает вечернюю тишину. Любимой темой для разговоров были подземные ходы под Томском. Мог ли знать тогда новоиспеченный юнкер Суровцев, что уже взрослым ему придется вернуться к теме томских подземелий!

Иногда по вечерам Сергей пересказывал Анатолию и новым друзьям какую-нибудь прочитанную им за день книгу. Это необычайно развивало его память и было полезно для окружающих, среди которых были и неграмотные ребята. Анатолий же вообще взял за правило обращаться к Сергею с вопросами обо всем им прочитанном. Непоседливый и шепутной Анатолий читал с усилием, но, обладая хорошей памятью, запоминал все пересказанное другом и не раз удивлял окружающих уже своими рассуждениями о том, что он при его-то складе характера никак знать не мог. В семье Пепеляевых, конечно, догадывались о происхождении такой «начитанности» сына и брата, но и им это нравилось. Потому Сергею все Пепеляевы были рады.

По вечерам к сестрам Анатолия приходили подруги. Несколько раз вместе со старшей сестрой приходила к ним Ася. Как назло, в тот день, когда он собирался идти вечером в гости к Пепеляевым и у них должна быть Ася, ему разбили губы. Никуда в тот вечер он, конечно же, не пошел.

Со слов Анатолия, он знал все про Асю. Знал и то, что с ней случилось. Известно ему было и то, что после того вальса в Общественном собрании девочка, хоть и заикаясь, стала вновь разговаривать. Теперь, по словам Пепеляева, она стала красивой девушкой. Честно говоря, он не мог ее представить девушкой. Он запомнил ее именно девочкой с непонятного цвета глазами. Любопытство смешивалось в его душе с боязнью разочарования от нынешнего облика Аси. Во всем этом было что-то романтическое и волнующее.

Несоответствие его фактического возраста и рода занятий постоянно ему мешало. С трудом преодолев неудобства своего малолетства в кадетском корпусе, при поступлении в училище он опять столкнулся с пройденным. Он опять был самым младшим на курсе, ему исполнилось только пятнадцать лет. А среди поступавших были не только старшие по возрасту выпускники гимназий и кадетских корпусов, но и совсем взрослые выпускники реальных училищ. Почти все давно уже имели опыт общения с противоположным полом. Он же окончательно был сбит с толку новой проблемой. Развитый физически, он внешне хоть и казался старше своих лет, но шестнадцатилетние и семнадцатилетние омские гимназистки, приглашаемые в корпус по праздникам, настораживали его именно своей зрелостью. Ровесницы же были для него какими-то недоразвитыми умственно. Внутреннего смещения добавляло и то, что он чувствовал симпатии к себе со стороны девушек. От этого он еще более зажимался и робел. Душевное равновесие его окончательно полетело в пропасть, когда однажды утром, после зарядки и купания, хитро улыбающийся Анатолий сказал ему:

– Однако свершилось, брат!

– Никак ты невинность потерял? – неуклюже пошутил Сергей.

Анатолий громко засмеялся, оглашая окрестности Ушайки своим хохотом. Открытый, не склонный к интригам и козням, он и смеялся всегда открыто и громко.

– Не угадал. Я, судя по всему, буду оставлен на второй год как не сдавший экзамены на поцелуй и объятия. Но у меня другое дело, хотя это тоже касается всяких там поцелуев и тому подобного... Правда, не меня, а тебя касается. Меня просили передать тебе письмо.

– Какое письмо? От кого? – изумленно спросил Сергей.

– Ну от кого тебе может быть письмо? Посуди сам.

– Где оно? – уже не сомневаясь, от кого ему письмо, спросил Суровцев.

Достав из охотничьей сумки с припасами продолговатый конверт, Анатолий протянул его другу:

– Держи.

Сергей вскочил на ноги. Сердце учащенно билось. Захотелось вдохнуть больше воздуха. Он машинально, но аккуратно при этом вскрыл конверт. В конверте оказался почти пустой лист писчей бумаги с несколькими ровными строчками вверху. Сначала он, ничего толком не видя и не понимая, смотрел на весь лист целиком. Наконец, несколько справившись с неожиданным волнением, перевел взгляд на строчки, написанные красивым девичьим почерком. Письмо не было письмом. Это была записка. Вот она: «Почему Вы избегаете встречи со мной? Мне хотелось бы видеться с Вами. Ася». Сергей невидящими глазами смотрел на противоположный берег реки. Чувства, которые он испытывал, были для него новыми, и они металась в его душе в поисках своего места и не могли никак отыскать. Но точно уверенные, что они здесь не лишние, эти чувства не улечивались, а начинали терзать рассудок. И уже рассудок, включенный в какой-то необратимый процесс, выдавал свои вопросы: «Почему она решила, что я избегаю ее? Может быть, она думает, что из-за ее заикания? Так нет же. Просто так сложились обстоятельства». Он еще раз прочел последнюю фразу в записке: «Мне хотелось бы видеться с Вами». Он и сам хотел бы увидеться с ней. Он не осознавал, сколько прошло времени, пока стоял с письмом в руках и смотрел на противоположный берег реки. Вероятно, прошла не одна минута. Лист бумаги и конверт чуть подрагивали в его руках. Вывел его из этого непривычного состояния веселый голос Пепеляева, а голос у него почти всегда был веселый. Даже тогда, когда, как казалось Сергею, радоваться было нечему:

– Эй, гусар, чего из дома пишат? Все живы-здоровы? Никто не околел?

– Она ничего не сказала на словах? – не принимая шуточный тон, спросил Сергей.

– Наша знакомая многословием не отличается. Просто протянула мне конверт и сказала: «Сереже». Я понял так, что тебе... Может быть, я неправильно ее понял?

– Все ты правильно понял. Поди, еще какое-нибудь коленце выкинул, когда письмо брал?

– Нет. Все было чинно, благородно, по-домашнему, даже барышни менее обычного ржали.

– Так она тебе это письмо при посторонних отдала?

– Да какие там посторонние, – продолжал дурачиться Пепеляев, – все свои. Сестра моя – Вера, сестры Аси – Елена и Лизка. Правда, была еще Нина Гавронская, но она, можно сказать, почти моя невеста.

– А кума с кумой из Новониколаевска там не было?

– Нет. Кума с кумом к нам на Пасху любят приезжать.

– Да ну тебя к черту, – рассмеялся Суровцев, поняв, что Анатолий не был бы Анатолием, если бы не выкинул какой-нибудь фортель, когда принимал письмо. Сергею оставалось только удивиться смелости и открытости Аси.

– Сегодня все опять вечером у нас будут. Мне сказали, чтоб я без тебя не появлялся им на глаза. Грозилась обрить меня наголо и кое-что оторвать, если не будет тебя. Ну конечно, ты как заиграешь на фортепьянах да как запоешь, они сразу, как мухи зимой, в спячку впадают! Верка, дура, аж глаза закрывает. Ах, Серж, я иногда думаю, что не в то время родился, – совсем неожиданно перелетел Анатолий на другую тему. – То ли дело в Средние века было! И войны-то были намного честнее нынешних. А сейчас на поле боя ты от каких только случайностей не застрахован. Какая-нибудь пуля-дура может еще до атаки убить. О снарядах я вообще молчу. А жили люди как раньше? Да взять хотя бы начало прошлого века. В то время в дворянских семьях матери сами подговаривали кого-нибудь из дворни. Ну, девку какую-нибудь, и все...

– Что все? – занятый своими мыслями, спросил Сергей. К тому же он не уловил логического перехода от рассуждений Анатолия о войне к девкам. Обычной логики и не было. Была кашеобразная логика возраста.

– Ну, чтобы эта девка барского сына науке любви обучила...

– Девка разве может обучить? Наверное, все же не о девках шла речь.

– Да какая разница! Главное то, что тогда дворянские дети, когда в законный брак вступали, науку любви назубок знали, а тут уже юнкер, а дурак-дураком в этом деле. Я уж думал, может быть, в публичный дом тайно сходить. Накопить денег да ломануться. Честно скажу, я уж думал об этом.

– Ну и что надумал?

– Нельзя. В Томске и думать об этом нечего, – с серьезным видом рассуждал Анатолий.

– Отца все знают. И семью опозоришь, и сам опозоришься. Ну а в том, что отец голову оторвет, и сомневаться не приходится. А еще брат Аркадий говорил, что в Томске очень многие публичные женщины заражены французской болезнью. А он, сам понимаешь, будущий военный врач, знает, что говорит. А что делать? Я, представь себе, уже несколько раз целовался с Ниной, а она мне только вчера сказала, что я не умею целоваться. Оказывается, когда целуешься, нужно захватывать губы любовника своими губами. А я, как теленок, тыкался ей в рот. И главное, сразу она не сказала. Я спрашиваю, почему не научила меня целоваться сразу. Говорит, побоялась, что я плохо о ней подумаю. Я и правда сразу же спросил, кто ее научил целоваться. Она сказала, что старшая сестра. Хорошо барышням – с сестрами своими можно обучаться. А у меня два старших брата да младших два, а толку с них никакого.

Вдруг Анатолий опять громко рассмеялся.

– Ты чего? – спросил Сергей.

– Да я просто представил, что брат Виктор меня целоваться учит.

Сергей вспомнил старшего брата Анатолия, не по годам серьезного, с бородкой клинышком, с пенсне на носу, двадцати трех лет от роду, лезущего с поцелуями к младшему брату. Ему тоже стало смешно.

– Знаешь что, Анатоль?

– Что?

– Давай сегодня не будем оставаться на весь день. Вот и погода что-то портится.

– Где ты видишь, что она портится? В каком таком месте?

– Пойдем по домам.

– Ну давай хоть позавтракаем, что ли.

– Хорошо. Давай.

Весь остаток дня Сергей провел за роялем. Он разучивал прелюдию Шопена. Грустную, как все его прелюдии. Тетушек дома не было. У них были дела в университете и в технологическом институте, где всюду шла подготовка к новому учебному году. В комнату, где он музицировал, несколько раз заглянула няня Параскева Федоровна.

– Сергей Георгиевич, может быть, все же отобедаете?

– Не хочется что-то, нянюшка.

– Ну глядите. Если надумаете, так сразу скажите. У меня все готово. Держу все горяченьким. Вы вот сегодня глаза книжкой не портите. Это хорошо, конечно. Да что же вы такую тоскливую музыку играть взялись? Душу прямо разрывает...

Сергей на слух, чтоб развеселить свою няню, подвижно и задорно стал наигрывать «Ах вы, сени, мои сени». Няня засияла от удовольствия. Он встал из-за рояля, подошел к няне и нежно поцеловал в щеку. Вспомнил давешний разговор с Анатолием о поцелуях. Заулыбался. Улыбнулась и Параскева Федоровна. – Может, все же отобедаете? – Истинная правда, нянюшка, не хочется. – Да что же это с вами? «Действительно, – думал Сергей, – что же это со мной?» Вдруг он, ничего не сказав няне в ответ на ее вопрос, отправился в

комнату, которую тетушки приспособили под кабинет. Кабинет у них был один на двоих. Вернулся с тяжелым письменным прибором и с бумагой в руках. Водрузил прибор на рояль, макнул перо ручки в одну из чернильниц и стал что-то записывать, не обращая внимания на стоящую рядом няню. Та тихонько вышла, про себя подумав, что нужно сегодня вечером сказать Марии Александровне и Маргарите Ивановне, что с Сергеем Георгиевичем что-то неладное творится. Сергей между тем закончил писать. Зарок не писать больше стихов и песенок был нарушен. Он сел за рояль. Положив на вуаль поверх нот Шопена исписанный его рукой лист бумаги, он вполголоса запел, аккомпанируя себе:

Бессмысленно хожу
По комнате своей.
Я слов не нахожу.
Я думаю о ней.
Я думаю о ней.
О ней, о ней одной.
Да что ж это со мной?
Да что ж это со мной?

Его няня, сама того не ведая, подсказала ему слова романса. Сегодня вечером он непременно его исполнит. Он без пения проиграл весь романс до конца. Сразу выучил на память. Изменил первоначальную тональность на более для него удобную. Сделал несколько небольших исправлений. На его взгляд, получилось очень даже недурно. Правда, одни глагольные рифмы, за которые начинающих стихотворцев почему-то ругают, но ему начихать на правила, он пишет для души. Вот и сейчас чуть легче на душе стало. Но все равно было и беспокойно и тоскливо одновременно. Погода за окном действительно после полудня испортилась. Еще утром они с Анатолем купались и загорали, а теперь небо было затянуто тучами и не дождик, а мелкая морось сыпалась с неба. «Август – уже не лето», – вспомнил он.

Сергей облачился в новый, двумя днями раньше сшитый юнкерский мундир с новенькими погонами, окантованными по краям золотым галуном, надел такие же новые офицерские, с длинным голенищем сапоги, перепоясался широким скрипучим ремнем и в таком виде вышел к тетушкам, пившим в столовой чай за самоваром. Выправка юнкера была безукоризненной. Предупреждая возможные расспросы, сразу же сказал:

– Я к Пепеляевым.

– Сережа, попей с нами чаю, – обратилась к нему Мария Александровна.

– Параскева Федоровна говорит, ты и не обедал сегодня, – вступила в разговор другая тетушка.

– Мне не хочется что-то.

Он было собирался выйти, но Мария Александровна его остановила:

– Подожди. Возьми извозчика. Я сейчас дам тебе денег. Погода испортилась. В мундире простудиться можно, да и мундир испортить. А мужского зонта у нас нет. Надо будет купить.

– У меня остались деньги от покупки книг.

– Мария, я дам, – достав деньги из своего кошелька, опередила Марию Александровну Маргарита Ивановна. – Вот возьми, пожалуйста, рубль.

– Зачем так много?

– Бери-бери. Мало ли что.

– Обрати тоже на извозчике возвращайся, – напутствовала Мария Александровна.

– Зачем?

– Чтоб мы не волновались, если придется задержаться.

Взяв деньги, Сергей молча вышел из комнаты. Тетушки Сергея некоторое время тревожно молчали. Молчание нарушила Мария Александровна:

– Знаешь, Маргарита, Параскева Федоровна, конечно, права. У Сергея сейчас возраст первой любви. Но не это плохо. Плохо то, что он выбрал именно эту девушку, – как о свершившемся факте сказала она.

– Почему ты уверена, что именно о ней нужно говорить в нашем случае?

– Потому что он у нас не совсем обычный мальчик. Он и в первую их встречу выбрал именно ее. Разве ты не видишь, что он живет и делает все по-своему? И самое интересное то, что ему это удастся. Бог нас с тобой наказал за то, что мы так легкомысленно отдали его в корпус совсем ребенком, а сейчас нам ничего не остается, как принять его таким, каким он уже сформировался. Иначе мы можем потерять с ним всякую связь.

– Конечно же, ты права. Мне не нравится, что его избранница имеет такой серьезный дефект речи. Ты же понимаешь, что речь – всего лишь отображение того, что творится у нее в голове. И это при том, что он у нас такой красивый и умный мальчик.

– Он, к сожалению, давно не у нас... Он сам по себе. Ты помнишь, как он нам однажды сказал: «Я вам не мальчик. Я кадет». Я только теперь поняла, что кадет – это не совсем одно и то же, что и мальчик. А теперь он уже юнкер. Я как-то давно от монахини одной слышала, что Бог так никому другому не помогает, как сиротам. Она даже категоричней сказала: «Сироту Бог за руку ведет». Поэтому и обижать сирот – большой грех, и мешать сиротам что-то делать так, как они хотят, – грех не меньший. Так что нам остается только молиться за нашего Сергея, – на тревожной ноте закончила разговор Мария Александровна.

В гостиной в доме Пепеляевых был зажжен камин. Вера, старшая, девятнадцатилетняя, сестра Анатолия, жаловалась Сергею на младшего брата:

– Знаете, Сережа, меня просто поражает то, что такой глубокий и серьезный молодой человек, как вы, дружит с таким разгильдяем, как наш Анатолий. Вот и сейчас. Вы думаете, он действительно пошел поглядеть, не идут ли к нам сестры Кураевы? Как бы не так! Я уверена, он сейчас отправился курить за сарай. Вы не курите? Можете не отвечать. Мне и так все ясно. Логгин! – прикрикнула она на младшего брата, который стоял у камина и поджигал от открытого огня какой-то прутик. – Полюбуйтесь на него. Вылитый Анатолий в детстве.

От окрика восьмилетний мальчуган вздрогнул, бросил прутик в огонь и, встав лицом к старшим, показал, что в руках у него ничего нет.

– Сколько раз тебе говорить, чтоб ты не подходил к камину? – строго продолжила Вера. – Полюбуйтесь на него, Сергей. Еще одна семейная радость...

– Он-то, надеюсь, еще не курит? – пошутил Сергей.

– Курил уже, – как о полностью опустившемся человеке сказала Вера.

– Я попробовал, и только, – искренне уточнил Логгин, который был очень похож на Анатолия. В глазах его, как и у старшего брата, постоянно плясали чертики. Из пяти братьев Пепеляевых они с Анатолием были схожи не только внешне, но и характерами.

– А ты знаешь, что в твоём возрасте Сергей был уже кадетом?

Суровцев, наверное, впервые ощутил себя человеком бывалым. Действительно, теперь даже трудно представить и жутко вспомнить, как нелегко ему было. Как он плакал по ночам, оказавшись в корпусе. Один-одинешенек в непривычной, суровой, военизированной атмосфере кадетского мира.

– Сергей, – обратился младший Пепеляев к юнкеру, – я уже не раз просил, чтобы мне позволили держать экзамен в корпусе. Они только отнекиваются.

– Ты, к сожалению, не обладаешь такими же способностями, как Сергей Георгиевич. Иди посмотри, кто пришел, – услышав звон дверного колокольчика, прислушиваясь к шуму в прихожей, велела брату старшая сестра.

Логгин вприпрыжку убежал в прихожую, из которой раздались девичьи голоса.

– Сергей, я вас на минуту оставляю, – сказала Вера и вышла вслед за братом.

Сердце недавнего кадета учащенно забилося. Кровь прилила к лицу. Он покраснел, ругая себя за это дурацкое свойство – краснеть как девица. Спустя секунды румянец на лице уступил место бледности.

В гостиную вошли Кураевы. Все три сестры. Сергей не понял и не расслышал ничего из того, что говорила за всех троих старшая сестра Елена. Взгляд его всеми силами избегал встретиться со взглядом сестры младшей. Он поочередно поцеловал протянутые к нему руки Елены и Лизы и, не глядя перед собой, опустив глаза, предстал перед Асей. Он взял ее руку и тоже поцеловал. Губы его были сухими, как у человека, испытывающего нешуточную жажду. И только потом, поцеловав руку, он поднял глаза. Его встретил чуть грустный взгляд зеленых глаз Аси. «Зеленые... Глаза у нее, оказывается, зеленые», – теперь уже точно знал Сергей. Удивительно, но, неотрывно глядя только в глаза, он увидел, точнее сказать – ощутил, ее всю. Точно кто-то за какие-то секунды передал ему ее образ прямо в воспаленное сознание. И эти золотистые волосы, и девичью грудь, заметно волнующуюся под скромным платьем, и изящные руки, которые через год или два должны будут приобрести уже женское несказанное изящество. Ася напрочь была лишена угловатости, свойственной подросткам-девочкам. Необычайная женственность, проявившаяся в ней позже, уже присутствовала в ее облике и сейчас.

В комнату влетел Анатолий.

– Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте, – поочередно кланялся он каждой барышне. – А Нины Гавронской до сих пор нет?

Разновозрастные девушки невольно бросили взгляд на Лизу. Они знали, что Анатолий нравится ей, но также знали и то, что Анатолий явно предпочитает Лизе Нину. Спору нет: Нина Гавронская – красавица, но и Лиза хороша собой. Вера Пепеляева испытывала неловкость перед своей подругой по женской гимназии Еленой за то, что ее брат, как специально, общается с ее сестрой нарочито неучтиво. Наверное, он еще и сам не разобрался, кто нравится ему больше. Но все замечали, что при появлении Гавронской он меняется в поведении. При появлении Лизы он тоже менялся, но перемены выражались в словесных, саркастических пикировках с ней. При Нине же он был подчеркнуто учтив. Было видно, что Нина имеет над ним какую-то особую власть. Что было непривычно и интересно наблюдать.

– По-моему, все уже привыкли к тому, что Гавронская постоянно опаздывает, – вырвалось у Лизы.

Сама Лиза не могла так нарочито опоздать из-за того, что в гости к Пепеляевым ей всегда приходилось ходить только со старшей сестрой.

Над дверями в прихожей опять зазвонил колокольчик.

– Вот, пожалуйста, – продолжала Лиза. – Такое впечатление, что она стояла за углом дома и выжидала, чтобы мы вошли первыми.

Логгин, которому выпала в этот вечер роль швейцара, убежал открывать двери. Когда он вернулся, то решил сменить амплуа и, как церемониймейстер, торжественно провозгласил:

– Графиня Гавронская!

– Ну-ка, брысь отсюда, мелочь пузатая! – цыкнул на младшего брата Анатолий. «Пузатая мелочь» сделал шаг в сторону, пропуская в комнату Нину.

Конечно же, Нина не была графиней, но среди присутствующих выделялась именно аристократичностью. И Пепеляевы, и Мирк-Суровцев тоже были представителями дворянских родов, но Нина происходила из рода польских шляхтичей, отличавшихся своей заносчивостью, честолюбием и чопорностью. Русское дворянство иронизировало над княжескими и графскими титулами нищих польских дворян, которые зачастую ни князьями, ни

графами не являлись. Нужно сказать, что вопреки бытующему мнению дворянство в пред-революционной России почти скрывало свое происхождение, невольно достигая этим аристократичности более высокого порядка. И только в придворной и военной среде еще можно было встретить обращение по дворянским титулам. В Сибири и вовсе сословные и даже национальные разделения традиционно были малозначимы в отличие от европейской части империи.

В гостиную вошла Клавдия Георгиевна Пепеляева – мама Веры и Анатолия с Логгином. Дочь одного из самых богатых и уважаемых томских купцов Георгия Некрасова, Клавдия Георгиевна была счастлива в браке за потомственным дворянином генералом Николаем Михайловичем Пепеляевым.

– Рада вас видеть, молодые люди. Через полчаса жду вас в столовой, – произнесла она в ответ на приветствия молодых людей. И сразу же ушла, уводя с собой Логгина. – Идем, любезный, ты мне поведаешь, кто без спроса открыл банку с вареньем.

Последовала череда шуток. Ироничных замечаний в адрес друг друга. Смех. Но атмосфера в гостиной была дружеской и непринужденной. И только Сергей и Ася существовали в своем, теперь едином для них, мире. Они рассеянно наблюдали за окружающими, плохо понимая то, о чем они говорят. Взгляды их скользили по лицам присутствующих, но неминуемо встречались. Волнение от желанной для них встречи постепенно проходило, уступая место тревожному чувству неопределенности, которое для всех влюбленных одно из самых невыносимых. Чувство, которое влюбленные всегда пытаются разрешить каким-нибудь решительным поступком, порою бросаясь в крайности. Всегда ожидаемая и все же неожиданная первая любовь уже властвовала их душами.

– А пение и игру на рояле мы сегодня услышим? – обращаясь как бы и не к Сергею, спросила Вера.

– Мы все вас просим, – поддержала подругу Елена Кураева. – Вера так много об этом говорила.

– Просим! Просим! – заговорили остальные.

– Сдается мне, Серж нарушил свой зарок не писать стихов и песенок, – вставил свое слово Анатолий. Он при встрече видел в руках у Сергея конверт – вероятно, с ответным письмом Асе и скорее всего, он почти не сомневался, со стихами.

– Что за глупости? – возмутилась Вера. – А вдруг у вас дар? Как можно зарекаться в таких вещах? Суровцев сел за рояль. Секундный, быстрый взгляд на замершую в ожидании Асю, и звуки отлично настроенного инструмента заполнили гостиную. Еще не сформировавшимся окончательно, но и впрямь красивого тембра баритоном Сергей стал петь:

Бессмысленно хожу
По комнате своей.
Я слов не нахожу.
Я думаю о ней.
Я думаю о ней.
О ней, о ней одной.
Да что ж это со мной!
Да что ж это со мной!

Эффект от его исполнения и от слов романса оказался очень сильным. Волнение автора передалось слушателям.

На что ответ ищу,
Никак не объяснить.

Бессмысленно грущу,
Не в силах не грустить.
Рассудок побежден фантазией шальной.
Да что ж это со мной!
Да что ж это со мной!

Когда бы мне узнать,
Смысл тайный грез моих —
Легко б я мог дышать
Средь сверстников своих.
А может быть, увы, любовь всему виной?
Да что ж это со мной!
Да, что ж это со мной!

Последовал проигрыш, и были повторены последние слова романса:

Да что ж это со мной!
Да что ж это со мной!

Сергей закончил пение. Посмотрел на Асю. На Асю обратились взгляды и остальных. Она, казалось, стала взрослее за какие-то минуты исполнения этого романса. Все неожиданно для себя открыли, что она удивительно хороша собой. Смотрели и на Сергея, впервые связывая в своем сознании его и Асю. Аплодировать было бы верхом пошлости. Слишком искренне прозвучали музыка и слова. По этой причине все невольно вздрогнули, когда молчание вдруг нарушила Лиза:

— Мне лично не поглянулось слово «шальной».

Поднялся шум. Все спорили со всеми, будто они не в гостиной, а на томском губернском рынке. Наконец точку в споре о достоинствах и недостатках творения Сергея поставила Елена Кураева:

— Нет. Что ни говорите, но это просто замечательно. Единственное, что следует заметить, так это словосочетание «увы, любовь», — говорила она. — Почему «увы»? Вера, наверное, тоже согласится со мной.

— Пожалуй что соглашусь, — подтвердила Вера.

Спор готов был разгореться с новой силой. Но Сергей, точно перенявший от общения взглядами с Асей ее грустную улыбку, так же грустно улыбнулся. Затем заиграл на рояле. Прозвучала новая редакция последних строк. А если называть вещи своими именами, то это было настоящим признанием в любви:

Пожалуй, что любовь
Моя всему виной.
Да что ж это со мной!
Да что ж это со мной!

В этот раз все зааплодировали. Ни у кого не возникло сомнения в том, что происходит с лирическим героем стихов. Больше всех был доволен, кажется, Анатолий:

— Ни у кого, кроме меня, нет такого товарища, как Суворцев! И не будет! Я вам точно говорю!

В дверях появился Логгин.

– Мама всех зовет к чаю, – нарочито серьезно произнес он, отчего чертики в глазах стали еще заметнее.

Все стали подниматься и выходить из гостиной. Лишь Сергей и Ася, точно сговорившись, продолжали оставаться на своих местах. Уже в дверях оглянувшаяся на них Вера произнесла:

– Прошу не задерживаться. Мы вас ждем, – и тоже пошла по направлению к столовой. Сергей встал, взял лежащий на рояле конверт и приблизился к Асе. Девушка тоже встала.

Они были охвачены тревожным волнением.

– В конверте только что звучавшие стихи. Они ваши.

– Благодарю вас, – медленно и очень тихо сказала Ася.

– Если вам трудно говорить, то давайте буду говорить я.

– Удивительно, – медленно, так же без заикания, произнесла она еще одно слово.

– Что вас удивляет?

– Почему-то легко, – точно на легком выдохе произнесла девушка начало фразы, – очень легко говорить.

– Знаете что? А вы попробуйте не говорить, а петь слова. Мне кажется, вам так будет намного легче разговаривать.

– Я попробую, – почти пропела Ася.

– Вот видите. У вас получилось.

– Я стану снова, – голос ее действительно звучал мелодично, – я стану снова хорошо разговаривать, – совсем даже без намека на мучившее ее заикание произнесла она остаток фразы.

Они стояли совсем близко. То, что произошло в следующее мгновение, неминуемо должно было когда-то произойти. Должно, но все же не так быстро и не сейчас, наверное. Но так уж с самого начала сложилось, что все у них происходило очень быстро и неожиданно. Даже для них самих слишком неожиданно. У них все было необычно с самого начала. Точно не его голова, а зеленые, окаймленные густыми черными ресницами глаза Аси чуть качнулись в сторону и стали медленно приближаться. Уже с закрытыми глазами они нашли губы друг друга. Сергей нежно охватил губы избранницы своими губами, как, по словам Анатолия, и следовало делать. Первый в их жизни настоящий поцелуй слил их воедино. Конверт со стихами выпал из руки девушки. Ладони рук ее, подобно крылышкам мотылька, часто-часто затрепетали и, взлетев, замерли на голове и плече Сергея.

Поцелуй их был долгим и сладостным для первого в жизни поцелуя. Но как было, так и было. Когда они отстранились друг от друга, терять желанную близость им уже не хотелось. Они так и стояли, сохраняя легкое прикосновение своих тел, повернув головы в разные стороны. Вдруг Ася вздрогнула, а когда он попытался взять ее за руку, мягко выскользнула в сторону. Он обернулся к ней и увидел в дверях Логгина. Лицо девушки, и без того тронутое волнением, оказалось и вовсе залитым краской стыда. Она прошла мимо Логгина и исчезла за дверью.

Молчание нарушил Логгин:

– Сергей, вы увидите – я умею хранить тайны.

Младший Пепеляев подошел к Сергею и, как взрослый, протянул ему руку. Никаких чертиков в его честных голубых глазах не было. Сергей был тронут таким заявлением. Он искренне пожал протянутую руку мальчика. «Неужели сам я был когда-то таким же?» – подумал он. Он скорее почувствовал, чем понял, что сегодня он стал другим, чем был до этого. Он до сих пор ощущал на своих губах вкус губ Аси. Любимой Аси.

Глава 4. Будни наркомата

1941 год. Март. Москва

Сидя на заднем сиденье служебного автомобиля, Судоплатов ехал на Лубянку, 11. У него на 15 часов была назначена встреча с народным комиссаром внутренних дел товарищем Берией. Предстояло доложить свои соображения по использованию Суровцева-Мирка или Мирка-Суровцева, черт бы его побрал, в предстоящей работе.

Арестовали бывшего колчаковского генерала лишь в 1937 году, что практически было немыслимо при густом гребне проверок и репрессий, вычесавшим страну от всякой контры. Уволенный из РККА, он каким-то образом избежал особого учета. Последующие годы, трудясь сначала в какой-то инвалидской артели, а затем на поприще геологии, он снова благополучно уворачивался от ареста, проводя свою жизнь в экспедициях и изысканиях. Читая его дело, Судоплатов с удивлением открыл для себя, что в Академии Генерального штаба до революции изучали и геологию. Вероятно, никто даже предположить не мог, что в учреждении, связанном с картографией и геологоразведкой, в режимном и секретном, может окопаться такой махровый белогвардеец. Излишне говорить о том, что не одна голова слетела с плеч, после того как это выяснилось. После ареста он морочил голову с легендарным золотом Колчака. И действительно находили следы. Но золота так и не нашли. Причем искали, используя и какого-то бывшего красного командира, чтобы сохранить независимость поисков, но находили в лучшем случае никому теперь не нужные документы, тайные склады, какие-то захоронения, и ничего серьезного.

В сферу интересов разведки Суровцев попал по совершенно другой причине, но могло и так оказаться, что обе эти причины связаны между собой. Делу предшествовали события более чем двадцатилетней давности. Достаточно широко известно, что на сторону большевиков почти в полном составе перешел Генеральный штаб царской армии. Мало того, перешли Разведывательные и Контрразведывательные отделения во главе с начальником русской контрразведки генерал-лейтенантом Михаилом Бонч-Бруевичем. Примечательно и то, что генерал того же отдела Самойлов впоследствии командовал одним из красных фронтов, а другой генерал, по фамилии Потапов, стал начальником Генерального штаба Красной армии и вместе с таким же царским генералом Николаевым стоял у истоков уже советской разведки и контрразведки. Но, выяснилось, был еще один сослуживец у вышеупомянутых их превосходительств. Это некий генерал Степанов. По свидетельству бывших генерал-лейтенантов царской, а затем генерал-лейтенантов РККА Потапова и Николаева, Степанов был одним из самых знающих и опытных работников разведки. Он, этот Степанов, не перешел на сторону красных, но, против ожидания, не перешел и к белым, тем не менее во время Гражданской войны его появление было отмечено и на юге, и на севере России. Отметили его появление и у Колчака в Омске. И это было еще не все. Во время подготовки ликвидации Троцкого и еще до этого через третьих лиц до советской разведки неизвестными доводились сведения о деятельности русской эмиграции. Логика такой благожелательности оставалась непонятой. Сначала это воспринималось как провокация, но качество информации было таково, что пренебрегать ею становилось просто глупо. Особенно ценной была информация о передвижениях, связях и переговорах Троцкого. Создавалось впечатление, что неведомый источник информации питает к нему личную неприязнь. И Потапов, и Николаев были убеждены, что за всем этим стоит вышеупомянутый Степанов. Как профессионалы, они уловили знаковый почерк и не уставали говорить руководителям сначала ЧК, затем ОГПУ и НКВД, что

за многими загадочными происшествиями за рубежом угадывается рука не менее загадочного Степанова. Был даже случай вопиющий. Во время проведения знаменитой операции «Трест», ставившей своей задачей разгром одной из ветвей белогвардейской эмиграции и устранение с политической арены знаменитого Бориса Савинкова, так же ненавязчиво дали понять, что об этих планах известно и что не против этих планов. Кто был за ликвидацию Савинкова, так и не выяснили. Потапов не сомневался в причастности Степанова, который до и во время революции буквально организовал охоту за Савинковым и Троцким, но не успел довести начатое дело до конца. Наконец произошел случай, привлечший к себе особое внимание. ВЧК использовала в качестве консультанта бывшего шефа жандармов генерала Джунковского. Так вот Джунковский установил связь со своими еще дореволюционными источниками. С кем? Он не оставил документальных отчетов, но все были уверены, что со Степановым, с которым давно дружил. И вот именно у этого Степанова был в подчинении молодой, крайне одаренный различными способностями офицер с замечательной фамилией Мирк-Суровцев, с которым несколько минут назад Судоплатов беседовал.

* * *

Час спустя, переодевшись в форму сотрудника НКВД, с двумя ромбами в петлицах, с орденами Красного Знамени и Красной Звезды на груди, стройный и молодцеватый Судоплатов вошел в кабинет Берии.

Берия уважал своего заместителя и с ревнивым вниманием относился к нему. Наркому импонировало то, что Судоплатов был молод, умен и хорошо образован. Знал немецкий язык. А один замечательный факт на долгие годы расположил наркома к своему заму! После ареста и расстрела предыдущего наркома Ежова и приближенных к нему сотрудников во многие осиротевшие кабинеты пришли новые люди. Принимая дела своего предшественника, Судоплатов обнаружил в его сейфе досье на себя. Досье было явно расстрельного характера, распухшее от доносов и рапортов. Он явился к наркому и положил ему на стол найденную папку. Берия долго в присутствии Судоплатова читал. Это время показалось новому заму вечностью. Затем, закрыв папку, нарком долго и пристально, по своему обыкновению высоко закинув голову, смотрел через легендарное пенсне на своего подчиненного. Наконец придвинул досье к Судоплатову со словами:

– Забери и сожги. Иди работай! Стой! Сам читал?

– Так точно.

– Иди!

После ухода Судоплатова Берия сидел и размышлял о том, что стоит за этим поступком. «Простая глупость? Можно, конечно, предположить, что это хитрый, умный ход». Он склонился к тому, что это молодость и неопытность в интригах. А еще вера ему – новому наркому. Тут же потянулся к настольному календарю и сделал одному ему понятную запись: «Посмотреть, как поступят другие». Берия был уверен, что и другие сотрудники, назначенные вместо репрессированных, обнаружат подобный компромат на себя. Ни один из сотрудников с таким делом к нему не обратился. Такие вещи Берия умел запоминать – и запомнил.

Репрессии прошли даже по агентурной сети во всех зарубежных странах. Дело дошло до того, что разведчики отзывались на родину и уничтожались. Или же отправлялись в лагеря. Опасность такого положения дел понимал и сам Сталин. Он не верил никому, но понимал, что даже неверие и подозрительность нуждаются в подпитке информацией, а поток этой информации уже грозил иссякнуть. Не далее как месяц назад он неожиданно даже для ко всему привыкшего Берии вдруг спросил: «А как поведет себя белая эмиграция, напади на нас завтра Гитлер?» Казалось бы, очевидный ответ не мог устроить хозяина страны. «Разберитесь и доложите», – попрощался Сталин традиционной фразой. Вот теперь и «разбира-

лись». Теперь Берии и его новым замам приходилось налаживать работу, состояние которой было плачевным.

– Присаживайся, дорогой, – после дружеского рукопожатия пригласил Берия, обычно более строгий к другим подчиненным. – Вот тут для тебя докладная записка. Возьмешь к себе, там и считаешь. Товарищ Сталин как в воду глядел, – с легким неистребимым кавказским акцентом произнес он чисто русское выражение.

Берия взял себе за правило, как и сам товарищ Сталин, коллекционировать в своем лексиконе подобные речевые обороты. Образность русской речи облегчала общение и создавала у окружающих стойкое впечатление, что нерусский человек владеет русскими проблемами ничуть не хуже русских, которые пренебрегают богатством родной речи.

– Так получается, что наши белогвардейцы грызутся как собаки между собой. Краснов Деникина ругает. Деникина с Шульгиным мир не берет. Шкуро с Дутовым враждует, – продолжал Берия. – Считаешь, мы еще поговорим. У хохлов, после того как ты хлопнул Коновальца, полный разброд. – Берия ткнул в орден Красного Знамени на груди Судоплатова. – Хорошо сработал. Молодец!

Операция по ликвидации лидера украинских националистов Коновальца во многих отношениях была примечательной. Спланировал и осуществил ее Судоплатов. Акция проводилась и осуществлялась в обстановке особой секретности. Даже границу Судоплатов несколько раз переходил нелегально, рискуя получить пулю от советских пограничников. Но самое примечательное то, что способ уничтожения подсказал сам глава Советского государства. После доклада в Кремле Сталин, узнав, что Коновалец испытывает слабость к хорошему шоколаду, предложил подложить в коробку конфет, которые часто тому преподносили в подарок, бомбу. Применение яда он посчитал не столь эффективным и не столь эффективным способом убийства. Так и хочется сказать, что Иосиф Виссарионович тряхнул стариной, вспомнив свою террористическую, бомбометательную юность. Воспоминание удалось на славу! Коновальца разорвало в клочья, а способ ликвидации позволил исполнителю скрыться, когда, применив пистолет, была бы реальная опасность попасть в руки германской полиции. Поскольку ни при каких обстоятельствах попадать в руки немцев Судоплатов не имел права, он до конца жизни был благодарен Сталину за то, что тот спас ему жизнь, предложив использовать именно взрывное устройство. После этой операции произошел карьерный взлет в судьбе разведчика.

– Ну, давай докладывай, что у тебя по этому Мирку? Степанов-то на самом деле существует, и он фигура у них там. Считаешь, – Берия опять указал на служебную записку с грифом «Совершенно секретно» и с пометкой «Экземпляр один», – все поймешь. Я слушаю.

– Арестованный подтвердил свое знакомство со Степановым. В связи с этим еще больше вопросов. Во-первых, по его словам, он не виделся с ним с 1917 года. Нам же известно, что оба в 1919 году были в Омске. Если действительно у них были тесные и служебные, и дружеские отношения, не встретиться они не могли. Потом, – продолжал Судоплатов, – не мог ли этот Степанов быть причастным к исчезновению части золотого запаса, если, конечно, эта часть золота исчезла, а не была вывезена белочехами? И еще мне кажется, этого Мирка-Суровцева следует хорошенько проверить по линии контрразведки. Человек, знающий несколько иностранных языков, вероятно, не раз бывавший за границей, не уходит с отступающей армией Колчака, а отправляется в противоположную сторону, через территорию, занятую Красной армией. И в конце концов, как мы узнали, он побывал и в Крыму, у барона Врангеля. Но это я еще могу объяснить.

– Как ты это объяснишь?

– Он стал генерал-майором в двадцать шесть лет, – чуть смутившись, сказал заместитель наркома, – и карьерные амбиции могли его заставить воевать дальше. А это можно было сделать только в действующей армии Деникина, а затем Врангеля.

– Ну-ну, продолжай, – рассмеялся Берия, понимая, что его заместитель так же, как когда-то этот белогвардеец, молод и звание его соответствует генеральскому чину в армии. – Я слушаю.

– И опять. После разгрома Врангеля он не уходит за кордон, а остается в России. А уж он-то, как никто, знает, что ему пощады здесь не будет. Или его что-то удерживает здесь? Например, золото, из-за которого он нам и попался. Или же он ушел, а затем опять вернулся обратно в Россию? Потом, его служба в Красной армии. Хотя из Томского военкомата сообщили, что попал он в армию по дополнительной мобилизации, в связи с войной против Польши. И, судя по всему, неплохо воевал, если дослужился до начальника штаба полка Красной армии. Правда, свой генеральский чин он в Конармии Буденного скрывал. По всем выкладкам не мог бывший «их превосходительство» уцелеть.

– Ты хочешь сказать, что он шпион? – удивился Берия.

– Я не районный оперуполномоченный, чтоб каждого знающего иностранный язык обвинять в шпионаже, но очень уж своеобразной деятельностью он занимался перед арестом. Что такое геолог? Это не только доступ к данным о полезных ископаемых. Хотя и это тоже. Но это еще и возможность по полгода и больше находиться вне поля зрения органов. А если он это время проводил вне страны? Я понимаю, что были и в экспедициях свои глаза и уши, но прошлое его они просмотрели и прохлопали...

– Я не могу понять, почему он до сих пор ничего не сообщил ценного про золото Колчака? У нас что, спрашивать разучились? – перебил доклад Берия.

– Наши костоломы его порядком потрепали, но здесь особый случай. У него непереносимость боли. Свойство организма. Как у меня непереносимость алкоголя. Вы же знаете, что это иногда встречается.

Берия улыбнулся. Он, конечно, знал, что у некоторых людей встречается такая особая восприимчивость к боли. Таким же свойством, говорят, обладал покойный маршал Блюхер. Но рассмешило его именно упоминание о самом Судоплатове. По его словам, он выпивал водку два раза в жизни и оба раза чуть не умер. Свидетелем последнего раза Берия был сам. Он сам и настоял на этом, когда они обмывали ордена за ликвидацию Троцкого. Еле живого Судоплатова отправили домой, а дома пришлось вызывать врача. Для грузина это было немыслимо, но позже, зная об этой особенности, даже сам Сталин позволял Судоплатову на приемах разбавлять вино водой. А однажды в своей обычной манере пошутил на одном из приемов, взглянув сначала на Судоплатова, потом кивнув на пьяненького Ворошилова:

– Если бы все наши маршалы выпивали, как этот чекист, порядка в Красной армии было бы больше.

Но шутки в сторону. Берия некоторое время сидел молча. Было понятно, что он размышляет над только что услышанным. Наконец, подумав, четко и быстро, как умел только он, отдал распоряжение:

– Проверить. Это дело вести тебе. Здесь больше разведки, чем контрразведки. Хорошо, что ты не упустил вопрос о золоте Колчака. Может быть, такой взгляд что-то нам объяснит в этом деле. Хохлацкую эмиграцию ты расколол тогда удачно. Теперь жду от тебя предложений по белогвардейской. Плохо то, что после ликвидации прежних лидеров мы о ней мало что знаем. И почитай в записке повнимательней про этого Степанова. Что-то во всем этом есть! Иди работай.

Берия не успел договорить, как на столе зазвонил один из телефонных аппаратов. Звонок был из Кремля. В поднятой Берией трубке раздался голос Сталина. Только два слова с грузинским акцентом:

– Срочно приезжай!

«Не „здравствуй“ и не „до свидания“», – отметил нарком. Не в духе. И причем заранее предупредил, что не в настроении. Иначе поручил бы позвонить кому-нибудь из подчиненных. Жди неприятностей. Он бросил взгляд на настольный календарь. Было 20 марта 1941 года. Внизу календарного листка рукой Берии написано: «Быть Кремль. 20.00. Голиков». Взглянул на напольные часы – 17 часов 15 минут. Что-то рано беспокоит. Молча стал одеваться.

Из кабинета вышли вместе. В приемной Берия коротко бросил секретарю, но так, чтобы и Судоплатов понял, что сказанное касается и его:

– До моего возвращения всем быть на рабочих местах!

В этот день начальник Разведывательного управления Генерального штаба Советской армии генерал Федор Иванович Голиков представлял руководителям государства и Вооруженных сил доклад о планах нападения фашистской Германии на СССР. Один из трех вариантов развития событий полностью соответствовал плану «Барбаросса», осуществленному немцами три месяца спустя. Сталин, встретившийся с Голиковым заранее, пребывал в дурном расположении духа, негодую на то, что ему предлагают не один, а несколько вариантов действий немцев.

Вечером того же дня Сергей Георгиевич Мирк-Суровцев был доставлен из следственного изолятора НКВД СССР в Лефортово во внутреннюю тюрьму того же ведомства на Лубянке. Чисто выбритое тело свербело от порезов бритвой, кололось остатками волос, но все же дышало всеми порами кожи после долгой пытки вшами, грязью, нечистотами, потом и запекшейся на ссадинах кровью. Его переодели в какой-то полувоенный костюм, состоявший из гимнастерки и широких брюк навывпуск. Башмаки оставили прежние, но выдали носки, которые казались воплощением ласки для израненных побоями ступней ног. На ужин дали картошку, сваренную целиком, ломтик черного хлеба и – о чудо – чуть темный чай с сахаром. Камера была намного меньше лефортовской, но не в пример последней теплой, даже уютной, если может быть уютной тюремная камера. Кроме деревянного топчана для сна был здесь и небольшой столик, как и табурет, привинченный к полу. Последнее указывало на то, что ему придется вспомнить, что когда-то он умел писать и читать. Но что самое удивительное, имелось некое подобие унитаза, которое он когда-то видел на зарубежных вокзалах. Был даже умывальник. Очевидно, здесь содержали высокопоставленных узников Страны Советов. Он уже давно приобрел чисто тюремный навык жить одним днем и радоваться тому, что относительно хорошо, в эковском понимании ценностей: «День прошел, и черт с ним!» Не к ночи будет помянут. Прошептав молитву, он сразу же провалился в желанный сон. Снилось море. Снилось, что он лежал на раскаленном песке пляжа, глядя в синее, без облачка, небо, и отчетливо слышал шум моря, в который врывались радостные голоса женщин и детей. Здоровый, полный сил. «Я ведь еще не старый человек», – вспомнил он. Говорят, сны на новом месте иногда сбываются. И, находясь в состоянии сна, Сергей отчетливо осознал и запомнил это. И снова снились лето и море. Море и лето.

Глава 5. Дела полковничьи

1911 год. Июнь. Санкт-Петербург

Полковник царской армии Александр Николаевич Степанов был человеком примечательным. Отец его, Николай Федорович Степанов, заслуженный генерал, участник двух русско-турецких войн, женился поздним браком на фрейлине двора его императорского величества Александра III Анне Николаевой. Несмотря на двадцатилетнюю разницу в годах, брак оказался счастливым. С разницей в год родились трое детей, крестными родителями которых неизменно были сам император Александр III и императрица Мария Федоровна, выступившие когда-то инициаторами женитьбы уже немолодого генерала и голубоглазого ангела Анечки.

Александр, родившийся в семье третьим по счету, вслед за своими сестренками Машей и Сашей, пользовался особым расположением крестных родителей. На шуточный упрек жены за то, что он к собственным сыновьям – великим князьям Николаю, будущему царю Николаю II, а также к Георгию и Михаилу – относится с меньшим вниманием, царь шутил: – Оно и понятно, душа моя! Он, как и я, Александр-третий.

Маленький Александр-третий унаследовал ангельский облик матери, а из глубин степановской родословной вытянул в свой характер живость ума, непоседливость, силу и редкое бесстрашие. Будучи совсем еще малышом, улупив момент, таскал за хвост свирепого цепного пса в родительском имении. И что удивительно, последний терпел такое, казалось бы, полное неуважение к себе. Он вылизывал почти всегда чумазую мордашку барчука, понимая своей собачьей душой, что барчук незлобен и щедр. В три года с плачем и ревом Сашенька раз и навсегда вырвал у взрослых право садиться не на игрушечного, а на настоящего, живого коня. А в пять крестный – Александр III – подарил ему жеребенка. Поистине царский подарок, прибавивший хлопот родителям. Радости же младшего Александра-третьего не было предела.

В детстве он часто играл с великими князьями. Царственные родители благосклонно смотрели на такое общение, несмотря на то что после таких игр их дети иногда украшались синяками. Царь и царица считали, что наследникам престола будет на пользу такое общение. А то, что младший великий князь Михаил обретал в лице Саши покровителя и защитника перед старшими братьями, делало его особенно любимым у Марии Федоровны.

Но дети выросли. С возрастом Александр стал тяготиться этим общением. Воспитанный в монархических традициях, он с неудовольствием замечал, что у товарищей его детских игр, великих князей, по его мнению, отсутствует сознание своего будущего предназначения. В чем он, безусловно, был прав. И это делает честь его проницательности еще в юном возрасте.

После смерти отца мать всерьез решила взяться за воспитание сына по своему собственному усмотрению и вместе с императрицей определила Сашеньку в пажеский корпус, чтобы изначально отлучить сына от военной карьеры. С этого момента близости между матерью и сыном больше не было. И только крестные родители еще как-то могли влиять на непокорный, живой характер крестника. И то потому лишь, что были царственными особами.

Выйдя из пажеского корпуса, к ужасу матери и неудовольствию матери крестной, Александр выбрал военную карьеру. Службу начал в лейб-гвардии кавалергардском полку, шефом которого была сама императрица, его крестная. Успешно закончив Николаевскую академию Генерального штаба, принимал участие в Русско-китайской и Русско-японской войнах. Был награжден за храбрость. Теперь уже вдовствующая императрица отслеживала

жизненный путь крестника. Но это было тем приятнее делать, что он сам благополучно продвигался по служебной лестнице, и ее, как и настоящую мать, беспокоило лишь то, что Александр не женится второй раз после смерти во время родов своей первой жены.

Императрица Мария Федоровна приобрела с годами большое значение в жизни Александра Николаевича. Постепенно она стала единственным близким ему человеком. Только ей он мог доверить свои личные, а иногда даже государственные тайны и получить от нее и материнское благословение, и мудрый совет старшей представительницы царствующей династии. Столь тесные отношения с вдовствующей императрицей, которую после кончины Александра III стали называть Гневной, не были тайной и придавали вес в обществе этому полковнику. Но даже незначительный намек на высокое покровительство мог стоить зарвавшемуся смельчаку дорого. За Степановым закрепилась дурная слава бретера. Тайные дуэли, несмотря на официальный запрет, все же происходили. С царем Николаем II Степанов с годами виделся все реже. После смерти брата царя, Георгия, в смерти которого он винил Ники, а также после женитьбы, которую он, как и Гневная, считал неудачной, встречались они только на официальных приемах. Две-три ничего не значащие фразы о безоблачном детстве. Вот и все общение.

* * *

В то летнее утро 1911 года Александр Николаевич пребывал в раздражении. Он ждал телефонного звонка своего курьера. Курьер должен был сегодня утром прибыть из Берлина. Разведка того времени считала курьерскую связь самой надежной. (Часто это так и сейчас.) В то же время телеграфных аппаратов было очень мало. Петербургский телеграф работал, но обслуживал ничтожное количество телеграмм. Так что даже в экстренном случае прибегнуть к нему было нельзя без риска провала. Средневековой голубиной почтой пользовались все реже и реже. Как человек современный, Степанов установил телефон одним из первых в Петербурге. И сразу же стал его использовать в своей работе.

Беспокойство терзало его все утро. Одаренный интуицией, полковник не находил себе покоя. «Что произошло? Что могло произойти?» – спрашивал себя он.

Курьер, красивая аристократичная дама, когда-то рекомендованная ему Гневной, никогда еще не подводила. Он уже выяснил, что поезд из Берлина прибыл два часа назад. Не успел он в очередной раз предположить, что могло произойти, как зазвонил телефон. Он выждал паузу и, сняв наушник аппарата, приложил его к уху. Другой рукой он держал разговорное устройство на подставке. Внутренне собравшись, Александр Николаевич спокойно произнес:

– У аппарата.

– Это я, милый. Надеюсь, ты не потерял меня? – пропел в телефонной трубке мелодичный женский голос.

Степанов также расслышал мужской смех. Конечно, он потерял...

– Елена, я понял, что вы не одни. Что случилось? Где вы?

– Расхворался племянник. Я сейчас в гостях. Очень милая супружеская пара.

Снова послышался смех нескольких мужчин.

– Мы познакомились в пути... Нет-нет... Сегодня вряд ли... Давай встретимся на следующей неделе. Не спрашивай... Не будь так ревнив... А еще у меня для тебя есть открытка из Берлина... Сущий пустяк, но тебе будет приятно, – продолжала женщина.

Елена Николаевна, как могло показаться со стороны, говорила полный вздор и весело смеялась. Степанов же, не отвечая, понял главное: она привезла новости о том, что трону угрожает опасность. Слово «племянник» было ключевым для любого сообщения. То, что «племянник заболел» могло означать что-то весьма серьезное, вплоть до начала военных

действий в самое ближайшее время. Из этого следовало и то, что шифровка, находящаяся у курьера, содержит самые срочные сведения.

Барышня-телефонистка, соединившая двух телефонных абонентов, невольно стала прислушиваться. Какая-то сумасшедшая звонила, надо полагать, своему любовнику и разговаривала сама с собой. Но звонила она из квартиры Георгия Сазонова – литератора, издателя, председателя писательского клуба, в котором собирались отнюдь не писатели, а сплошь и рядом самые скандально известные личности столицы. Во время разговора то и дело слышался смех нескольких женщин и мужчин. В том числе слышался смех и самого Распутина, который барышня-телефонистка уже узнавала. Да и спутать его ржание с чьим-то другим было невозможно. Но самое интересное было то, что любовник вдруг спросил, почти крикнув:

– Шут?!

– О да, мой друг! – теперь без театральных ухищрений воскликнула женщина.

Телефонистка решила, что любовник тоже сумасшедший. Конечно, все потешались над Распутиным, о котором ходили легенды, но шутом его именовать было нельзя. Степанов же, называвший Распутина словом неприличным, в этот раз воспользовался определением Гневной.

– Дожила. Шут гороховый в спальне моего сына, – однажды произнесла Мария Федоровна.

Позже, переселившись с Английского проспекта на улицу Гороховую, ставшую не менее знаменитой, чем Фонтанка или сам Невский проспект, Распутин точно подтвердил прозвище «горохового шута», бытовавшего в окружении Марии Федоровны. Степанов, дрожа от гнева, произнес одно только слово «жди» и положил трубку. Телефонистка в недоумении выслушала еще несколько фраз хохочущей, сумасшедшей дамы и произнесла положенное в таких случаях:

– Разъединяю.

Примерно через полчаса к писательскому клубу подъехал дородный жандармский полковник с большой окладистой бородой а-ля Александр III, какие носили еще разве только в глубокой провинции.

Полковник подошел к одному из филеров, которые в последнее время превратились в охрану Распутина, и грозно спросил:

– Григорий Ефимович здесь?

– Так точно, ваше высокоблагородие! – отрапортовал шпик.

Подошли еще два переодетых полицейских. Стали спорить: откуда взялся этот полковник? Вроде такого раньше не видали. Решили, что переведенный откуда-то из провинции. «Бородища-то какая», – говорили восторженно. Пока они гадали, откуда этот полковник, тот поднялся на второй этаж и вошел в гостиную, которую превратили в канцелярию прошений. Как и в настоящей канцелярии, здесь в ожидании сидели люди. Разве что состав был более демократичным. Были представлены все слои русского общества – от крестьян до дворян. Преобладали женщины. Он грубо, почти басом спросил:

– Где?

Секретарь невольно взглянул на дубовую дверь и вышел из-за стола. Хотел было что-то спросить и тут же полетел в сторону, отброшенный, точно шинель, могучей рукой полковника. Кроме самого Распутина, в комнате находился столичный издатель и глава писательского клуба Георгий Сазонов, который был более известен не как литератор и журналист, а как общественный деятель с сомнительной репутацией.

– Кто из них тебя похитил? – водевильно грохотал голосом полковник. – А ну-ка, ну-ка иди сюда, – поманил он наманикюренным пальцем Распутина. Надел перчатки. Указательным и средним пальцами левой руки он захватил нос Распутина. Нагнул его и левым коле-

ном снизу ударил. Было слышно, как клацнули гнилые зубы. – Это тебе привет от сибирских губерний, отец родной.

– Что вы себе позволяете? – вскричал Сазонов.

Свободной рукой Степанов ухватил его за бородку-эспаньолку. Со всего размаху стукнул лбами Распутина с Сазоновым. Женщина-курьер выскользнула за дверь. Степанов (это был он) снял перчатки и бросил их в лицо Сазонову.

Степанов сидел за письменным столом в своем кабинете. Он только что закончил дешифровку послания из Берлина. Агент сообщал, что в августе этого года готовится покушение на кого-то из высших особ империи. Агент служил в германском Генеральном штабе и являлся адъютантом одного из руководителей этого штаба. Мало того, он был родственником одного из приближенных кайзера Вильгельма. Помогла получить такого ценного агента все та же Мария Федоровна, Гневная. Степанову однажды выпала честь сопровождать императрицу в поездке по Европе, и он сумел эту поездку использовать с огромной выгодой для русской контрразведки. Он приобрел огромное количество знакомых и приятелей при всех монархических дворах Европы. В том числе столь замечательным образом он подружился с капитаном немецкого Генерального штаба.

По прошлому опыту общения он знал, что при дворе Вильгельма разбираются в русских делах лучше, чем сами русские. Понимал он и то, что если «дядя Вили» задумал какое-то покушение, то сделает это чужими руками. Хотя в данном случае, убежден был Степанов, кайзер ничего не замышлял. Он просто откуда-то знает, что это замышляют другие. Итак, покушение...

Август. Почему август? Только сделав несколько звонков по телефону, Степанов выяснил, что на август намечены торжества в Киеве. Формальным поводом послужило открытие двух памятников – Святой Ольге и Александру II. Предполагается приезд царственных особ и всех высших сановников империи. Полковник выругался. Немцы опять осведомлены лучше, чем мы сами. Кто является объектом покушения? Без всякого сомнения Степанов отверг личности царственных особ. Нарушать равновесие в Европе сейчас никто не заинтересован. Да и не революционер же кайзер. Здесь что-то другое. А значит, это может быть только один человек – Столыпин. Казалось бы, чему удивляться? Покушения на Столыпина следовали одно за другим.

«Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» – крикнул Столыпин с трибуны первой Думы. Великая Россия никому не нужна, продолжал рассуждать полковник. И в этом кайзер – первый союзник революционеров всех мастей. «Не желает, дурак, понимать, что такая держава, как Россия, – первый гарант существования Германской империи», – сказала однажды Гневная. Степанов считал так же, но в отличие от Марии Федоровны его очень интересовали детали. В частности, эта: почему немецкий Генеральный штаб обсуждает такие вопросы, как покушение на русского премьера? Столыпин у власти – это сильная в будущем Россия, а кайзер не желал бы воевать с сильным противником. Так получается, что Столыпин – угроза немецкому милитаризму.

И что делать с этим сообщением? Начальнику штаба он сегодня же доложит. Генерал развеет руками и скажет: «Это не наша епархия. Это дело МВД». МВД – это сам Столыпин. Столыпину он не может сообщить, потому что нужно указать источник. Этого делать категорически нельзя. Да и сам он не может так вот запросто явиться к премьер-министру. Обратиться через великого князя Николая Николаевича? Это не тот человек. Казалось бы, самое простое – сообщить Ники. Но Ники без царицы давно уже ничего не решает. И опять же Распутин, провалился он пропадом! И все же долг велит найти способ предупредить премьера. «Вообще давно пора понять, что нужно иметь единую мощную контрразведывательную и разведывательную организацию, для разрешения таких, как эта, ситуаций, – продол-

жал рассуждать полковник, – организацию, объединяющую под одной крышей разведку, контрразведку и внутренние дела. Мало того, в отдельное подразделение такой организации выделить отдел по борьбе с революцией. Сейчас разведывательную информацию независимо друг от друга собирают три ведомства: Министерство иностранных дел, Министерство внутренних дел в лице охранного отделения и Генеральный штаб. Казалось бы, все логично: дипломаты занимаются сбором политической информации, охранка занимается революционерами, а военные – делами военными. Но вот лежит у него на столе информация, пришедшая из немецкого Генштаба, и носит она чисто политический характер. А сам факт обсуждения немцами грядущего покушения, да еще с указанием времени этого покушения – проанализировать некому. А если тот же кайзер вздумает использовать революционеров в борьбе с Россией? Например, для разложения армии в грядущей войне?»

Однажды Степанов попробовал завести разговор на эту тему с Марией Федоровной. И понял, что при монархии создать такую организацию невозможно.

– Да вы с ума сошли, Александр! Это же змей о трех головах! Вы хотите создать организацию, которая будет готовить заговоры против моего сына?

Слишком смело для своего времени мыслил полковник Степанов.

Спустя десять лет, в 1922 году, в Париже, белоэмигранты обсуждали, чем вызвано переименование ЧК в ОГПУ. Строили предположения. По обыкновению, спорили до хрипоты. Он же улыбнулся самой горькой в своей жизни улыбкой. Он понял: большевики создали именно такую организацию. Надо полагать, не без помощи его бывших подчиненных они создали организацию, о которой он мечтал. Одно название большевистской организации чего стоит! Объединенное главное политическое управление. Это не Чрезвычайная комиссия! Времена ЧК прошли!

– Финита ля комедия, господа! – сказал тогда Степанов. – Отныне любая контрреволюционная деятельность на территории России невозможна! А вот нам теперь ни в одной стране мира покоя не будет! Обратил бы ваше внимание, господа, на то, что разведка, контрразведка и политический сыск объединены большевиками под одной вывеской.

В течение десяти минут он написал докладную записку на имя исполняющего обязанности начальника Генерального штаба генерала Поливанова. Позвонил в колокольчик. Вошла Степанида – его экономка.

– Степанидушка, пригласи сюда нашу гостью и накрывай на стол.

С легкой улыбкой на губах вошла Елена Николаевна – уже знакомый нам курьер из Берлина.

– Присаживайтесь, сударыня.

Дама с любопытством оглядела кабинет Степанова. Не спеша и грациозно присела на диван. Степанов встал, прошелся по кабинету.

– Итак, сударыня, я жду объяснений. Почему, сойдя с поезда, вы не отправились на конспиративную квартиру, а решили провести время в компании с мерзавцами?

– Все не так просто. В поезде я познакомилась с Сазоновым. Но я не думала, что его будет встречать сам главный мерзавец.

– И что из этого следует?

– Мерзавец буквально затащил меня в автомобиль. Вы же знаете, как ведет себя этот господин. Я не хотела устраивать скандал. Это понятно?

– И предоставили устраивать скандал мне? Последствия этого скандала даже трудно предположить. Вы, как дама, могли бы найти более легкий способ выйти из сложившейся ситуации. Без мордобитий и погонь.

– Что вы этим хотите сказать?

– Есть огромное количество дамских уловок, к которым вы не пожелали даже прибегнуть.

– Уж не оскорбить ли вы меня желаете? – лукаво улыбнулась женщина.

– Ничуть.

Так же грациозно, как минуту до этого присела, Елена Николаевна встала. Повернувшись спиной к Степанову. Было понятно, что она что-то достает из декольте. Когда она повернулась, на щеках ее горел непритворный румянец. Было видно, что она действительно смущена. Она расправила небольшой листок бумаги и, опустив глаза, протянула его полковнику.

– Вот.

– Что это? – также смутившись, спросил Степанов.

– Возьмите, возьмите. Это же не бомба. Хотя кто знает? Может быть, это опасней бомбы.

Степанов взял измятый листок. Это был чек на сумму двести тысяч рублей, выписанный на предъявителя. Название банка ничего ему не говорило. Кажется, какой-то немецкий банк. Озадаченный полковник повертел чек в руках с таким видом, что, казалось, вот-вот его понюхает. Видя эту картину, Елена Николаевна рассмеялась. Она представила, как полковник Генерального штаба выясняет, чем пахнет чек, только что вынутый из декольте. Полковник тоже рассмеялся.

– Мне, право, неловко спрашивать, откуда это. Впрочем, откуда – я уже видел.

Елена Николаевна уже без улыбки продолжила:

– Вероятно, желая таким образом меня обольстить, Сазонов еще в поезде показал мне этот чек. Вытащить ценную бумагу в поезде возможности не представилось. Показать-то он показал, но постоянно прикасался к груди, как бы проверяя, на месте ли бумажник с чеком. Поэтому я решила продолжить знакомство с этой компанией.

– Что ж, вы поступили, наверное, правильно. Хотя с меня было бы довольно и того, если бы вы просто сказали, что видели чек иностранного банка у Сазонова.

– Вы опять желаете меня оскорбить?

Степанов долго смотрел в зеленые глаза своего агента. Она нравилась ему. Опытный обольститель, он чувствовал, что женщина влюблена в него. Не будь этой влюбленности, он бы давно пошел на сближение с ней. Но в отличие от нее он влюблен не был. И менять привычный образ жизни не желал. Холостяцкие привычки – это те дурные привычки, от которых труднее всего избавиться. Пристрастие к алкоголю и табаку – сущий пустяк по сравнению с определенным укладом жизни. А иметь дело с влюбленной и отвергнутой женщиной опасно. В его случае более, чем в любом другом.

– Я мог бы сказать, что вы умница, но для красивой женщины это равно оскорблению. Я бы мог сказать, что вы сущий ангел, но вы сами понимаете, что мы с вами заняты отнюдь не ангельскими делами.

– Вы действительно намерены сегодня говорить мне одни гадости? – В голосе женщины послышались нотки, предвещающие скорые слезы.

Степанов взял руку Елены Николаевны и, склонившись, нежнее, чем требовал этикет, поцеловал ее. Она положила свободную руку на сидящую голову полковника.

Именно эту сцену застала явившаяся без обычного стука в дверь экономка Степанида. Господа смутились. Грозно взглянув на свою экономку, Степанов ничего не сказал ей. Обернулся к Елене Николаевне:

– Благодарю вас.

В ответ та снова рассмеялась:

– Мне нужно, как солдату, кричать «рада стараться»?

«Черт бы побрал этих женщин! Один непродуманный шаг, и они моментально берут дело в свои руки», – подумал Степанов.

– Ступайте в столовую. Я сейчас приду.

Он положил чек в конверт. В раздумье постоял минуту. Затем положил еще какие-то бумаги со стола в сейф. Запер его. Скандала, которого он опасался после посещения литературного клуба, он был теперь уверен, не будет: «Афишировать свое темное финансирование негодяи не решатся. Но будут разыскивать Елену. Возможно, объявят воровкой. Как этого не хочется, но ее нужно пока оставить здесь, у себя. А может быть, хочется?»

Он ехал на извозчике в Главный штаб. Прогуливавшиеся дамы обращали свое внимание на красивого полковника, проезжавшего мимо. Полковник, предавшийся грустным размышлениям, не обращал внимания ни на дам в легких летних платьях, ни на чудную, редкую для столицы солнечную погоду. Мысли его занимал этот чек на предъявителя. «Что за банк? Кому принадлежат его активы? Даже оприходовать эти деньги проблема. Хотя оприходовать – наоборот, проблем не будет. Не ворует теперь разве только ленивый. Скажи он, что не знает, как оприходовать эти деньги, и его поднимут на смех». И все же брало верх профессиональное любопытство: «Чьими финансовыми услугами пользуются проходимцы? Почему так сложно? Не к министру же финансов Коковцеву обратиться за разъяснениями? Хотя почему нет? Как раз министр финансов и может пролить свет в этом темном деле. И опять же... Что из этого следует? Ну будет он знать. А сделать что он сможет, кроме как поделится информацией с Гневной. Эх, Ники, Ники, куда ты ведешь Россию и себя! Хотя Ники уже никого никуда давно не ведет. Не хочется верить, что теперь, как ворованную лошадь, ее тащит под уздцы Распутин». Как ему, дворянину, офицеру, была противна даже мысль, что бывший конокрад в этот раз уворовал саму Россию! «И все же нужно встречаться со Столыпиным и с его помощью затем встретиться с министром финансов Коковцевым», – подвел он итог своим терзаниям.

Двуколка остановилась. Степанов поднял глаза и увидел городского. Невольно вздрогнул из-за сегодняшнего происшествия. Городовой отдавал ему честь. Дальше нужно было пройти пешком. Дожили. После революции 1905 года были введены ограничения для транспорта вблизи некоторых государственных учреждений. Как будто это могло спасти от террористов! Он рассчитался с извозчиком и пешком направился в направлении Главного штаба. Не доходя нескольких метров до знаменитой арки, он увидел молоденького офицера, которого сразу же узнал. На экзамене в академию подпоручик показывал прекрасные знания по всем предметам и, что особенно поразило Степанова, по иностранным языкам. В академии полковник вел семинары по разведывательной работе и потому обратил внимание на этого молодого человека. Подпоручик стоял в явном замешательстве и растерянно смотрел на Степанова. Степанов поприветствовал подпоручика в ответ, но не прошел мимо. Остановился. Что-то говорило ему, что нужно остановиться. Левой рукой молодой офицер держал папку для бумаг, обтянутую коричневой кожей. Сам же стоял по стойке «смирно».

– Вы что-то хотите мне сказать?

– Подпоручик Мирк-Суровцев! – представился офицер.

– Вспомнил. Почему вы находитесь здесь? Что-то случилось?

– Ваше высокоблагородие, я обойден при зачислении в академию. – Голос подпоручика дрогнул.

– Что значит обойден? Вы хотите сказать, что не зачислены?

– Никак нет. Именно обойден. Я был в списках зачисленных, а вчера был вызван в академию и мне было объявлено, что...

«Того и гляди расплатится, – подумал Степанов. – В таком вот состоянии и стреляются молодые подпоручики. Любая несправедливость для них смерти подобна. Чистые наивные души».

– А это, – полковник указал на папку, – надо полагать, прошение на высочайшее имя? Дайте сюда! – Степанов взял папку из рук подпоручика. – Я разберусь. А вы пока погуляйте по Невскому проспекту. Ровно через час подойдете сюда. – Распорядился полковник и, резко повернувшись, решительно зашагал под своды арки.

Суровцев слышал, как хлопнула одна из дверей и эхо гулко отозвалось в зажатом пространстве. Он видел двери по бокам аркового прохода, но не предполагал, что ими пользуются офицеры Генштаба. Ему почему-то казалось, что эти двери предназначены для вспомогательных служб, а офицеры Генерального штаба входят только через центральный вход. Многие так и делали, но не Степанов, знавший прекрасно все здание и предпочитавший сокращать переходы.

Не зная, горевать ему или радоваться, по совету полковника подпоручик Сергей Мирк-Суровцев отправился на Невский проспект.

Степанов же, покружась в лабиринте лестниц и переходов, известных, кроме него, наверное, только смотрителю здания, направился в одну из многочисленных канцелярий штаба.

Необходимо сказать, почему он решил принять столь живое участие в судьбе подпоручика. Поступать в Академию Генерального штаба офицер начинал еще в своем полку. Наиболее достойные затем держали экзамен уже в дивизиях. Принимали эти экзамены исключительно бывшие выпускники академии. За дивизионным экзаменом следовал экзамен при штабе армии или военного округа. Из 1500 поступавших в округе к дальнейшим экзаменам допускались 400—500 человек. И уже из этой группы достойных офицеров 100—120 человек держали экзамен в самой академии на двадцать учебных мест.

Молодость и умная голова. Плюс знание языков. Степанов просто посчитал непозволительным для себя шагом не помочь офицеру. К тому же ему нужны были толковые офицеры в свое подчинение.

Начальником канцелярии был его приятель, и потому, поздоровавшись, Степанов без обиняков спросил:

– Алексей, растолкуй мне, что за история с нынешним зачислением в академию? Молоденький подпоручик, совсем мальчишка, – напомнил Степанов.

– Вот ты о чем, – сразу же понял офицер. – Суть дела такова. Среди поступавших офицеров оказались двое, один из которых совсем молоденький, а у другого последний год возрастного ценза для поступления. Приемная комиссия разошлась во мнении, кого принимать. Как назло, проходные балы у них до десятой доли совпали. Решили, наверное, что молодой может еще не раз поступать.

– Так и зачислили бы обоих, раз оба достойны!

– Ну, – развел руками начальник канцелярии, – сие не от меня зависит.

– А почему до этого в списках зачисленных подпоручик был?

– Ей-богу, не знаю. Да тебе-то что за дело до этого подпоручика?

– Алексей, ты в провинциальных гарнизонах был?

– Конечно.

– А не доводилось тебе посещать тамошние кладбища?

– При чем здесь кладбища?

– На кладбищах для самоубийц там похоронены сплошь и рядом одни молоденькие прапорщики, подпоручики и поручики. Посуди сам. Что делать и чем заниматься такому вот подпоручику в каком-нибудь Бердичеве? При светлой голове и знании двух европейских языков! Один путь – это тихо спиться, а другой – на кладбище самоубийц. Будь добр, сделай для меня выписку из протокола заседания приемной комиссии.

Пока Степанов шел по коридорам штаба и решал, куда пойти в первую очередь – в Разведывательное отделение или к начальнику Генерального штаба, на него вышел полковник Бонч-Бруевич. Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, как и Степанов, работал в контрразведке. Еще не доходя до Степанова и не здороваясь даже, он воскликнул:

– Слава Богу! Я вас нашел. Здравия желаю!

– Здравствуйте, Михаил Дмитриевич. Не иначе что-то случилось?

– Вас вызывает начальник Генштаба.

– Я, собственно говоря, туда и направляюсь, – шагая по коридору, сказал Степанов. Он понял, что его сегодняшние приключения будут иметь последствия. – Зачем вызывают?

– Именно об этом я и хотел вас предупредить. Да остановитесь же вы в конце концов!

– Что-то очень серьезное?

– Как вам сказать? И да и нет. Кто-то сегодня избил Гришку Распутина.

– А я-то здесь при чем?

– Я и не говорю вам, что вы причастны. Кто бы это ни сделал – сделал правильно. Дело в том, что все решили, будто причастна контрразведка. Выслушайте и не перебивайте меня. Все подозрения исходят от самого военного министра.

– Хотя и не принято в нашей среде о начальниках дурно отзываться, а хорошие слова что-то на ум не приходят.

– Я посчитал своим долгом предупредить вас об этом. Сами понимаете, из всех наших офицеров, пожалуй, только вы и способны на такой, я считаю, достойный шаг.

– Дожили. Надавать по прыщавой морде бывшему хлысту – верх офицерской доблести.

– Так это вы?

– Конечно же, нет, Михаил Дмитриевич. Вы не уходите никуда в ближайшие полчаса. И еще одна просьба: Самойло и Николаева с Потаповым разыщите, если они не в штабе. У меня к вам разговор. Думаю, что начальство долго не задержит. Вот что. Давайте встретимся в буфете. Через полчаса.

Исполняющий обязанности начальника Генерального штаба Алексей Андреевич Поливанов прохаживался по кабинету. Работы было много, но звонок военного министра Сухомлинова выбил его из рабочего ритма. Лихорадило весь штаб. Причиной этой лихорадки отчасти был и он сам. Будучи командующим Киевским военным округом, он сейчас исполнял обязанности начальника Генштаба. Дело ли? В самом штабе к нему относились с подозрением, потому что он, как и нынешний военный министр, приехал из Киева. Авторитет военного министра Сухомлинова был так низок, что личный авторитет и заслуги Алексея Андреевича просто не воспринимались на фоне бездарных, а порой просто глупых приказов министра. Чего стоил, например, приказ о ликвидации пограничных областей и перевод гарнизонов в глубь страны? Это при подготовке к войне! Зная Сухомлинова, Поливанов не сомневался, что это дурость. Но контрразведка заговорила о прямом предательстве. Хотя в военном деле и простая глупость есть преступление. А здесь в доказательство были приведены имена из круга знакомых министра вне службы. Поливанов не без удивления отметил, что все киевские знакомые перекочевали в столицу. И Бог с ними, со всеми этими фишманами, фурманами, марголиными и бродскими. Эти всегда крутились около поставок для армии, но австрийский консул Альтшуллер... По словам контрразведчиков, последний в прошлом году был награжден австрийским орденом Франца Иосифа. За что, спрашивается? Альтшуллера Поливанов, также по Киеву, знал лично и близко не подпускал к делам военным.

Пройдет время, и, уже будучи сам военным министром, Поливанов прогонит поганой метлой этих поставщиков армии, среди которых окажется и Альтшуллер, но чего это будет стоить в 1917 году! К слову сказать, не так уж и удивителен факт перехода офицеров Ген-

штаба на сторону советской власти, принимая во внимание их осведомленность. Забегая вперед, скажу, что Поливанов перешел. Свой жизненный путь генерал закончил в 1920 году в Риге, где консультировал советское правительство на советско-польских мирных переговорах. Но вернемся в лето 1911 года.

Военный министр Сухомлинов ни минуты не сомневался, что к событиям на улице Гороховой причастна контрразведка. Кто еще мог дерзнуть? Он поручил Поливанову разобратся и, если это так, примерно наказать виновных. Поливанов понял, что сам военный министр не заинтересован в огласке причастности офицеров контрразведки к этому происшествию, но приказ нужно выполнять. Также он успел выяснить, что из всех офицеров только Степанов, имея где-то наверху покровительство, мог пойти на такое. Но он ни минуты не сомневался в том, что сделал это Степанов отнюдь не из хулиганских побуждений. Вероятно, где-то пути контрразведки напрямую пересеклись с Распутиным. Поливанов раздраженно сломал карандаш. Ему, генералу, приходится заниматься черт знает чем. А между тем невпроворот самых срочных дел. У него начала дергаться шея – следствие боевого ранения. В минуты волнения всегда было так, что еще больше раздражало генерала.

– Разрешите войти? – приоткрыв дверь, спросил Степанов.

– Войдите.

– Ваше высокопревосходительство, полковник Степанов по вашему приказанию прибыл! – доложил Степанов и замер по стойке «смирно», как в строю.

В то время в армии было такое понятие: «есть начальство глазами». Так вот именно это и проделывал Степанов. Он знал, что Поливанов расположен к нему, и посчитал, что такое поведение будет кстати. И не ошибся. Поливанов вдруг почувствовал, что раздражение уходит. Сразу же пропал нервный тик, как только он взглянул на подчеркнуто серьезное лицо полковника. Во всей фигуре офицера все было безукоризненно серьезно. «Конечно, это Степанов отметился у Распутина», – понял генерал. Будь хотя бы легкий намек на непочтение или же робость, и неизвестно, чем закончился бы этот разговор. Кроме того, ни тени раскаяния во всем облике полковника также нельзя было отыскать. Полная, даже чрезмерная серьезность. Действительно «ел начальство глазами». Это-то и было забавно. Генерал едва сдерживал улыбку. И в этом конкретном случае сам Поливанов повел себя не совсем обычным образом. Пройдясь по кабинету под неотступным взглядом Степанова, он замер и, не глядя на него, нарочито строго, с расстановкой, начал выговаривать Александру Николаевичу:

– Как посмели вы, полковник Генерального штаба его императорского величества, поднять руку на самое святое в Отечестве нашем? – Тут он сделал паузу и с таким же серьезным лицом, как у Степанова, произнес: – На народ...

Сам от себя не ожидая такой склонности к актерству, он отошел подальше, чтоб не рассмеяться.

– Так что же вы молчите? – резко обернувшись, спросил Поливанов.

– Народ безмолвствует! – четко ответил полковник словами из пушкинского «Бориса Годунова».

В этот раз Поливанов не смог сдержаться и рассмеялся.

– Ну довольно, Александр Николаевич. Посмеялись – и будет. Я ни на секунду не сомневался, что вы не имеете никакого отношения к давешним событиям. Так и доложу военному министру. Я смотрю, вы с бумагами. Что у вас? Давайте. И присаживайтесь, голубчик.

Степанов положил перед генералом свою служебную записку с изложением сведений, пришедших из Берлина. Генерал углубился в чтение. Долго и внимательно читал.

– Да, – генерал закончил чтение, – это крайне серьезно. Я сегодня же доложу военному министру. Действительно странно, почему предполагаемое покушение так занимает Берлин?

– Ваше превосходительство...

– Слушаю вас, голубчик.

– Нельзя ли поставить в известность Столыпина лично?

– Вы считаете, это необходимо сделать?

– В нынешней ситуации, вероятно, да.

– Хорошо. Я подумаю. У вас что-то еще?

Степанов выложил из папки прошение Мирка-Суровцева о рассмотрении его дела, а также выписку из протокола заседания приемной комиссии. После изучения документов и рассказа полковника Поливанов быстро понял суть дела. Спросил, однако:

– Чем вызвано такое горячее ваше участие в судьбе молодого человека?

– Исключительно соображениями пользы для Отечества.

– Не знаю, приму ли я дела в Генеральном штабе или опять вернусь в округ, но, пока я здесь, вы во всем можете на меня рассчитывать.

Генерал взял выписку из протокола комиссии и положил в углу листа бумаги резолюцию: «Что за вздор? Зачислить и старого и малого! Поливанов».

Степанов спустился в буфет, где он назначил встречу товарищам по службе, так как формально находился в отпуске. Это было в духе Степанова. Со дня на день ожидалось присвоение ему генеральского чина. Обычно должность начальника контрразведки считалась почетной отставкой. На нее метили те, кому нужно было досиживать месяцы и дни на военной службе. Удобно. Начальства над тобой почти никакого. Чем занимаетесь? Конечно же, тайна. И при этом все опасаются и уважают. Но Генштаб со скрипом, с усилием все же стал перестраиваться. В начальники контрразведки прочили Степанова. Степанов же не желал принимать эту должность. Наладить работу так, как это ему представлялось, ему не дали бы, а иначе он не мог. Нынешнее положение его устраивало. И он бы хотел его сохранить. Покровительство Марии Федоровны давало независимость, а свой отлаженный участок работы приносил и результат, и удовлетворение от дела. Но именно присвоение генеральского чина могло разрушить устраивавшую его ситуацию. Он прилагал все усилия, чтобы на эту должность был назначен Бонч-Бруевич. Это было бы полезно для дела и не вредило бы его столь особому свободному положению.

В буфете попивали чай четыре полковника контрразведки: уже известный Бонч-Бруевич, а также полковники Самойло, Потапов и Николаев. При появлении Степанова все трое встали. Степанов с подозрением посмотрел на чайные стаканы. Такое водилось в этом буфете. Иногда просили подавать себе коньяк под видом кофе, а вино под видом чая. Но все трое действительно пили чай. Генералы в своих кабинетах имели запас спиртного. Нижним чинам немыслимо было выпить на службе. Но что делать полковникам? Они не генералы, чтоб иметь право на коньяк в кабинете. А в буфете не выпьешь, поскольку это дурной пример подчиненным. Пьяницы, или, как сказали бы теперь, алкоголики, в Генштабе не прижились, но все равно выпивать в буфете выпивали.

– А я, господа, с вашего позволения все же выпью. Больно суматошный день выдался, – заявил Степанов.

Он рассказал о берлинских новостях. Выслушал поочередно всех троих. Такая форма доклада приносила свои плоды. Субординация, вбитая суровой дисциплиной кадетских корпусов и училищ, а затем и академией, никогда не пропадала, но обстановка буфета или ресторана вносила элемент непринужденности. Это вообще, наверное, чисто русское свойство – решать дела за обеденным столом. Иностранцев во все времена поражало, как русские умуд-

ряются договариваться, разрешать споры, заключать сделки и при этом без меры выпивать и закусывать. А вот!

– Господа, я чувствую, что вас интересует сегодняшнее происшествие. Не буду ломать комедию перед вами. Конечно, на Литейном проспекте был я. Меня это не красит. Тем более я нарушил слово, данное своей крестной. Я обещал никогда не трогать мерзавца. Но события сегодняшнего дня вскрыли следующую проблему. Нам в срочном порядке необходимо вникать в банковское дело. Для контрразведки теперь это становится просто необходимым. Начиная с завтрашнего дня попробуйте взглянуть на наших подопечных через призму банковских операций. Посмотрите, кто оплачивает их счета? Соответствуют ли их расходы доходам? Я же со своей стороны свяжусь с Министерством финансов. Предвижу, нас ожидает масса открытий. Наступают новые времена. Если упустим этот аспект нашей работы – расплатимся по самому высокому счету. Сейчас мы отстали, но, думается, еще не безнадежно. Позвольте откланяться, господа, должен идти. Меня ждут. Честь имею!

Как и было условлено, по прошествии часа Суровцев вернулся к арке Генерального штаба. У него появилась какая-то уверенность, что дело его будет решено. Стреляться из-за провала при поступлении он не думал. То есть он подумал об этом, и только. Он издали увидел Степанова и двинулся навстречу полковнику. Не доходя пяти шагов до полковника, он, как предписывает устав, намеревался перейти на строевой шаг, чтобы снова приветствовать старшего по званию, но Степанов прервал его экзерсисы.

– Прошу без церемоний, господин подпоручик. Новость у меня для вас хорошая. Ваше дело решено положительно. Сейчас готовится приказ о зачислении. Вы внесены в списки офицеров, зачисленных в академию.

– Ваше высокоблагородие, я не в состоянии найти слов благодарности, – волнуясь, произнес Мирк-Суровцев.

– Довольно. Я просто выполнил свой долг. А сейчас проводите меня и расскажите о себе. Особенно меня интересует, откуда у вас такое знание иностранных языков.

Суровцев рассказал о своих удивительных тетушках, вызвав улыбку на лице Степанова. Рассказал, что с отличием закончил Омский кадетский корпус и Павловское военное училище.

– Постойте. Почему Омский кадетский корпус? Вы что, из Сибири? – еще больше удивился Степанов.

– Так точно, ваше высокоблагородие. Я родился в Томске.

Степанов с еще большим интересом посмотрел на подпоручика. Действительно, молодой человек вызывал уважение. Не так часто в столице можно было встретить выходцев из Сибири. Еще ему вспомнился Томск.

В начале лета 1891 года он был в Томске. Степанов должен был войти в число сопровождавших Ники и Жоржа – великих князей Николая и Георгия – в их путешествии через полмира. Но присоединился к путешествию он лишь во Владивостоке, когда Ники был уже без брата. Как узнал Степанов, из Бомбея Георгия отправили домой по причине болезни. Сам Ники отмалчивался, но от других Степанов знал, что во время путешествия братья поссорились и Николай толкнул Георгия в трюм фрегата «Память Азова», на котором совершалось это путешествие. Туберкулез, которым страдал Жорж, после этого падения вспыхнул с такой силой, что надежды на выздоровление улетучивались с каждым месяцем и годом. В целом от путешествия по Сибири осталось двойственное чувство. Поражали воображение бескрайние безлюдные просторы. Не поддающийся никакому описанию Байкал. Реки, любая из которых равна Волге, но не в пример мощнее ее и глубже. Не раз и не два на переправах, там, где еще не было мостов строящейся Транссибирской магистрали, сердце зами-

рало от мысли: если сейчас оказаться за бортом – за какие-то секунды течение отнесет за сотню метров ниже.

Томск тоже запомнился. Весь утопавший в зелени листвы, он куполами своих храмов, казалось, венчал природу божественной опекой небес. Впервые за время путешествия не донимала мошкара, которая до этого была основной неприятностью в пути, забивая рот и нос, лишая возможности спокойно есть, спать, даже думать. Постоянное жужжание и укусы буквально выводили из себя.

В Томске они посетили могилу сибирского старца Федора Кузьмича. В часовне, воздвигнутой на месте его погребения, Николай попросил оставить его одного. Когда все стали выходить из часовни, он остановил Степанова. Цесаревич долго и неистово молился, чем серьезно Степанова удивил. А затем оторвал от икон глаза, полные слез, и вдруг произнес шепотом:

– Здесь покоится мой двоюродный прадед.

Все произошло так неожиданно и сказано было так горячо, что Степанов не решился спрашивать под сводами часовни. И лишь вечером, после клятвы строго хранить эту тайну, он услышал, что старец Феодор не кто иной, как император российский Александр I. Степанов слышал об этом и раньше, но одно дело слышать вообще, а другое – узнать тайну захоронения от представителя царской династии. Тогда это потрясло.

Дни стояли удивительно теплые. По вечерам они выходили на маленький балкончик губернаторского дома. Бывший в свите цесаревича художник Кондратенко рисовал здание Троицкого кафедрального собора, точной копии московского храма. И работы того же архитектора Тона. После поведанной цесаревичем тайны Степанову стало понятно, почему копия храма, воздвигнутого в честь победы над Наполеоном, была возведена именно в Томске. Вероятно, это был подарок династии царю, победителю Бонапарта. Из аллей городского сада, находящегося поблизости, были слышны звуки духового оркестра. Также рядом находился еще один православный храм и лютеранская кирха. Такое могло быть только в Сибири. В других местах представители разных религиозных конфессий же предпочитают отделяться друг от друга расстоянием.

Томск также запомнился своим единственным в Сибири университетом и необычайной ухоженностью, какой не наблюдалось ни в одетом в строительные леса Владивостоке, ни в чересчур удаленном Иркутске, ни в Красноярске, как и Томск, купеческом городе, но слишком затрапезном и бревенчатом.

Прошло двадцать лет. Уже вступила в строй Транссибирская магистраль. Строительство дороги изменило Сибирь. Прежняя дикая необжитость края за эти десять лет улетучилась. Дважды еще Степанов бывал в Сибири. И оба раза это было связано с войной. С Русско-японской он возвращался через эти просторы тяжело раненным, с горечью от поражения в груди и с глухой злобой на бездарных военачальников. Но в Томске больше бывать ему не доводилось.

– А что, старца Федора Кузьмича по-прежнему почитают в Томске? – неожиданно для подпоручика поинтересовался Степанов.

– Очень почитают, – ничуть не удивившись такому вопросу, ответил Мирк-Суровцев. – В Томске все убеждены, что старец не кто иной, как император Александр Первый.

– Любопытно. И откуда проистекает такая убежденность? – поинтересовался полковник.

– Среди сосланных в Томск в прошлом веке было много людей, видевших царя. Они его и опознали.

Они расстались. Степанов отправился к себе, размышляя по дороге, как ему теперь выстраивать отношения с Еленой Николаевной, мысли о которой в течение дня несколько раз всплывали из подсознания. И мысли эти странным образом согревали душу. Уж не влюбился ли он?

Сергей Мирк-Суровцев отправился гулять по Петербургу. Состояние его души также было приподнятым. Его ожидал отпуск на родину, встреча с тетушками, которые теперь, после его поступления в академию, будут необычайно горды им. И конечно же, он увидит Асю. Девушка с именем тургеневской героини в этом году окончила томскую женскую гимназию. Два года назад между ними завязалась переписка, которую родные и близкие девушки сначала осуждали, но все же приняли. Теперь же, с поступлением в академию, он становился и вовсе завидным женихом. Конечно, он не богат, как сын какого-нибудь томского купца, но карьерный рост ему теперь обеспечен. А в удачной военной карьере ни сам он, ни окружающие не сомневались.

Ему также предстояло явиться по месту службы в 42-й Сибирский стрелковый полк, командиром которого являлся Николай Михайлович Пепеляев, отец его друга Анатоля, с которым они прошли и Омский кадетский корпус, и Павловское военное училище. И Николай Михайлович, относившийся к Сергею с отеческой теплотой и заботой, и сам Анатолий будут рады его успеху. Ожидали его радостные встречи с товарищами по полку.

Он нарочно не спешил в казармы Семеновского гвардейского полка, где во время поступления в академию жили иногородние офицеры. Обуреваемый честолюбивыми чувствами, на душевном подъеме, он даже не заметил наступление вечера. Черного одеяла точно не хватило для северной столицы. Белая ночь рассеянным светом заполнила город, выравнивая от ряби водную гладь Невы и каналов. Вся жизнь империи перед войной и революцией была подобна той белой ночи, полной ожиданий и светлых надежд, пока ледяные ветры с Финского залива не принесли долгую зиму 1917/18 года, с беспросветной тьмой, с выстрелами в темноте, со стонами раненых и воплями расстреливаемых. Пока не наступила настоящая, черная для империи, ночь.

Глава 6. Рейд

1914 год. Август. Восточная Пруссия

– Ложись! – крикнул кто-то из казаков.

Четырехдюймовый немецкий снаряд, надсадно прорыв в воздухе, с оглушительным треском разорвался в середине двора и своими осколками выбил последние целые окна во втором этаже дома.

– Ваше благородие, тикайте до нас! – закричал из подвала вислоусый казак.

Суровцев переждал, пока стекла и штукатурка осыплются, и, поднявшись, отряхнувшись от осколков, скачками бросился ко входу в подвал. Сразу же второй снаряд, завывая, пролетел где-то в высоте и разорвался на окраине городка. Затем снаряды стали рваться в округе без перерыва один за другим.

Облака пыли были подняты в воздух. Взрывы вырывали целые куски из зданий. Это было не похоже на немцев. До сих пор они щадили свои города и села, применяя артиллерию только в поле или в лесу. Хотя сейчас они знали, что местные жители город покинули. А вот наступавшие русские части не могли знать, что несколько дней назад в немецких войсках сменилось высшее командование. Но перемены в поведении неприятеля были налицо. После сокрушительного поражения под Гумбинненом немцы медленно и верно приходили в себя. Тогда же стало очевидным то, что при дееспособной в целом армии Россия к войне не готова. Наличные боеприпасы были израсходованы в первые дни наступления, и подвезти их было невозможно не только из-за растянутых коммуникаций, но и потому, что негде было взять, кроме как перебросить с другого участка фронта. На целых три года войны недостаток снарядов станет настоящим проклятием героически сражающейся армии. Когда же заработает производство и перестроится экономика, будет поздно. И выпущенные русскими заводами артиллерийские орудия, пулеметы, снаряды и патроны будут бить по самим русским в развернувшейся Гражданской войне.

Где-то рядом истошно ржала лошадь, и ржание раненого животного прорывалось сквозь гром канонады. Ничего на войне нет хуже, чем обстрел или бомбежка, когда невидимый противник убивает безнаказанно, издали, не являясь на глаза. Рядом падают раненые и убитые, а сделать ничего нельзя. Это может довести человека до полного отчаяния. И только бывалые воины сохраняют спокойствие, принимая обстрел как непреодолимое зло, копя злобу для грядущей встречи лицом к лицу с врагом. За несколько тяжких недель боевых действий весь личный состав этого отряда казаков-кубанцев можно было считать бывалым.

– Дюже богато немчура нынче сыплет! – сворачивая сигарку, рассудительно проговорил высокий широкоплечий казак.

– Коней жалко. А шо, ваше благородие, ежели подмога не поспеет, на прорыв пойдем или как? – спросил один из казаков.

Остальные смотрели на Суровцева. Ждали ответа. Если бы он сам знал ответ на этот вопрос. Сегодня утром был убит командир сотни подъесаул Кузлачев. Старшим по званию и по должности теперь был Мирк-Суровцев. Он, конечно, спросит мнение у оставшихся в живых командиров взводов, среди которых не осталось ни одного офицера, но окончательное решение принимать ему. А ему было ясно следующее...

Армия, стремительно двигаясь по Восточной Пруссии, оторвалась от обозов. И теперь, когда немцы пришли в себя, следовало ожидать окружения оторвавшихся частей. Обескров-

ленные в боях, испытывающие острую нужду в боеприпасах и продовольствии части армии генерала Самсонова должны были отступать. Ему было приказано в составе сотни казаков произвести разведку с глубоким рейдом в немецкий тыл. Он ее и произвел. В эти дни Суровцев окончательно определился со своей воинской специализацией. Это была разведка. Выпускник академии, причисленный к Генштабу, он в отличие от обычных офицеров был лучше подготовлен теоретически, а главное, был приучен анализировать и делать выводы из увиденного. Из допросов пленных, которые он проводил сам, удивляя немцев своим немецким языком, он сделал вывод, что в бой введены свежие неприятельские части. Также выяснил, что приказом кайзера смещены командующие немецкими армиями генералы Притвиц и Франсуа. Задачи командирам германских частей теперь ставятся на обход и окружение русских. Калибр пушек, из которых сейчас их обстреливали, говорил о том, что напротив городка развернулась вражеская дивизия. Пока противник не понял, что эта немецкая деревушка, точнее – небольшой городок, захвачена горсткой казаков, но при первой же атаке это станет ясно. Час назад он провел рекогносцировку на восточной окраине селения и понял, что противник выстраивает заслон, чтобы не дать выйти зарвавшимся русским к своим частям. Немцы рыли окопы полного профиля, оборудовали пулеметные гнезда. То, что они не прикрывали заслон с тыла, говорило о том, что они абсолютно уверены в своей безопасности и не ждут подхода русских. Германцы не те вояки, которые будут что-то делать, не будучи в этом абсолютно уверенными. По фронту же окопы не рылись, так как планировалось наступление немецкой армии.

В тактическом отношении русская армия оказалась более готовой к войне. Так уж повелось в военном деле. Армия, имеющая боевой опыт, всегда сильнее тактически. После Русско-японской войны русская пехота уже не наступала ни в походных колоннах, ни рассыпным строем. Подразделения разворачивались в цепь. Немцы же только приходили к этому. И потому их контратаки походными колоннами и рассыпным строем сметались русской артиллерией еще на рубежах развертывания. В крови и пороховом дыму вызревали новые приемы применения конницы. Мирк-Суровцев мог на практике наблюдать, как подтверждались выкладки профессора академии Николая Николаевича Сухотина, когда пулеметный огонь врага делал атаку кавалерийской лавы самоубийственной, диктуя целесообразность применения кавалерии на флангах или же для прорыва на узком участке фронта. В действия конницы внесла свои коррективы и авиация. Низколетящий аэроплан, разбрасывающий легкие бомбы, мог один разметать и обратить в бегство целый кавалерийский полк. Испуганные лошади начинали метаться из стороны в сторону, и огромного труда стоило снова навести порядок. Также на фланги стали размещать пулеметы. Сама война подсказывала, что пулеметный огонь с флангов более эффективен, чем с фронта. В диссертациях в академии уже зрели понимание и необходимость подразделения огня на фронтальный, перекрестный, фланговый и кинжальный.

Изобрети англичанин Хайрем Максим только детскую карусель, и никто не вспомнил бы его имя. Изобретенный же им пулемет с водяным охлаждением ствола и с особым принципом производства стрельбы обессмертил его имя. Обессмертил именно смертоубийством. Такая вот жуткая игра слов.

Решение пришло само собой. И было оно абсолютно безрассудным. Вероятно, наличие в его жилах немецкой крови и подсказывало, что нужно поступить как-то очень по-русски, вопреки немецкой логике. В последующие годы войны он не раз отмечал в себе эту особенность, иногда поступая как русский по фамилии Суровцев, а иногда, напротив, как неисправимый прагматик, немец Мирк.

– Кажись, отплясали, – прислушиваясь к утихающей канонаде, сказал кто-то из казаков.

– Ваше благородие, дозволейте пойти коней побачить? – обратился казак, до этого переживавший о лошадях.

* * *

Некоторое время Мирк прислушивался. Не начнется ли перестрелка? Не станет ли противник атаковать? Так и должно было быть, если бы не наступающий вечер. Атаковать в вечернее время можно только лишь при уверенности в успехе. Иначе наступившая ночь не позволит довести наступление до конца. Судя по тишине, наступившей на передовой, такой уверенности у немцев не было.

– Ступайте! Вернетесь – доложите... Востров, – обратился Суровцев уже к вислоусому вахмистру, – пошли кого-нибудь узнать, цело ли боевое охранение.

– Да шо им делается? Я приказал, чтоб поховались, как бомбить зачнут.

– И соберите всех унтер-офицеров с докладами об убитых и раненых. Дело к вечеру, – взглянув на красное солнце, клонящееся к горизонту, вслух размышлял Мирк-Суровцев, – если прорываться, то только сегодня в ночь. Иначе завтрашнего дня у нас не будет.

Он отдавал распоряжения. В казачьей сотне штаб не положен, но он его создал. Казаки расходились по брошенному местными жителями городку, унося его распоряжения кормить личный состав и лошадей, искать средства для перевозки раненых, хоронить убитых.

Стали собираться младшие командиры. Выяснилось, что во время обстрела погиб один и ранено четверо казаков-кубанцев. Также во время обстрела побило восемь лошадей. В целом потери в сотне за пять дней рейда были небольшими. В силу своей обученности, казаки всегда отличались относительно малыми потерями. Была еще одна важная особенность: казачьи части крайне редко попадали в окружение. Подвижные, дерзкие по характеру, они всегда находили брешь в кольце вражеского окружения.

Суровцев изложил свой план. По молчанию понял, что казаки его одобряют. Это была особенность командования казаками. Они выполняли любой приказ и крайне уважительно относились к офицерскому чину, но со стороны офицера ожидали уважения к себе. Молодой офицер, что называется, «уважил казаков», рассказав, что он намерен предпринять.

Мирк-Суровцев на семинарах Степанова четко усвоил наставления генерала, который настоятельно советовал во фронтовых условиях использовать для разведки именно казаков. В глубине обороны подвижные конные отряды, а в полосе фронта пластунов – тех же казаков, но безлошадных. Пластунские пехотные части формировались на территории каждого из казачьих войск из числа так называемых иногородних и бедной части казачества. При наличии лошадей эти части можно было достаточно легко переформировать в кавалерийские. Необходимо сказать, что именно казачество на протяжении веков позволяло России иметь сильную регулярную кавалерию. Уже через двенадцать часов после объявления мобилизации казаки являлись на сборный пункт на своих конях, со своим оружием, с запасом пищи, с деньгами на прокорм себя и лошади, пока они не будут поставлены на армейское довольствие. Дозволялось казакам иметь и свою казну. Здесь и начинались проблемы с казаками. Не было в русской армии отъявленных головорезов и мародеров, чем казаки. За первое и второе иногда примерно наказывали, а иногда попросту закрывали глаза. Все зависело от обстановки. Все понимали, что в основе лежит сам казачий уклад. Казачки всегда выговаривали своим мужьям, что они о них думают, если казак возвращался с войны без «подарков». В мирное время, когда летом работы непочатый край, он «прутики шашкой рубит» на сборах, а воевать пошел – вовсе «все хозяйство на бабьи плечи взвалил». А хозяйство казачье

не кацапское. Одних гусей и кур с полсотни наберется. Про казачью бережливость ходили анекдоты. Широко известен факт «голой атаки» во время войны с Наполеоном, когда казачья сотня, которой предстояло форсировать реку, не пожелала портить новенькие мундиры. Сотня переправилась через водную преграду и атаковала французов, раздевшись догола. Картина для французов, надо полагать, была жуткой.

Коробило Мирка и отношение казаков к пленным. Они попросту избегали брать воинов в плен. Когда Мирк-Суровцев стал высказывать свое недовольство этим ныне покойному Кузлачеву, тот, улыбаясь в усы, ответил:

– Надо же как-то душу отвести? Чего зло в себе таскать? Да и куды мы с ними укачем? Делать было нечего. Обстановка была не та, чтобы кого-то наказывать. Но в этот раз Суровцев, когда услышал от старшего из коноводов, что не хватает повозок для раненых, повысив голос, сказал:

– Вот что, господа казаки! Сейчас за барахло цепляться – смерти подобно. Не знаете, что выбросить? Я сам не поленюсь схожу к обозу и покажу, что выкинуть вон!

– Да и вправду, Петро, сейчас о своих башках думать надо, – поддержал офицера кто-то из казаков.

– Да где я столько подвод возьму! У немца и телег-то наших нема. На чем сено только возят, не разумию.

– Кстати, о сене, – перебил его Суровцев, – все стога поджечь. Но сделать это нужно не раньше чем выйдем в расположение немецкой батареи.

– Сробим, – пообещал старший коноводов по имени Петро. – С телегами тоже намолекуем чего-нибудь. Али мы не казаки!

Еще раз по трофейной немецкой карте Суровцев показал, куда нужно вывести обоз с ранеными. Уточнил ориентиры. Уже начинало темнеть. Унтер-офицеры разошлись готовиться к прорыву и отдавать последние распоряжения. Вахмистр Востров, длинные усы которого, показалось, обвисли еще сильнее, задержавшись, обратился к Суровцеву:

– Ваше благородие, от подъесаула Кузлачева шашка осталась. Возьмите. Ваша сабелька для рубки жидковата будет. – Он протянул Мирку-Суровцеву тяжелую казачью шашку.

Эфес у шашки был сабельный, как у офицерской сабли, но сам клинок был длиннее и лучшей стали.

– Спасибо, братец, – поблагодарил офицер и, коснувшись губами ножен, принял подарок.

* * *

Оставшись на короткое время один, он ощутил волнение, вызванное предвкушением предстоящего боя. Сегодня ему предстояло воевать непосредственно лицом к лицу с врагом. До сих пор, участвуя в многочисленных стычках и перестрелках, он не испытывал такого волнения. Даже несколько раз, принимая участие в казачьих атаках, ему не приходилось рубиться. Казаки лихо управлялись и без его помощи. К тому же он был из поколения новых офицеров, которым в академии всеми силами внушали, что их дело руководить боем, а не воевать в бою простыми солдатами. Он, кстати говоря, уже видел собственными глазами, как глупо армия теряла командный состав. Господин пулемет точно издевался над бесстрашием русского офицера. Смелость офицеров приобретала черты глупости. Подразделения лишались управляемости и, как следствие, терпели поражение. Соотносить личный пример для подчиненных и выполнение боевой задачи нужно было, учась заново. А это не наука, которую можно постигнуть из учебников. Это искусство. Это первая степень постижения самого мрачного и кровавого из искусств – искусства военного, которое пронизано смертельной опасностью и постигается только в бою.

Суровцев внимательно изучал подаренное оружие. Сталь была старинной, с черными нитеобразными вкраплениями по всему клинку. Ни единой зазубрины по всему лезвию. «Наверное, этой шашкой рубились еще предки подьесаула Кузлачева», – подумал он. У самого эфеса Мирк-Суровцев увидел следы крови и несколько прикипевших к ней волосков.

Было совсем темно. Расположение немецкой батареи отлично угадывалось по костеркам.

– Они, видать, ваше благородие, нас и за казаков не считают, – вполголоса сказал кто-то из темноты. – Как цыгане, ей-богу, с кострами сидают.

Стало понятно: эта беспечность сегодня дорого обойдется неприятелю. Прошло примерно полчаса, когда группа из десяти спешившихся кубанцев отправилась в направлении левого фланга немцев. Батарея не была прикрыта пехотной частью. Какое-то охранение на ночь, наверное, все же выставлено. Но гадать бесполезно.

– С Богом! – перекрестившись, сказал Мирк.

Осенив себя крестным знаменем, казаки тронулись за командиром. Шли колонной, шагом. Но когда до немцев осталось не больше трехсот метров, перешли на рысь. Стали разворачиваться в лаву. В тишине раздались выстрелы – это выдвинувшиеся вперед и спешившиеся казаки залпами расстреливали сидящих у костров немецких солдат. Залп следовал за залпом, сея панику среди артиллеристов. Боевое охранение вырезали до этого без единого выстрела.

– Шашки вон! – скомандовал Суровцев, и около сотни клинков разом засверкали в отблесках костров.

Топот сотен копыт коней, пущенных в галоп, и громогласное «ура!» как страшное мифическое ревущее чудовище неотвратно надвигалось из темноты. Сразу же запылали стога неубранного из-за развернувшихся боевых действий сена. В городке начался пожар. Косая атака, задуманная Суровцевым, удавалась. Врубившись с левого фланга, искрошив шашками орудейную прислугу, отряд двинулся не в глубину расположения неприятеля, а пошел вдоль неприятельских позиций, убивая попадавшихся на пути, умножая и без того немалую панику. Рубя направо и налево, не видя результата, только ощущая рукой, что шашка достигает цели, Суровцев доскакал до края артиллерийской позиции. Здесь он, в который раз за последние дни, пожалел, что не умеет свистеть. В кавалерийских частях команды в бою командир подавал через трубача, который всегда должен быть рядом с ним. У казаков и здесь все было иначе и проще. Но не для Суровцева. Команду «назад» пришлось подавать голосом, а затем уже дублировать ее взмахом шашки над головой. Казачьи офицеры обычно привлекали к себе внимание в бою разудалым свистом, а затем командовали шашкой: «назад», «вперед», «за мной» и прочее. Что больше всего поражало, так это то, что и казачьи кони, казалось, тоже понимали эти команды. Суровцев не раз видел, как лошади, потерявшие в бою седоков, продолжали двигаться с сотней, выполняя все маневры.

Сотня развернулась и, захватив чуть большее пространство в глубину, пошла обратно. На пути Суровцева оказался немецкий офицер. Держа в одной руке саблю, в другой револьвер, он выстрелил. Сергей едва успел прижаться к гриве лошади. Пуля просвистела над его головой. Два следующих беспорядочных выстрела достигли цели, и лошадь, сделав еще несколько прыжков, стала падать на передние ноги. Как учили в училище и в академии, он успел высвободить ноги из стремян и, перелетев через голову коня, падая, сбил с ног стрелявшего. Тяжелое тело лошади, перевернувшись через голову, грузно упало рядом, едва не придавив его и немца собой. Он успел перехватить руку с револьвером неприятельского офицера, успел рукой, на которой на кожаном темляке болталась шашка, несколько раз кулаком со всей силы ударить немца по лицу. Вероятно, он и так стал бы победителем, но кто-то из казаков, спешившись, не мудрствуя лукаво, просто и обыденно заколол немца шашкой.

– Ваш благородь, – проговорил он скороговоркой, – берите коня. Я себе споймаю. Суровцев не успел поблагодарить казака и прыгнуть в седло, как тот же казак появился из темноты верхом на лошади, вероятно, оставшейся от убитого.

– Как фамилия, молодец?

– Надточий, ваше благородие.

Суровцев запомнил. Казаки вынимали орудийные замки из орудий. Чем хороши эти воины, так это тем, что им порой и приказывать не приходится. Никогда и ни при каких обстоятельствах, связанные родственными и земляческими узами, они не бросят на поле боя раненого. Крайне редко оставят убитого. Сейчас как раз был такой случай. Нужно было уходить. И похоронить убитых по христианскому обычаю не представлялось возможным, как и взять их с собой.

– Уходим, братцы! Пора! – не по-уставному приказал Мирк.

Немцы так и не пришли в себя после ночной вылазки. Отряд уходил на восток, поддерживая в седле раненых, оставляя слева горящий немецкий городок, который служил теперь хорошим ориентиром. У одиноко стоящего дуба у речки соединились с обозом. Немецкая карта оказалась очень подробной. Через несколько минут отыскиали брод. Переправились и двинулись на восток к своим частям. Слышно было, как германцы из нескольких пулеметов наугад стреляют в темноту. Один раз несколько пуль, на излете, пролетело вблизи уходящей колонны, впереди которой двигался боевой казачий разъезд.

Германия далеко не Россия. Даже в Восточной Пруссии, изрезанной многочисленными речушками и болотами, среди лесов селения встречаются достаточно часто. Несколько раз разъезды наткнулись на небольшие городки и села и каждый раз возвращались, докладывая, что они заняты противником. Отряд неожиданно оказался в глубоком тылу неприятеля. Матеря на чем свет стоит немецких собак, которые по запаху издали чувствовали чужих, обходили селения. Дважды были обстреляны из пулеметов. Но стрельба велась наугад, и никто не был ни убит, ни ранен.

За ночь прошли около двадцати верст. Требовался отдых людям и лошадям. Мирк-Суровцев впервые за эти сутки ощутил себя не просто офицером, а офицером боевым. Так оно и было на самом деле. И приходит это только вслед за уважением подчиненных, когда они каким-то труднообъяснимым солдатским чутьем чувствуют, что этот командир – часть их самих. Что этого командира нужно защищать и беречь, потому что только он, как может и как умеет, будет защищать и беречь их. Что на этого командира можно положиться в трудную минуту.

Суровцев приказал разъездам поискать болото помельче, а еще лучше с островком, чтобы остановиться на дневку. Продвижение днем нужно было оставить. К тому же и люди и лошади после боя и ночного перехода валились с ног. Подходящее болотце быстро было найдено. Казаки окончательно прониклись уважением к Суровцеву. Между собой говорили:

– Однако их благородие – наш! Прямо казак. Башковитый.

– Генштаб – одно слово. Слыхал, как он с немцами по-ихнему балакает?

– Фамилия у него чудная какая-то.

– У дворян такие фамилии. Из дворян, видать.

– Понятно, что не нам чета. Главное, что удачлив. Когда командир с удачей в стремени, воевать оно как-то сподручней.

Выставив боевое охранение, сотня повалилась на землю. Лошадей не расседывали. Лишь чуть ослабили подпруги, сняли уздечки и спутали передние ноги. На то они и казачьи кони. Конь у казака появлялся в четырнадцать лет. Подросток сам ухаживал за жеребенком. Сам его объезжал. А по достижении им призывного возраста вступал в строй с обученным

зрелым боевым другом, который в отличие от других кавалерийских лошадей не знал даже, что такое шпоры. Он и без шпор, когда требовалось, легко переходил в аллюр.

Суровцев с детства отличался крепким сном. Уже на войне он всех поражал тем, что даже при обстреле не просыпался от грохота. Зная это, попросил Вострова разбудить, если случится что-то непредвиденное. Непредвиденное и случилось. Вахмистр долго тряс его за плечо, чтобы разбудить.

– Ваше благородие! Ваше благородие!

– Намаялся за вчера, видать. Может быть, водой его окатить?

– А ну геть отсель! – прикрикнул Востров на столпившихся вокруг спящего Мирка-Суровцева казаков. – Лучше свои хари ополосните. Ваше благородие!

Он наконец проснулся. Первое, что услышал, – это близкую канонаду. Скинул с себя бурку, которой ночью кто-то его укрыл. Быстро вскочил на ноги и увидел стоящих вокруг казаков. Кони были уже оседланы.

– Ваше благородие! В полуверсте отсюда бой идет. Я выслал разведку. Должны вот-вот вернуться.

Смутившись, он огляделся вокруг. Умылся болотной водой. Вытерся носовым платком с вышитой на нем монограммой. Показалось, что запах духов его Аси до сих пор сохранился в подаренном ему платке. У него была целая дюжина таких платков. Мысль о любимой приятно коснулась души. Голова стала свежей. Он достал топографическую карту. Некоторое время молча смотрел на нее. Нервно свернул карту и засунул обратно в планшетку. После ночного блуждания по лесам сориентироваться на местности не представлялось возможным. То, что Востров выслал разведку, наверное, хорошо, но в данной ситуации нужно своими глазами увидеть, что происходит.

Оставив вахмистра за старшего, он с двумя казаками отправился на шум боя. Со своими разведчиками столкнулись, не доходя метров трехсот до опушки леса. Из доклада он понял только то, что немцев много и что пушек тоже много. И еще то, что противник их не обнаружил. «И то хорошо», – подумал Суровцев. Он приказал всем остаться на месте, а сам отправился на опушку леса. Последние метры полз, чтобы не выдать себя.

Картина открылась следующая: перед ним в низине располагалась батарея немецкой полевой артиллерии, которая навесным огнем, через головы своих частей, обстреливала какое-то селение. Вот вам опять пример новой тактики. Во время Русско-японской войны японцы первыми стали применять навесной огонь. Первое время русские по старинке пытались размещать полевую артиллерию на господствующих сопках. Но если крепостная артиллерия, защищенная оборудованными капонирами, с отлаженной системой связи, со снаряженными погребами и прочим, занимая господствующее положение на местности, представляла грозную силу, то полевая сама представляла собой прекрасную мишень. По всему было видно, что опыт Русско-японской войны немцы изучали. Кроме батареи в низине располагалось не менее двух рот пехоты. Солдаты сидели на земле. Это, надо полагать, резерв. Сплошной линии фронта не было. Теперь Сергей сориентировался по карте и долго в бинокль изучал расположение неприятельских частей, пытаясь обнаружить командный пункт вражеского, видимо, полка. Не обнаружил, но примерно предположил, где тот может находиться, и, исходя из этого, определил направление атаки, имея в виду объектом атаки именно штаб противника.

Вернувшись к разведчикам, послал вестового, чтоб вызвать остальных казаков. Собранный отряд он разделил на три составляющих. Небольшая группа казаков, как только они врубятся в расположение батареи, вместе с обозом должна будет прорываться к городку.

– Обязательно что-нибудь белое вместо флага возьмите, – напутствовал он. – Не дай Бог, свои перестреляют. Первому же офицеру, желательно старшему, доложите обстановку. Хорошо бы им контратаковать. Обоз с ранеными идет этим же путем, но посмотришь по обстановке, – обратился Мирк к старшему коноводов по имени Петро. – Как только врубимся, Востров крошит артиллерийскую прислугу, а я через немецкий резерв прорываюсь к штабу. Вы, вахмистр, – обратился он к Вострову, – делаете дело и присоединяетесь к нам. На батарее не задерживаться. Замки из орудий вынимать, только если будет возможность. Помните, дорога каждая минута. Возможно, на переднем крае у них размещены окопы или стрелковые ячейки, но не больше одной линии: немец сейчас в наступлении. В первую голову рубить пулеметчиков. Встретим ли заграждения – не знаю. Нужно смотреть на месте. Своим заместителем назначаю вахмистра Вострова. Немецкие карты и донесения у меня в полевой сумке и в планшетке. Что бы ни случилось, их нужно передать в штаб части, с которой мы должны соединиться. Ну, с Богом!

Командир корпуса, генерал-лейтенант Павел Иванович Епифанцев, с утра находился в передовых частях. Была потеряна связь с одной из дивизий корпуса. Вторая же – вернее, то, что осталось от второй дивизии, по численности не более полка, – только что отбила очередную атаку неприятеля. Положение было катастрофическим. Боеприпасы – на исходе. Артиллерийских снарядов не было вовсе. Сегодня прозвучали последние залпы корпусной артиллерии. На переднем крае офицеры отдавали самые неприятные на войне приказы: «Беречь патроны! Без команды не стрелять!» Еще одна атака, по его расчетам, закончится рукопашной схваткой и полным разгромом вверенных ему частей. Он собирался погибнуть вместе со своими солдатами и потому не покидал передовую. Отступить никто ему не запрещал, и обстановка требовала именно отступления, что было подтверждено одним из последних приказов из штаба армии. Но отступать именно сейчас было невозможно. Это только человек невоенный думает, что от наступающего неприятеля можно убежать. Бегство на войне – часто более верная смерть и разгром. Но разгром и смерть позорные, не достойные солдата.

Вражеский обстрел, едва начавшись, разом оборвался. Со стороны немецких частей доносились беспорядочные выстрелы и русское слабое, но дружное «ура!». Генерал вскинул руку с биноклем и увидел группу всадников с подобием белого флага, скачущих со стороны немцев. Приглядевшись, он различил, что это наши казаки. Судя по черкескам, папахам и газырям на груди, это были кубанцы или терцы – словом, кавказцы. В его подчинении таких не было. Да какая теперь разница! До мозга костей человек военный, Павел Иванович скорее почувствовал, чем понял, что наступил леденящий душу и одновременно горячий момент принятия решения. Решение контратаковать родилось в одну-две секунды. Времени на отдачу приказа не было. Нужно просто быстро действовать.

– Коня мне! – бросил генерал адъютанту.

Не прошло и минуты, как он верхом на лошади, в сопровождении адъютанта оказался перед окопами.

– Братцы, – кричал генерал, – не посраим Отечество! В атаку! За мной! Ура!

Он спешился, передал коня адъютанту и, не дожидаясь, когда солдаты выберутся из окопов, пошел в направлении неприятеля.

Первая цепь контратакующих подразделений уже догнала своего командира корпуса. Офицеры выстраивали вторую цепь наступавших солдат. Со стороны немецких окопов раздалась хлопки выстрелов, и с опозданием, но все же ударили пулеметы. В целом атака родилась от отчаяния и, вероятно, захлебнулась бы, но казаки Мирка, изрубив немецкую батарею, обратив в бегство батальон резерва, почти одновременно ворвались на командный пункт немецкого полка и на передовую. Сразу же порубили пулеметчиков, и наступающая русская

пехота стала быстро продвигаться навстречу кавалеристам. Офицеры немецкого штаба оказали серьезное сопротивление и были все до единого убиты. Вместе со своим командиром полка. Пока Мирк-Суровцев набивал полевые сумки штабными документами, в отместку за своих убитых казаки перерубили всех раненых и пленных немцев. Мирку ничего не оставалось делать, кроме как отвернуться от кровавой картины и в очередной раз выругаться в адрес казаков, которым его ругань не принесла и доли беспокойства. Они уже поняли, что их благородие казаков уважает. А чем казака на войне накажешь, кроме как не самой войной?

В немецких окопах схватились в рукопашной наступающие и обороняющиеся. Нужно сказать, что неприятельских солдат, поднимающих руки, чтобы сдаться в плен, почти не было. Это и понятно. Немецкие солдаты дрались на своей земле. Но подразделения, находящиеся в глубине немецкой обороны, дрогнули и побежали. И еще раз за последние сутки Суровцев пожалел, что не умеет свистеть, когда разгоряченные боем его подчиненные бросились преследовать неприятеля. Рубить отступающую пехоту для кавалериста не составляет большого труда, но соотношение сил было не таким, чтоб делать это безнаказанно. Его выручил казак, накануне помогавший ему справиться с немецким офицером. Фамилия казака – он запомнил – Надточий. Надточий разлиvisto и протяжно засвистел. Казаки оглянулись и, увидав над головой офицера характерный взмах шашкой по кругу, нехотя остановились и поскакали обратно. И вовремя. Немецкий пулемет, установленный кем-то из нерасстрелявшихся немцев, ударил вслед, и трое казаков свалились с лошадей. Несколько коней вместе со всадниками также попали под пулеметные очереди. Одна из пуль просвистела рядом с Мирк-Суровцевым, но другая попала в него.

* * *

Боль была острой, проникающей. Первой в его жизни болью боевого ранения. В одно мгновение с раненого плеча она, как круги по воде, разошлась по всему телу. Отозвавшись в висках, боль мгновенно лишила Сергея сознания. Он только успел увидеть поменявшиеся местами землю и небо. Как и когда упал с лошади, он уже не запомнил. Находящиеся рядом казаки бросились к нему. Они переложили его на бурку и побежали к своим пехотинцам.

Генерал Епифанцев, теперь снова сидящий на коне, отдал распоряжение отходить, назначив два стрелковых взвода с трофейными пулеметами в арьергардное прикрытие. Генерал увидел спешившихся казаков в окружении конных, несущих на развернутой бурке то ли убитого, то ли раненого. Подскакал и громко приветствовал героев сегодняшнего дня:

– Здорово, молодцы!

Молодцы нестройно приветствовали генерала. Только несколько человек до конца вяло проговорили чересчур длинную для них сейчас фразу «Здравия желаем, ваше превосходительство». Кто-то и вовсе не раскрыл рта. Было видно, что они крайне расстроены. Генерал спрыгнул с коня и подошел к казакам. Молодой штабс-капитан, лежал на бурке. Френч на Суровцеве был растянут, и из-под него торчали окровавленные лоскуты чьей-то изорванной натальной рубахи. На плече и груди расплзлось широкое пятно от крови, на красном фоне которого блестел золотой значок Академии Генерального штаба.

– Живой? – спросил казаков командир корпуса.

– Живой он, ваше превосходительство. Только вот в сознание чего-то не приходит. А так рана не велика.

– Кто таков?

– Офицер из штаба дивизии. Он с нами разведку вел.

– Несите в тыл героя, – приказал генерал, – потом поговорим. Кто старший?

– Вахмистр Востров, – представился Востров, только теперь вспомнив, что Мирк-Суровцев, как предписывает устав, назначил его своим заместителем перед боем. Что и обязан делать каждый командир на случай своей гибели или ранения.

– Командуйте, вахмистр. Как отойдем – явитесь ко мне с докладом.

– Ваше превосходительство, их благородие велели свою сумку и планшетку в штаб передать сразу, как выйдем, – быстро проговорил Востров и протянул генералу сумку и планшет Суровцева. Также добавил к ним сумку, набитую документами из только что разгромленного немецкого штаба. – А я чего доложить могу? Это дело офицерское.

Суровцев пришел в себя. Открыл глаза, пытаясь сообразить, где он находится. Рядом громко смеялись казаки. Над ним склонилась молоденькая женщина. Сергей догадался, что это сестра милосердия.

– А я вот, барышня, точно знаю, когда раненый на поле боя зимой в снегу лежит, так ему одно спасение от смерти – ласка бабья, – говорил Надточий. – Наш штабс-капитан, хоть и не по зиме ранен, а сдается мне, что ему сейчас, как малому, титька бабья в самый раз будет.

И опять громкий смех. «Совсем распоясались казачки», – подумал Мирк-Суровцев, но тоже улыбнулся. Боль в плече не была теперь столь острой. Но очень болела и кружилась голова. Он попытался подняться.

– Лежите. Не стоит вставать, – нежным, почти девичьим голосом сказала сестра. Она тоже улыбалась.

Казаки, оборвав смех, придвинулись к Суровцеву.

– Что со мной? – спросил офицер.

– Все хорошо, голубчик. Рана ваша не опасная. Навылет. Хирург вас смотрел и сказал, что даже кость не задета, – точно пропела сестра.

– Я все же встану...

Казаки помогли ему подняться. Он сидел на кровати, застеленной свежей простыней. Правая рука была плотно прибинтована к телу. Несколько смутился, что он в кальсонах в присутствии дамы, но тут же понял, что это глупо с его стороны – стесняться сестры милосердия. Но все же покраснел. Тоже дурацкое свойство, которого он стеснялся и над которым подтрунивал его друг Анатолий Пепеляев. Голова кружилась, но в целом ранение ему показалось похожим на обмороки, в которые он падал в детстве, испытывая боль. Только боль от ранения оказалась резче и сильнее.

– Ваше благородие, вечерять будете? – на казацкий манер спросил Востров.

«Снидать» – у них означало завтракать, «вечерять» – ужинать. Лишь «обедать» – значило обедать. Суровцев ответил подражая их манере говорить, ставя ударение в слове на первом слоге вместо второго:

– Не хочу, – протянул он.

Казаки снова смеялись. Было видно: они искренне рады тому, что офицер пришел в себя.

– Ну, теперь вы нашенский! Станичник! – довольно улыбаясь, проговорил Востров. – Вы сюда гляньте.

Суровцев проследил за рукой Вострова и увидел новую черкеску, висящую на стене, вероятно, извлеченную из недр казачьего обоза. Над газырями с правой стороны был криво прикреплен золотой значок академии. Внизу на табурете аккуратно сложенные шаровары с казачьими лампасами и рубаха с глухим воротом и с частым рядом серебряных, как и газыри, пуговиц. Там же новенькая папаха и настоящий кавказский кинжал в отделанных серебром ножнах.

– Ваша одежда вся в крови была. Погоны тоже сменить пришлось. Так что не обессудьте. Новые пришили – правда, казачьи...

Мирк-Суровцев был до глубины души тронут. Черкеска была предметом особого шика среди офицеров. Но право носить черкеску нужно было заслужить. Только проявивший себя в бою офицер мог щеголять в черкеске. Мальчишеское желание примерить подарок было столь сильно, что он с нескрываемым раздражением посмотрел на прибинтованную к телу руку.

– Мадемуазель, а нельзя ли перебинтовать руку иначе? – обратился он к сестре милосердия.

– Я, право, не знаю.

– Чего там не знать! – зашумели казаки.

– Мы знаем! В нашей одеже и раны зараз заживут.

– Давай сами перемотаем. Дурное дело не хитрое.

Сестра взялась за дело, ударяя по мозолистым ладоням казаков, лезших с советами.

– Ты, милая, понежнее под мышкою...

– Или вы отойдете сейчас же, или я не стану перевязывать, – хмуря брови, сказала сестра. – Будете сами перевязывать.

– Да мы и рады бы... Да их благородию так оно приятней...

Испытывая боль, Суровцев все же облачился в новый костюм и застыл с глупой улыбкой на бледных губах.

– Ну как на ваш взгляд, барышня? – спросил Востров сестру милосердия.

Медсестра, с одной стороны, польстила Мирку-Суровцеву, но с другой – еще больше вогнала его в краску.

– Очень на Лермонтова похож, – сказала она, вероятно, вспомнив знаменитый портрет поэта в кавказской бурке. – Только у Лермонтова глаза, кажется, не голубые были. И волосы у господина штабс-капитана не черные.

В штаб корпуса, размещавшийся в здании магистрата, рядом с лютеранской кирхой, удивительно напоминавшей кирху в Томске, Мирк-Суровцев дошел в сопровождении Надточия. Адъютант Епифанцева куда-то отлучился, и Мирк без предварительного доклада вошел в кабинет генерала. Он посчитал, что его дело отлагательства не терпит. Тут впервые дало себя знать раненое плечо. Он вскинул руку к папахе для доклада и приветствия, и сразу же боль пронзила все тело. Перед глазами поплыли белые круги.

– В чем дело? – строго спросил генерал. – Кто такой?

Суровцев попытался сказать и не мог. Комок в горле мешал вымолвить даже слово. Бледный как стена, он стоял в полуобморочном состоянии и боялся только одного – упасть здесь, сейчас, в кабинете генерала.

– Боже мой! – воскликнул Епифанцев. – Это вы, голубчик. – Только сейчас он узнал в Мирке-Суровцеве офицера, благодаря смелым действиям которого его почти полностью разгромленный корпус избежал разгрома окончательного.

Епифанцев буквально подхватил Суровцева, подвел к дивану.

– Вы же ранены. Присаживайтесь.

Генерал подошел к двери, открыл ее и, не найдя на месте адъютанта, выругался. Увидел в приемной Надточия.

– Вот что, молодец, – обратился он к казаку, – живо на первый этаж! Найдешь начальника штаба полковника Терехова. Скажешь, генерал вызывает.

Закрыв дверь, генерал взял стул и подсел к дивану, на котором сидел Мирк. Он смотрел на офицера и думал, что вряд ли тот понимает, что он сегодня спас его, генерала Епифанцева, от бесчестия. Несколько минут назад он сам собирался навестить раненого офицера, чтобы вместе со своим начальником штаба расспросить его подробно о неприятеле. И вот этот офицер, почти юноша, сидит перед ним.

- Может быть, приляжете? – мягко, по-отечески спросил генерал. – Все же вы ранены.
- Нет, ваше превосходительство. Казаки мне сказали, что документы уже у вас.

Резко распахнулась дверь. Одновременно вошли начальник штаба корпуса полковник Терехов и адъютант Епифанцева.

– Проходите, Михаил Борисович, – пригласил Епифанцев Терехова. Тут же хмуро спросил адъютанта: – Где вас черти носят? Позаботьтесь о крепком чае и раздобудьте где-нибудь коньяку. А еще лучше рому. Господину штабс-капитану сейчас нужно выпить крепкого чая и непременно с ромом. После подобного ранения – это первое дело. По себе знаю. У вас озноба сейчас нет? – спросил генерал, точно он и не генерал вовсе, а какой-нибудь лейб-медик.

- Есть чуть-чуть.

– Мне подобное не раз приходилось переживать. Поверьте, я знаю, что говорю. Вот, Михаил Борисович, это и есть наш давешний герой.

Мирк-Суровцев представился старшим офицерам. Познакомились. Генерал горячо поблагодарил молодого офицера. Затем Суровцев встал и предложил свой доклад начать у стола с картой. Взяв из рук начальника штаба трофейную карту, всю исчерченную его собственными пометками, цифрами и записями, начал доклад. Указав крайнюю западную точку своей разведки, он, постепенно скользя по карте карандашом, обрисовал оперативную обстановку на всем пути до встречи с частями Епифанцева.

– наших частей на указанном участке нами не встречено. Правда, вот здесь, – продолжал Суровцев, работая с картой, – казаки слышали сильный грохот боя. Но были обнаружены противником и ретировались. Также рядом немцы строят нечто вроде пункта для наших военнопленных, которых очень много. Наши же и работают. На линиях железных дорог, вот здесь и вот здесь, курсируют бронепоезда и поезда с бронеплощадками. Считаю, что при необходимости отступления русских частей эти же поезда, а также и другие можно будет встретить вот здесь. В нашем тылу, а потому нам нужно создать специальные отряды для разрушения железнодорожных путей и мостов. И последнее... На одном из допросов пленных выяснилось, что приказом кайзера смещены прежние командующие немецкими армиями. Против нас задействованы, судя по всему, две армии. Генералы Людендорф и Гинденбург командуют теперь германскими армиями, одна из которых левым крылом обращена на север. Смею предположить, что против нашей армии под командованием генерала Ренненкампа.

– Знать бы, где этот Ренненкампф! – зло проговорил Епифанцев. – У меня складывается стойкое впечатление, что Павел Карлович Ренненкампф командует не русской, а немецкой армией.

Все трое офицеров были выпускниками Академии Генерального штаба и потому легко поняли друг друга. Обстановка была критической. Высокое качество грамотно проведенной разведки не вызывало сомнения. Старшим офицерам необходимо было обсудить создавшееся положение, но прежде предстояло решить дальнейшую судьбу разведчиков.

– Не знаю, как мне поступить с вами, голубчик. Сведения, которые вы собрали, необходимо доставить даже не в свою дивизию, а в штаб армии самому командующему. Иначе я переподчинил бы вас себе, что считаю правильным. К тому же хотел бы иметь при себе такого толкового и храброго офицера, как вы. В состоянии ли вы продолжить свой рейд?

- Так точно, ваше превосходительство.

– А ранение? Все же правая рука...

– Я в некотором роде левша.

– То есть все делаете левой рукой?

– Не совсем так. Силы в левой руке меньше для рубящих ударов, да и фехтую ею неважно. А в остальном могу все делать и левой рукой, даже писать, если хочу изменить почерк.

– Да вы, голубчик, прямо уникам какой-то.

– Должен сказать, что это не совсем так. Я, ваше превосходительство, совершенно для себя неожиданно открыл, что среди казаков чуть ли не каждый третий левша, а каждый четвертый одинаково рубится обеими руками.

– Ничего удивительного, – впервые нарушил молчание полковник Терехов. – Наши казаки – лучшая иллюстрация теории Дарвина. Я не имею в виду их происхождение от обезьяны. Но именно естественный отбор лучше всего иллюстрируют их кривые ноги. Вероятно, кривоногие лучше выживали и потому давали потомство, как, наверное, и левши. Разрешите и мне, господин штабс-капитан, поблагодарить вас. Своими действиями вы обеспечили нам передышку длиной в день. Уверю вас, мы ее использовали с толком.

– Вот что, господин штабс-капитан, ответьте мне. Отличившиеся воины в вашем отряде, конечно, есть?

– Вахмистр Востров. Рядовой Надточий, – не раздумывая назвал две фамилии Мирк. – Последний спас мне жизнь, – почти не слукавив, добавил он.

– Прекрасно. Спуститесь с Михаилом Борисовичем в канцелярию и возьмите у него солдатских крестов сколько требуется. Сами и вручите. Мог бы и я, но обстановка неподобающая. Мы армия отступающая, – продолжал генерал, – а я по войне с японцем уже знаю, что отступающую армию крестами не жалуют, как бы героически она ни сражалась. Но я также знаю, что кресты вдруг приобретают свойство прилипать к груди штабных. А что касемо вас, то... – генерал снял со своей груди крест ордена Святого Георгия четвертой степени и прикрепил его на грудь Мирка-Суровцева, – я волен сделать так. По правилам вас нужно представить сначала к Станиславу, к Анне или к Владимиру с мечами, я это и сделаю своим приказом, но так-то оно вернее будет. Другой орден так точно не смогут замылить.

Ничего нет для солдата дороже, чем признание его заслуг. Даже раненое плечо меньше, кажется, стало болеть.

Еще в помещении штаба Суровцев сам с Георгием на груди вручил солдатского Георгия Надточию.

– Это тебе, казак, за ночной бой. И спасибо тебе, родной, за помощь.

Вне себя от нечаянной радости, Надточий на весь штаб рявкнул:

– Рад стараться, ваше благородие!

– Да не кричи ты так, дурень. Весь штаб сбежится.

Когда они вернулись к казакам, Востров, да и другие казаки ревниво уставились в кресты на груди Мирка и сияющего, как новый самовар, Надточия. Без лишних церемоний Суровцев вручил крест Вострову и, посоветовавшись с ним, еще трем казакам. Казаки разбежались по округе в поисках спиртного и действительно раздобыли где-то спирт и немецкий сидр. Мирк почувствовал, что он сейчас может своей волей запретить им обмывать кресты, но не стал этого делать, понимая, что они из казацкого суеверия обмоют тайком, правда, по православному перекрестясь, но с языческим добавлением: «Дай Бог, не последний!»

Перед тем как сесть вечерять, Мирк коротко рассказал о разговоре с генералом, о предполагаемом дальнейшем маршруте движения. Выдвигаться они должны были вместе с частями корпуса этой ночью, но в несколько ином направлении.

После выпитого сидра и ужина Суровцева, что называется, разморило. Наказав Вострову разбудить его через два часа, он, выйдя из-за стола, не раздеваясь, повалился в кровать. Крепкий сон честного человека и солдата принял его в свои теплые и мягкие объятия. Рана болела и во сне. Но боль и сон существовали, не конфликтуя друг с другом.

Спустя два часа Востров и не подумал будить Суровцева. Памятуя о крепком сне офицера, он приказал его, спящего, перенести на подводу. Сам заботливо накрыл буркой. Своих

тяжелораненых пришлось оставить на попечение корпусного лазарета. Оставили и остатки обоза вместе с «чертовыми немецкими телегами», как говорил о них старший коневодов Петро.

В сотне насчитывалось ровно пятьдесят здоровых и легкораненых казаков при командире, который теперь стал им не просто боевой командир, а «любушка-капитан», как сказал о нем Востров.

Отряд вступал в ночь, оставляя за собой день, который Суровцев вспоминал как один из самых счастливых в большой череде все же многих счастливых дней. Этот день всегда выделялся из-за духа воинского братства и товарищества, из-за счастливого избежания близкой смерти. Это был день его становления. Войны как болезни. В молодости и войны и болезни молодые. С прожитыми годами они тоже взрослеют и стареют. Становятся тяжкими и невыносимыми. С этого момента он стал уже не взрослеть, а мужать.

Глава 7. Смешение чувств

1941 год. Апрель. Москва

– Вы знаете, у вас дар писателя, – сказал Судоплатов. – Прочел на одном дыхании. Очень интересно, но по сути заданных вопросов – это не все, что хотелось бы узнать. Итак, по-вашему, в случае войны на сторону немцев перейдет только бывший атаман Краснов, а также генералы и офицеры его круга? Из мелкотравчатых – Шкуро и иже с ним... Деникин, по-вашему, не пойдет на сговор с Гитлером?

– Безусловно – нет. А вот атаман Краснов обязательно пойдет. С немцами он связан накрепко еще с войны на Дону против Красной армии. Связи такого рода не имеют срока давности.

– Хорошо. Перейдем ко второму вопросу, – переключая листки бумаги, продолжил Судоплатов. – Должен заметить, почерк у вас красивый. Теперь так уже почти не пишут. Значит, вы считаете, что русское масонство реальной силы за рубежом не представляет?

– Я, честно говоря, поразился такому вопросу. Почему вы об этом спросили и именно у меня? – искренне удивился Суровцев.

– А вы еще более поразили нас своими ответами.

– Теперь мне нет никакого смысла это скрывать. Я был членом масонской ложи, в которую вступил по приказу Разведывательного отделения Генерального штаба. Вот вам ответ на вопрос, почему я не сбежал за кордон. Мне вынесен смертный приговор задолго до смертного приговора советской «тройки». Приговор ложи не имеет отсрочки исполнения. Будучи членом военной масонской ложи в одном из начальных градусов посвящения, я по мере сил открыл глаза на истинное положение вещей Разведывательному отделению Генерального штаба. Суть моих откровений была такова: все русские масонские ложи в подчинении у французской ложи «Великий Восток» и прочих зарубежных послушаний.

– И что, неужели масоны серьезно влияли на события 1917 года? – не скрывая иронии, спросил Павел Анатольевич.

– До октября семнадцатого года, безусловно, влияли, – ответил заключенный.

– Можете привести факты?

– Пожалуй что да.

– Слушаю вас.

Суровцев глубоко вздохнул. Воспоминания были ему неприятны даже по прошествии многих лет. Точно погружаясь в свое эмоциональное состояние той поры, он сначала медленно, затем все более уверенно и живо повел свой рассказ:

– Мне довелось сопровождать в Зимний дворец генерала Крымова после неудачного выступления генерала Корнилова. Командир казачьего корпуса Крымов явился к Керенскому. Александр Федорович неистовствовал. Меня выставили за дверь. Но Керенский орал на боевого генерала так, что слышно было в приемной. А за плечами Крымова стоял казачий корпус. Войди корпус в Петроград, он не оставил бы мокрого места от Петроградского совдепа и Временного правительства. На совдеп Керенскому было наплевать, но он боялся, что власть у него вывалится из рук, когда в городе будет организованная военная сила. Керенский кричал что-то вроде: «Мальчишка! Я с вас погоны сорву!»

– А что Крымов?

– Крымов как офицер ответил: «Не ты их мне давал, чтобы срывать». Но градус масонского посвящения у Керенского был несравнимо выше. Он потому и позволял себе такое. Как честный человек, как офицер, Крымов не представлял себе, как он может совместить

воинский долг с приказом братьев по ложе: «Не вмешиваться в ход событий». Он вышел после разговора с Керенским чрезвычайно взволнованный и бледный. Какое-то время молча стоял, глядя в окно. А потом на глазах присутствующих, в том числе и меня, вынул из кобуры пистолет и тут же, в приемной, застрелился. Картина не из приятных... Мне еще предстояло провезти покойника-генерала, с разнесенной маузерной пулей головой, через революционный Питер. Вы не в состоянии себе представить, что тогда творилось в столице!

– А что Керенский?

– Он был напуган. Выглянул из кабинета да так и остался стоять в дверях. Я был молод, горяч. Помню, сказал премьеру, чтобы он не вздумал являться на похороны Крымова. Иначе и он найдет свою пулю. Он понял, что кто-нибудь его точно пристрелит. На похоронах генерала из состава Временного правительства была небольшая делегация. Я уже и не вспомню, кто именно был. Но честно поступил министр финансов Временного правительства Терещенко. Когда священник закончил свои дела, Михаил Иванович Терещенко положил в гроб покойного белые перчатки. Это прощальный масонский знак. Признание выполненного долга. Так обычно поступает жена или близкий друг покойного. Крымов погиб, или, выражаясь масонской терминологией, «уснул на Востоке Вечном». Корпус в Петроград Крымов не ввел. А значит, долг перед «братьями» выполнил.

– Какие еще термины вы знаете? – искренне поинтересовался Судоплатов.

– Все, которые мне были открыты при моем не столь уж высоком градусе посвящения. Если вас интересует слово «уснуть», то понятие «просто уснуть» – значит, например, выйти на время из ложи. Есть еще понятие «радиации». Это означает исключение из тайного общества, на время или навсегда. Радированы были генералы Алексеев и Корнилов. Также радирован я сам. Но что до меня касаясь, моя радиация была связана с решением устранить меня физически. Внедрен в ложу был не я один, и кто-то из моих коллег передал это Степанову.

– Так получается, что все Временное правительство было масонским? – спросил Судоплатов.

– Так оно и было. В первом составе – десять из одиннадцати человек. Во втором все. Единственное, чего добились контрразведка, так это вбила клин между военной ложей и ложей «Великий Восток». Степанов сам растолковал генералам Рузскому, Алексееву, Корнилову и Гурко, что они льют воду не на ту мельницу. Им, патриотам России, стало ясно, что Временное правительство представляет интересы незнамо кого, но не русского народа. Отсюда до последнего часа лозунг «Война до победного конца!» и заверения англичан и французов в приверженности союзническому долгу. И все это в стране, не желавшей больше воевать за какие-то там долги. И основной целью наши масоны ставили уничтожение русской монархии. В мировом масштабе, думается, и немецкой монархии заодно с нашей. Что касается вашего вопроса, то я думаю, русское масонство не представляет реальной силы. Оно было нужно мировому масонству при наличии Родины. Русские масоны без России им не нужны. Я уже четыре года в заключении, я не могу апеллировать к конкретным фактам, но мне кажется, что Гитлер, как и вы, передал всех немецких масонов заодно с французскими и нашими, недорезанными вами. В том числе с высланными из России по приказу Ленина в 1922 году. Но вот в плане разведывательных разработок интерес уцелевшие «братья» представляют. Конечно, только при условии, что против Гитлера выступит весь мир. Но следует помнить, что таких агентов можно использовать только вслепую. Опять же их терминологией выражаясь, как «профанов». Слово «профан» у масонов значит «непосвященный».

– Меня поражает ваша манера изложения фактов, – рассмеялся Судоплатов. – Так вы признаете свое знакомство с генерал-лейтенантом Степановым?

– Куда деваться? Александр Николаевич Степанов – мой начальник. Забегая вперед, я вам признаюсь, что выполнял особые поручения Степанова. Я во время войны посещал Берлин. Через Швецию и Данию.

Сам не раз бывавший за границей, Судоплатов поразился такой географии и потому спросил:

– С датчанами вы разговаривали по-датски?

– Вот-вот! Сразу видно, что и вы там бывали. Для датчан я был прибалтийским немцем.

– Ладно. Об этом мы еще поговорим. А пока вам в камеру доставят очередные вопросы. Такая манера сотрудничества себя оправдывает. Мы вопросы – вы подробные, а главное, честные ответы. Вы пейте чай. Ешьте печенье. С момента нашей встречи в Лефортове вы неплохо выглядите. Кормят хорошо у нас?

– Выше всякой похвалы, – прихлебывая чай с печеньем, ответил Мирк.

– Открою секрет: пищу для наших заключенных готовят на той же кухне, что и для работников наркомата. Разумеется, с поправкой на положение арестантов, но все же. И потом, имейте в виду: хоть ручки входных дверей нашей организации более стерты руками входящих, нежели те же ручки с внутренней стороны здания, но отсюда у вас, более чем когда-либо до этого, есть шансы выйти. Прецеденты, уверяю вас, такие есть, и их не так уж мало. А теперь ответьте мне, почему в характеристиках деятелей белой эмиграции по предложенному нами списку вы никак не охарактеризовали своего, как вы выразились, шефа, генерала Степанова?

– Во-первых, в предложенном мне списке Степанова не было. И потом, генерал Степанов вышел в отставку сразу же после отречения от престола, вслед за Николаем II, великого князя Михаила. Участия в Гражданской войне он не принимал. Василий Витальевич Шульгин рассказал мне забавный случай.

– Вы и с Шульгиным были знакомы?

– Что тут удивительного? Мы с ним познакомились – с этим скандальным депутатом всех трех дум – в феврале 1917 года, когда меня командировали из штаба Северо-Западного фронта в Петроград, чтобы выяснить обстановку в столице. Затем, уже на Дону, Шульгин руководил антибольшевистским подпольем, и созданная им организация «Азбука» снабжала Добровольческую армию самой достоверной информацией с Украины.

– Продолжайте.

– Степанов, как я не сразу узнал, был крестным братом и царя Николая, и великого князя Михаила. Когда Шульгин и компания уговорили Михаила отречься и дело было решено, в квартиру, где все и происходило, ворвался Степанов. Там, на Миллионной улице, 12, были также Керенский, Львов, Родзянко, Некрасов, Гучков, Милюков, Шингарев. Словом, почти все Временное правительство. Степанов выяснил, что произошло, и сказал великому князю Михаилу Александровичу: «Мики, вы для меня всегда были „вашим высочеством“. Начиная с наших детских игр и даже когда я вступался за вас перед вашими царственными братьями. Будучи начальником одной из лучших кавалерийских частей русской армии, вы заслужили славу боевого офицера. Но с сегодняшнего дня, вот с этой самой минуты, вы для меня не представитель царственной династии, а как какой-нибудь деревенский дурачок – Мишка Романов. Мишка-дурачок. Так и хочется высунуть язык и подразнить тебя: „Бе-е-е!“ Еще сказал, что подает в отставку, и обязательное „Честь имею!“. И вышел вон.

Судоплатов смотрел куда-то в сторону. Он как будто увидел описанную сцену. Задумчиво проговорил:

– Я должен снова повториться. В вас пропал писатель. Но если серьезно: как поведет себя Степанов в случае войны с Гитлером?

Суровцев долго думал. Перед ним из памяти встал образ генерал-лейтенанта Александра Николаевича Степанова.

– Никогда, ни при каких обстоятельствах Степанов не пойдет против своей Родины и своего народа, – чеканя каждое слово, сказал Мирк-Суровцев. – В Гражданской войне он не участвовал только поэтому.

– Значит, вы так же подтверждаете встречу со Степановым в Омске во время Гражданской войны?

– Подтверждаю. Но встреча носила скорее частный характер.

– Ой ли? – с совершенно изменившимся лицом воскликнул Судоплатов.

– Вы опять хотите завести речь о золоте Колчака?

– Всему свое время, – недобро улыбаясь, сказал Судоплатов. – Пока я о другом. Как вы полагаете, пойдет ли Степанов на сотрудничество с нами в случае войны?

– Мне нужно знать хотя бы, жив ли он.

– Я вас обрадую. Он жив и здоров.

Суровцев ощутил искреннюю радость. Но что значат все эти вопросы вокруг Степанова?

– Так пойдет? Или же нет? – повторил вопрос Судоплатов.

– По идейным соображениям никогда на сотрудничество он не пойдет. Степанов – монархист. Это и понятно, зная, что его крестные родители Александр III и императрица Мария Федоровна. Но по патриотическим соображениям, думаю, это возможно.

– Ну что ж, буду искренен с вами. У нас за годы работы было несколько случаев, когда советской разведке и контрразведке кто-то неизвестный ненавязчиво оказал ряд услуг. Не скрою, что часть из этого мы восприняли как провокацию. Но факты – вещь упрямая, и выходило, что этот некто мало того что хорошо информирован, но и искренне нам помогает. Фамилии генералов царского Генерального штаба Потапова и Николаева вам что-то говорят?

Мирк-Суровцев был не тот человек, которого можно чем-то крайне удивить, но, ничем внешне себя не выдав, он был удивлен. И в очередной раз поразился этому молодому комиссару НКВД. Да, он действительно умел и беседовать, и допрашивать. И в очередной раз подумал, что в молодости сам он был, вероятно, таким же. Где надо – решительный и беспощадный, а где-то – даже аристократичный и галантный, а в сущности, нормальный человек, но занятый не совсем нормальным, с человеческой точки зрения, делом. Конечно, он слышал о двух генерал-лейтенантах Генштаба Потапове и Николаеве, по ходившим слухам, перешедшим на сторону красных во время Гражданской войны. Что дальше?

– Так вот, – не дожидаясь ответа Суровцева, продолжал Судоплатов, – Потапов и Николаев – генерал-лейтенанты не только старой армии, но и советской, были убеждены, что за описанными мной фактами стоит не кто иной, как ваш бывший руководитель генерал Степанов.

– Чтобы сказать свое мнение, а вам, вероятно, нужно оно, мне необходимо знать что-то более конкретное.

– Я обещал вам, что буду, насколько это возможно, откровенен. Этот кто-то нам неизвестный сделал все возможное, чтоб в наши руки попали такие крупные фигуры, как террорист и организатор белогвардейщины Борис Савинков, а также не менее известный авантюрист и резидент английской разведки Сидней Рейли. Затем таинственный доброжелатель столь пристально занимался личностью Троцкого, что у нас сложилось впечатление, что он испытывает к нему личную неприязнь. Есть еще множество более и менее значительных фактов. Что скажете?

– Скажу только одно: операции, задуманные Степановым, всегда могли сочетать в себе несовместимое. Это могли быть даже не дерзость, а вероломство и тонкая, на уровне придворной, интрига. Но непременно оригинальность решения, порой доходящая до экстрава-

гантности. А всех троих, перечисленных вами, Степанов люто ненавидел и называл не иначе как мерзавцами.

– А вы? Вы, вероятно, были таким же? – совершенно серьезно спросил Судоплатов.

– Степанов – мой учитель еще с академии. Но я не обладаю способностью мыслить так широко, как он. При нашей последней встрече он мне предсказал и как будут развиваться события Гражданской войны, и чем она закончится. Понимаете, предсказал до мельчайших деталей, включая предательство союзниками Колчака! А затем и Врангеля. Даже то предсказал, что генерал Деникин отойдет от руководства Вооруженными силами юга России и преемником у него будет генерал Врангель.

– А что он предсказал относительно золота Колчака?

– Значит, вы опять хотите вернуться к золоту?

– Я же говорил вам, что не сейчас. Но разговор о золотом запасе России у вас со Степановым наверняка был, – тоном несомневающегося человека сказал Судоплатов.

– Конечно, и об этом говорили, – нехотя признался Суровцев. – Обладающий даром предвидения Степанов сказал: «После того как Колчака все бросят и красные надерут вам задницу, часть золотого запаса разойдется по вещевым мешкам и ранцам солдат Чехословацкого корпуса. Что-то наверняка хапнут японцы как мзду за проезд через территорию, захваченную ими. Что-то разграбят бесчисленные атаманы. Какую-то часть, как кость собаке, бросят большевикам, чтоб отвязались». Так все, вероятно, и случилось. Разве это не подтверждается бурным расцветом Злата Прага после столь кровавой войны, когда вся Европа была в упадке?

– Немного зная теперь о Степанове и о вас, нетрудно предположить и другое...

– Что же?

– Трудно предположить, что вы ограничились лишь рассуждениями на эту тему.

– А что мы могли сделать?

– Не знаю, не знаю. Но об этом потом. Сейчас вы отправитесь в камеру и начнете работать с вопросником, но я добавлю еще один вопрос, которого в вопроснике нет.

– Я слушаю вас.

– Вопрос следующий... Намерены ли фашисты во время предстоящей войны использовать русских немцев? Что такое, как вы говорили, вероломное и оригинальное могло бы родиться в немецком Генеральном штабе? Чуть позже вам передадут совершенно секретные документы о настроениях немцев Поволжья. В целом они патриотично настроены. Вы чувствуете, что наши отношения приобретают все более доверительный характер?

– Не знаю, что и сказать.

– А ничего говорить и не надо. Пишите.

Судоплатов кнопкой под столом вызвал конвоира, который также являлся и надзирателем в блоке изолятора, где содержался Мирк-Суровцев.

– Увести!

И тут произошло то, от чего Судоплатов сначала вздрогнул, а затем вдруг, расвирепев, вскочил из-за стола.

– Честь имею! – сказал Мирк-Суровцев, встав со стула.

Первым порывом Судоплатова было подскочить к Суровцеву, одним ударом сбить его с ног, а затем от всей души расчетливо врезать пару раз сапогом по этой зарвавшейся скотине. Но это был Судоплатов. Он все же вышел из-за стола, но не накинулся на арестованного. Взяв себя в руки, он подошел к Мирку-Суровцеву и долго, пронзительно смотрел ему в глаза. Однако не прочел в них ни страха, ни издевки, ни дерзости, ни раскаяния. Усталый и печальный взгляд честного человека. Судоплатов поправил портупею и поясной командирский ремень с пятиконечной звездой в центре пряжки, с прорезями вокруг звезды. Кожаные перевязи чуть хрустнули в нависшей тишине. Прошелся по кабинету. «Вот после этой фразы,

произнесенной Суровцевым, в начале двадцатых годов, да и позже, арестованных офицеров избивали, а затем ставили к стенке», – размышлял он. Из доносов Судоплатов знал, что такой фразой щеголяли командиры, близкие к расстрелянному маршалу Тухачевскому, бывшему гвардейскому поручику. Сейчас ее повторяет маршал Шапошников, даже при самом Сталине. Он неожиданно не только для Суровцева, но и для себя, подошел к последнему и, глядя в глаза, вдруг так же, с достоинством произнес:

– Честь имею!

Наверное, он был первым чекистом, сказавшим эти слова за всю историю органов ВЧК—ОГПУ—НКВД.

Оставшись один, Судоплатов приказал секретарю сварить ему крепкого кофе. Он катастрофически не высыпался. Весь наркомат, по сути, был на военном положении. Война надвигалась с неумолимой быстротой. Летом она начнется. Кому-кому, а ему это было известно. Как ясно было и то, что страна к войне не готова. Он знал, что и Генеральный штаб не поспевает за событиями. Даже боеприпасы, подвозя к границе, выгружают на землю, под открытое небо. Сталин буквально издергал наркомат. Стала очевидной нехватка квалифицированных и чекистских, и военных кадров. Казалось бы, проще простого выпустить из лагерей еще уцелевших военачальников и простых командиров. Но абсолютное большинство расстреляно, и все это продолжается. Не так интенсивно, как при Ягоде и Ежове, но факт есть факт. Легко сказать: выпустить. А как поведут себя люди, над которыми измывались в течение не одного года? Не перейдут ли они на сторону врага? Мало того, из них пытками и издевательствами выбили такие показания, что их и выпускать-то нельзя, когда они сплошь и рядом немецкие и прочие шпионы. Многие просто сломлены и духовно, и нравственно, и физически.

Берия добился у Сталина разрешения использовать гражданских специалистов. Процесс создания при тюрьмах и лагерях так называемых «шарашек» в последние месяцы приобрел невиданный характер. По отраслям промышленности и по научной направленности стали собирать уцелевших специалистов, и надо сказать, что они стали работать. А главное – давать результаты. По оперативной информации в Генеральном штабе маршал Шапошников также хлопочет в том же направлении. Реабилитировали нескольких генералов, но это капля в море. Лично сам Судоплатов сейчас, как никогда, ощущал нехватку рядом своего друга и товарища по работе Наума Эйтингона, который тоже где-то в лагерях. Вот кому сейчас он перепоручил бы Мирка-Суровцева. С этим двухфамильным арестантом открывалось все больше и больше интересного. Во-первых, по данным американской резидентуры, выяснилось, что бывший царский генерал Степанов ныне уже не Степанов вовсе, а генерал армии США Ник Стивенсон. В отличие от большинства генералов царской армии этот нашел работу по специальности. Считается ведущим специалистом в своей области. Крайне отрицательно относится к белой эмиграции, в том числе к такой одиозной организации, как Российский общевойсковой союз – сокращенно РОВС. Связи его в русской диаспоре ограничены дружескими отношениями с такими же успешными эмигрантами, каким является сам. В числе его друзей авиаконструктор Игорь Сикорский и композитор Сергей Рахманинов.

Мирка-Суровцева было бы просто грех не использовать в этой более чем интересной ситуации. Как не хватает Эйтингона! Тот бы нашел какой-нибудь ход и с настроенным патристически Деникиным, используя Мирка-Суровцева. Нет, речь, конечно, не идет о привлечении такой фигуры, как бывший командующий Вооруженными силами юга России, к агентурной работе. Да и вряд ли он располагает чем-нибудь интересным для разведки. Но вот внедрить или легализовать советского разведчика, используя личное знакомство Мирка с Деникиным, сам Бог велел. Эйтингон что-нибудь придумал бы.

Было еще одно интересное открытие. Судоплатов понимал, что в условиях войны ему нужно иметь какие-то особые подразделения. По данным разведки, немцы уже имеют отдельные части со специальными задачами. В частности, полк, а по другим сведениям, бригаду «Бранденбург-800», которой командует некий Отто Скорцени. Организация и структура, как и задачи, стоящие перед этим полком, пока неизвестны. У нас сейчас более ста дивизий НКВД. Ну и что толку? По своей структуре это обычные стрелковые дивизии. Единственное отличие – цвет петлиц и околышей на фуражках командиров. Во время войны их просто переподчинят Наркомату обороны. А что это будет так, Судоплатов не сомневался. У него уже почти созрел план создания особой дивизии НКВД или хотя бы бригады. Тут из архива Наркомата обороны пришли затребованные им диссертации офицера царского Генерального штаба Сергея Георгиевича Мирка-Суровцева. Как ни странно, они сохранились. Их было несколько: как написанные в академии, после каждого ее курса, так и последующие – написанные уже боевым офицером. Приходилось только предполагать, когда он это успевал писать. «Вероятно, во время ранений», – подумал Павел Анатольевич. Все диссертации были с положительными рецензиями генералов – преподавателей Академии Генерального штаба. В числе прочих и одна диссертация, которая сразу же привлекла внимание Павла Анатольевича. Название было примечательным: «Отборные части в условиях современной войны. Боевые задачи. Принципы комплектования. Организационная структура». Читая, Судоплатов понял, что занимающие его ум в последнее время мысли когда-то мучили и Мирка-Суровцева. Он разговаривал на эту тему с Берией, и тот дал добро на создание отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Ему хотелось поговорить на эту тему с Мирком, но он решил, что вряд ли тот на сегодняшний день представляет современные Вооруженные силы. Тем не менее в вопросник, уже доставленный в камеру арестанта, он включил вопрос о его книжнице с пометкой «ДСП» (Для служебного пользования). Сегодня из Томска по его запросу пришла первоначальная часть уголовного дела Суровцева. В ней находился перечень литературы, изъятой у него при аресте: большое количество книг по геологии, почему-то ноты многих классических музыкальных произведений, но главное – военная составляющая библиотеки Мирка-Суровцева. Судоплатов, к своему удивлению, обнаружил военных авторов, которые изучаются в Академии имени Ворошилова как современные. Совсем недавно сам успешно закончивший названную академию, Судоплатов был поражен. Даже «Мозг армии» маршала Шапошникова был в библиотеке, казалось бы, скромного геолога Мирка-Суровцева. Где, интересно, тот пополнял свою книжную коллекцию? Поэтому не стоит удивляться, что томские следователи сразу же «пришили» ему «создание контрреволюционной военной организации». Названия других работ Мирка-Суровцева тоже не могли оставить равнодушным Судоплатова. Например: «Тактика и стратегия ведения допроса военнопленного». Или: «Глубокая разведка тыла противника лазутчиками и подвижными отрядами. Опыт. Анализ. Рекомендации». И уж очень экстравагантное: «Анализ биржевых и банковских операций в контрразведывательной работе». Последняя была датирована декабрем 1916 года. Был еще один примечательный документ, подписанный тремя генералами царского Генерального штаба. Это была рекомендация для преподавательской работы в Академии Генерального штаба. Если прибавить ко всему эту запутанную историю с золотом Колчака, то становилось понятным, что этот Мирк-Суровцев является весьма беспокойным субъектом. Принимая во внимание значимость фигуры Степанова, можно смело утверждать, что с колчаковским золотом Суровцев связан. Но также ясно и то, что никакими уже испробованными методами правды от него не добьешься. Может быть, лишь в условиях войны и при гарантиях безопасности – скажем, из уст Берии – он мог бы передать это золото, но это лишь предположение. Судоплатов был уверен: попади тот не к нему, а к кому-нибудь другому в руки, тот, другой, подвел бы Мирка-Суровцева под расстрел, чтоб избавить себя от лишней головной боли. Но Судоплатов был человек дела и

понимал, что этого белогвардейца нужно использовать. Он не понимал только, как использовать. Вдруг Судоплатов громко расхохотался. Сказывалось напряжение последних дней. Ему в голову пришла идиотская мысль: «Вот бы и при НКВД создать свою „шарашку“ по типу и подобию прочих!»

Совсем другие мысли занимали в это же время Мирка-Суровцева. Он русский офицер, немецкие предки которого перешли на службу России даже не при Петре Великом, а раньше, при Алексее Михайловиче – отце царя Петра. Хотя и в малом соотношении, но он был носителем и немецкой крови. Еще не доведенный до камеры, пытаясь найти аналогии в истории, он кое-что надумал. Прежде всего он понял, что русских немцев ожидает депортация. Екатерина Великая очень мудро поступила с предками кубанских казаков, переселив докучавших всем и всюду запорожцев на Кубань и Терек. Те, давая выход своему буйному нраву и разбойничьим наклонностям, очень быстро нейтрализовали такие же наклонности и такой же нрав чеченцев. Так и немцев можно было бы использовать на восточных рубежах страны, против той же Японии. Тем более что, как сказал Судоплатов, в целом они настроены патриотично. Но Сталин не Екатерина II. Будет что-то другое...

Охранник довел его до камеры, легким прикосновением подтолкнул лицом к стене. Суровцев замер с заведенными за спину руками. Охранник-надзиратель открыл дверь камеры. Здесь двери, против тюремных традиций, не скрипели. Так же чуть коснувшись плеча, его направили в камеру. Двери закрылись.

И вдруг неожиданная догадка обожгла Мирка-Суровцева. Он чуть ли не полминуты стоял как истукан от неожиданного прозрения с руками за спиной. Наконец-то пришел в себя и с нетерпением ждал время обеда, чтобы еще раз взглянуть на лицо своего тюремщика.

Когда пришел обеденный час и охранник-надзиратель в окошечко тюремной двери протянул ему тарелку с каким-то варевом, одного взгляда на лицо тюремщика хватило, чтобы все понять...

Он машинально, быстро ел, продолжая соображать. Он скорее думал, чем обедал.

Охранник-надзиратель был глухонемой! Глухонемым был и его сменщик. И в тюрьмах, и в лагерях, и на этапах среди заключенных ходили упорные слухи, что в системе НКВД существуют особо секретные тюрьмы, где даже охранники глухонемые, чтоб никакая информация не могла просочиться на волю. Мирк-Суровцев, как и большинство здравомыслящих людей, считал эти разговоры досужим вымыслом, лагерной байкой. И вот оказалось, что это вовсе не байка. Когда его уволили из Красной армии, он несколько лет работал в Томске в артели глухонемых, в которую помогла ему устроиться Ася.

Накануне увольнения из Красной армии он тайно проник в секретную часть дивизии, или, как ее попросту называли, в «секретку». С навыками его военной специализации ему также ничего не стоило найти и незаметно вскрыть пакет со своим личным делом, уже подготовленный к отправке для постановки его на воинский учет по месту жительства. Он изъясил несколько страниц, заменив их новыми, им же сфабрикованными. Долго искал и наконец-то нашел секретную отметку особого учета. Ликвидировал и ее. Поэтому в Томске он легализовался уже как заслуженный благонадежный военспец рабоче-крестьянской Красной армии. Мало того – буденновец! В то время это было лучшей рекомендацией благонадежности.

Нужно было как-то жить. В стране была безработица. Зарплаты как таковой не было. Труд оплачивался продуктовыми пайками. После окончания Томской женской гимназии и первых в Сибири женских курсов работала Ася в известной в то время на всю Сибирь богадельне супругов Миллюненок на улице Бульварной в Томске – занималась обучением грамоте глухонемых детей. Сама пережившая в ранней юности большое горе, связанное с временной потерей речи, она самозабвенно отдавалась служению этим людям...

Работа в артели глухонемых была для Мирка большой удачей. Артель занималась изготовлением конной упряжи и на фоне других томских артелей выделялась постоянной загруженностью работой. А высокое качество изделий артели глухонемых ценилось по всей Сибири. Были даже государственные заказы для армии. Во времена НЭПа артель процветала. Начав трудиться простым выделщиком кож, за короткое время Суровцев стал сначала переводчиком, а затем и заместителем председателя. Склонность к знанию языков проявилась и здесь. Смешно сказать, но с глухонемого языка он смог бы благополучно переводить и на немецкий, и на французский, и даже на английский языки. Важным было и то, что его окружали глухонемые. Мечта, да и только, с его-то биографией. Именно глухонемые люди помогли ему окончательно запутать следы той части золота Колчака, которое искали томские чекисты...

Но как он, разведчик и генштабист, сразу не обратил внимания на то, что имеет дело с глухонемыми охранниками? Заметить хотя бы то, что ему не отдают обычных тюремных команд вслух, он мог?! Даже выводя его из камеры, ему кивали, вместо привычного приказа «На выход!». А заводя в камеру или же выводя, крепкой рукой молча разворачивали к стене. Ругая себя последними словами, доел обед. А когда, ополоснув под умывальником тарелку, он отдавал ее вместе с ложкой охраннику, еще раз быстро взглянул на него. Немой! – окончательно убедился Сергей Георгиевич...

Дело в том, что мышцы лица немого человека отличаются от мышц лица человека говорящего. Сами глухонемые, как правило, безошибочно узнают друг друга уже по лицам. Научился узнавать и Мирк. Просто смена обстановки и постоянная в последние дни работа мозгами притупили его наблюдательность. Да и как можно было предположить, что такое возможно? Хотя в другой обстановке он, конечно, сразу узнал бы человека немого.

Эти люди имеют свои, одним только им присущие особенности. Так, среди них крайне редко встретишь человека в очках. У них необычайно острое зрение. Бог, Создатель, компенсирует отсутствие любого из человеческих чувств развитостью чувств других. Точно так же люди, лишенные зрения, отличаются острым слухом и почти всегда слухом музыкальным. Глухонемые также, как правило, не просто физически сильные люди, а необычайно сильные. Вот такой среднего сложения человек, как его охранник, может легко, как малого ребенка, скрутить двухметрового детину. А если же глухонемой сам двухметрового роста, то может иногда удержать в зубах пятидесятикилограммовый мешок с сахаром. Такие чудеса Суровцев имел возможность лицезреть собственными глазами. В их артели каждый рабочий пальцами без больших усилий гнул пятаки. Серебряные новые советские полтинники не гнули по причине их ценности. Еще одна важная особенность этих людей – их необычайная сплоченность. Связи между ними крепче даже родственников, особенно если родственники обычные люди. Мирк-Суровцев ни минуты не сомневался, что с сегодняшнего дня он будет знать все, что творится на воле. Узнав, что Суровцев не из них, но человек, близкий к ним, глухонемой охранник станет ему не просто помощником, а другом. В Томской артели глухонемых, до самого конца ее существования, не было более любимого и уважаемого человека, чем Мирк-Суровцев. На Асю все и вовсе были готовы молиться. «Господи, – думал Суровцев, – чем только не приходилось заниматься в последние годы!» Ему действительно приходилось удивляться тому, что он до сих пор жив. Как, впрочем, удивлялись и другие.

Глава 8. Дела генеральские

1915 год. Июль. Петроград

Между Степановым и Мирком-Суровцевым установились теплые и служебные, и личные взаимоотношения. Суровцев по возрасту почти годился в сыновья генералу, и Степанов невольно принял на себя роль старшего и близкого человека. Отсутствие детей у Степанова и сиротство Сергея сыграли не последнюю в этом роль. И если на первом курсе академии была огромная дистанция между слушателем и преподавателем, к тому же действующим генералом, а не генералом-преподавателем, то к окончанию учебы это были отношения почти товарищеские. Выпускник Суровцев очень часто бывал у Степанова. Елена Николаевна также органично существовала в мире генерала. Бывший агент стала женой. Осенью они наконец-то решили оформить свой брак и перед Богом, и перед государством.

Точно так, как когда-то царь Александр III обращался к Степанову, теперь сам Степанов обращался к молодому офицеру. Он называл его крестником. В некотором роде он действительно был его крестным отцом. Про себя отмечал, что это обращение, вероятно, со временем может стать агентурным псевдонимом. Месяц назад через Швецию, а затем и Данию, с особым поручением Крестник был отправлен в Берлин вместе с Еленой Николаевной, которая по легенде сопровождала больного племянника на воды Баден-Бадена.

То, что Крестник явился один и раньше намеченного срока, само по себе было неожиданно. Но мало того: одет он был в форму матроса Балтийского флота. Сам не раз менявший обличия и костюмы, Степанов все же опешил от такого маскарада.

– Что произошло? Где Елена? – встревожился генерал.

– Все в порядке, ваше превосходительство. Елена Николаевна чуть задержится, – как ни в чем не бывало ответил офицер. – В Швеции у нас возникли проблемы с визой. Нужно было ожидать две недели. А в шведском Гетеборге с начала войны застрял наш грузовой пароход, приписанный к военному флоту. Шведы демонстрировали немцам свой нейтралитет, не выпуская его почти год. А тут решили продемонстрировать свою лояльность уже к России и выпустили судно. С ним я и прибыл. Из Мурманска ехал поездом, четвертым классом, так что от бессонницы с ног валюсь.

Степанова несколько покорибила обыденность, даже легкомыслие, с которыми были произнесены эти слова. Словно речь шла о загородной прогулке в Павловск, а не в столицу враждебного государства.

По памяти Сергей написал текст шифрованного письма на немецком языке, которое еще предстояло привезти Елене Николаевне.

Оставив Мирка-Суровцева отсыпаться у себя на квартире, Степанов отправился на службу в Разведывательное отделение Генштаба. Вечером он был намерен поговорить с явившимся «лжематросом» подробно и, вероятно, строго. Переодевание, конечно, иногда необходимо, но и меру знать надо. Генерал не без оснований подозревал, что Суровцев специально не переоделся в Мурманске, чтобы удивить его своей лихостью. Степанову уже приходилось делать внушение на эту тему, когда Мирк-Суровцев вдруг предстал перед ним в казачьей черкеске, с такой же казачьей шашкой и с Георгием на груди после возвращения с фронта.

– Сейчас же снимите, если не хотите позора! – отчитывал он тогда штабс-капитана. – Не имея других орденов, вы не имеете права носить этот.

– Но я представлен к Станиславу и к Владимиру с мечами, – смутившись, отвечал офицер.

– Вот именно что только представлены!

– Но я действительно кровью заслужил этот крест.

– Не сомневаюсь. И тем позорнее и обиднее будет, если кто-то, крови не проливавший, сорвет его с вас. Зарубите себе на носу: что приемлемо на фронте, почти всегда неприемлемо в тылу. А вы прямо герой кавказской войны прошлого века. И впредь прошу вас не появляться передо мной в таком виде. Вот когда получите Владимира со Станиславом, тогда и носите, – смягчившись в конце разговора, сказал Степанов. – Черкеска тоже пока подождет. Со временем закажете себе офицерскую черкеску побогаче, а то прямо партизанщина какая-то. Казак не казак. Офицер не офицер. И знак Академии Генерального штаба тут же в придачу. И усы извольте подстричь по-офицерски. Поверьте, в вашем облике есть что-то комичное. Вы напоминаете мне Грушницкого из романа Лермонтова, – безжалостно закончил он.

В этот раз разнос Степанов решил оставить на вечер. К тому же по глазам Суровцева генерал понял, что поездка сложилась удачно. Видел, что молодой офицер переполнен впечатлениями от такой необычной и, что греха таить, опасной поездки в столицу государства, с которым ведется война. К тому же за границей он был впервые. Вечером, надо полагать, будет долгий эмоциональный рассказ. Он открыто покровительствовал молодому офицеру и искренне переживал о его судьбе и когда тот оказался на фронте, и теперь, в этой поездке в Берлин. Переживал и за Елену Николаевну. Чувствительные уколы неожиданно возникшей ревности к молодому офицеру неприятно поразили душу. Уж слишком игриво отреагировала женщина на известие о поездке в Берлин, в которой ее будет сопровождать молодой человек. Но, взглянув на Мирка-Суровцева и неплохо изучив его, он понял, что во время поездки ничего, задевающего его честь, между ними не произошло. А живость Елены Николаевны была не чем иным, как желанием позлить Степанова в отместку за его вялость в желании заключить с ней официальный брак.

Второе событие этого дня было не менее примечательным. На службе Степанова ждал его давнишний товарищ и приятель генерал Джунковский, бывший сослуживец Степанова в Русско-китайскую и в Русско-японскую войны, затем московский генерал-губернатор, дворцовый комендант и, наконец, теперь бывший шеф корпуса жандармов.

Получив отставку от государя и проведя положенный отпуск с семьей, Владимир Федорович Джунковский обратился к Степанову с необычной просьбой. Бывший главный жандарм Российской империи просился на фронт на должность начальника дивизии. В то время командиры воинских частей именовались начальниками. Причем именно дивизией хотел командовать Джунковский, все же достаточно трезво оценивая свои военные способности и опыт. Месяц назад, не стесняясь в выражениях, Степанов сказал приятелю все, что думает о его намерениях, но все же пообещал ему устроить встречу с военным министром. После многих скандальных фактов из деятельности прежнего военного министра Сухомлинова должность военного министра исполнял Алексей Андреевич Поливанов. Тот самый Поливанов, резолюцией которого имя Суровцева было внесено в список поступивших в академию. Вопреки ожиданиям многих Поливанов сумел найти поддержку своей деятельности на новом посту не только в Генеральном штабе, но даже в Думе. Хорош ли, плох ли был русский парламент, но мнение его все же влияло на политику правительства. Степанов надеялся, что Поливанов отговорит Джунковского от легкомысленного, на его взгляд, желания воевать на передовой.

Новый военный министр, как все министерство и Генеральный штаб, был буквально завален работой. Война! Но он без колебаний назначил время для приема. Слишком уж непростые генералы просили аудиенции: один – бывший товарищ министра внутренних дел и еще недавно шеф жандармского корпуса; другой, по сути, «серый кардинал» Разведывательного отделения, не отмеченный высокой должностью, но влиятельный из-за своих связей и авторитетный из-за опыта и знаний. Кроме многих орденов и аксельбантов флигель-адъютантов свиты его императорского величества, была еще одна похожая пикантная деталь в биографиях генералов: оба бивали Григория Распутина. И если Степанов сделал это по какой-то служебной необходимости, то Джунковский взял это за правило, еще будучи комендантом царского дворца. На посту шефа жандармского корпуса он и вовсе не пропускал случая, как он говорил, «причаститься». Это, надо полагать, тоже было не последней причиной его отставки. При чем такую же манеру общения со «старцем» от этих генералов перенял брат царя – великий князь Михаил.

– Господа, прошу сразу же меня извинить, но я располагаю крайне малым количеством времени. Через час мне нужно быть с докладом в Думе, – начал разговор Поливанов. – Не скрою, я удивлен вашей просьбой, Владимир Федорович. Начальник Генерального штаба генерал Янушкевич готов хоть сейчас предоставить вам должность в штабе. Работы, уверяю вас, более чем достаточно. Бонч-Бруевич со Степановым вообще считают вас крайне полезным в своем отделении. Я предлагаю вам подумать, прежде чем окончательно решиться на такой, я считаю, необдуманный шаг.

– Вопрос для меня решен, – резко сказал Джунковский.

Был он небольшого роста, сухощавый телосложением и резкий в движениях. Даже в совершенном молчании и покое Джунковский напоминал сжатую до упора пружину, готовую в любую минуту разжаться и ударить накопившимся напряжением в окружающих. Речь генерала отличалась редкой неблагозвучностью из-за хрипловатого тембра голоса. Неудивительно, что даже более высокий и крупный Григорий Распутин пасовал перед жестким темпераментом генерала.

– Вопрос для меня решен, ваше превосходительство! – еще раз более жестко произнес генерал.

Решительность Джунковского была столь очевидна, что Поливанов бессильно обратил свой взгляд на Степанова.

– А вы что скажете, Александр Николаевич? – обратился военный министр к генералу.

– Боюсь, что упрямство моего друга, к моему великому сожалению, непреодолимо, – ответил Степанов. В отличие от военного министра он все же понимал, что принятие бывшего шефа жандармов на работу в Генштаб – ситуация весьма не простая. Личность Джунковского раздражала не только двор, но и военных.

– Да поймите же, господа! – воскликнул Джунковский. – Не сегодня завтра я буду уже не бить мерзавцев по лицу, а вот вам крест истинный, стрелять начну!

И Поливанову, и Степанову было ясно, что бывший жандарм действительно готов стрелять.

– Вы никогда не задумывались, почему я вместе с начальником Департамента полиции Лопухиным выдал эсерам Азефа, а своего агента Малиновского председателю Думы Родзянко? – вдруг спросил Джунковский.

– Я полагал, что это все же вымысел наших газетчиков, – удивленно ответил Поливанов.

– Нет, в этот раз все истинная правда.

– Так почему же? – искренне заинтересовался Поливанов. – Если они были вашими агентами, то весьма успешными.

– В том-то все и дело. На каком-то этапе работы у подобных людей начинается умственное расстройство. И, возмнив из себя вершителей чужих судеб, они начинают угрожать уже тебе самому. Становятся неуправляемыми и опасными для общества, а не только для революционеров. На этом этапе их начинают использовать и другие, третьи силы. Лучшая иллюстрация – убийца Столыпина Богров. Вот Александр Николаевич прекрасно знает, что к этому покушению причастен немецкий Генштаб. А пропуск в киевский театр на представление «Руслана и Людмилы», где было совершено убийство Столыпина, выписал сам тогдашний товарищ министра внутренних дел, небезызвестный вам Паша Курлов. То есть товарищ самого Столыпина. Получилось, как в одной скабрёзной революционной поговорке: «Лучшее влагалище, – извиняюсь, – зад товарища».

Поливанов брезгливо поморщился. «Действительно, с таким человеком, как Джунковский, не очень-то приятно общаться», – подумал он.

– Прошу прощения за фривольность, господа. От общения со своими подопечными я и сам не вполне нормален. Кстати, эта тварь Азеф, судя по всему, эту поговорку воспринимал буквально. Он не только, благословляя очередного дурака на «экс», целовал его на прощание взасос, но и, по некоторым сведениям, не забывал про ночь педерастической любви. И вообще у них там внутри партий в этом вопросе, уверяю вас, давно произошла настоящая революция. Кстати, находясь в отпуске, наконец-то почитал прозу Савинкова-Ропшина. Там тоже в описании бомбометателя Ваньки Каляева прослеживаются педерастические мотивы. Алексей Андреевич, неужели вы не видите, – вдруг потеряв упругость внутренней пружины своего характера, обратился Джунковский к Поливанову, – я и сам становлюсь умственно расстроенным от работы с подобными типами? Я уже почти помешанный.

– А почему бы вам не поработать в комиссии генерала Батюшина?

Имя Батюшина вошло в учебные пособия для разведчиков всего мира, после того как стал широко известен факт проникновения полковника Батюшина в тайные планы немцев. Контрразведчику удалось во время довоенных маневров стащить у присутствующего на них немецкого кайзера записную книжку. Легенда утверждает, что удалось и вернуть книжку на место. На момент этого разговора Батюшин и возглавляемая им комиссия расследовала дело полковника Мясоедова – бывшего жандармского офицера и агента немцев. При прежнем военном министре Сухомлинове Мясоедов возглавлял в Генштабе контрреволюционную работу в армии. Нужно ли объяснять, как он мог ее возглавлять!

– Нет! Довольно и того, что одним из своих приказов на последнем посту я ликвидировал жандармские институты в армии. Чем опять же не угодил их превосходительству генералу Степанову, который до этого неоднократно просил меня это сделать!

– Я просил это сделать до войны и до того, как нам стало известно о намерении кайзера использовать наших революционеров для разложения армии, – парировал упрек Степанов.

– Какая разница, – устало махнул рукой Джунковский. – Неужели я прошу чего-то несбыточного? Не даёте дивизию – дайте бригаду, полк, батальон, роту, взвод, черт побери! Откажете, истинный крест, пойду вольноопределяющимся. Может быть, у вас какие-то указания есть насчет меня, коль вы так упираетесь? – вдруг неожиданно предположил он.

– Нет. Слава Богу, никаких указаний насчет вас нет, – успокоил его Поливанов. – Просто мы беспокоимся о вас.

– Тронут, но должен заметить, что я куда большей опасности подвергаюсь, находясь в тылу. Вот уж месяц как охрана мне не положена, а врагов у меня, как говорится, до черта и выше. И что самое обидное, не только среди революционеров, но и среди крайне правых reactionеров. Революционеры после историй с Малиновским и Азефом, по моим сведениям, хотя бы отзываются обо мне уважительно. Они называют меня цепным псом самодержавия. А газеты нет-нет да и начнут рассуждать о безнравственности и беспринципности жандармов по отношению к «агнцам Божиим» Малиновскому и Азефу. Да все о «нарушении

прав» да о «нарушении прав» граждан... А что мне оставалось делать, когда один защищен депутатской неприкосновенностью?.. Другой и вовсе стал слаб на голову от безнаказанности, стал откровенно хамить, забыв, кому и чем он обязан своим мнимым революционным возвышением! Вам, надеюсь, не жаль негодяев?

– Да Боже упаси, – ответил Поливанов. – Что ж, на фронт так на фронт! Отправляйтесь к Янушкевичу и обговорите с начальником Генштаба, когда и где вам принять дивизию. Пусть он готовит приказ. Я подпишу.

– Благодарю вас, Алексей Андреевич, – горячо поблагодарил Джунковский.

Покинув кабинет военного министра, генералы некоторое время сохраняли молчание, которое нарушил Джунковский:

– Саша, не дуйся на меня. Уж ты-то, как никто, должен меня понять.

– Я действительно, как никто другой, тебя понимаю. Но от этого не легче. С тобой и моя работа была более результативной, чем с твоим преемником.

– У меня еще к тебе просьба.

– Слушаю тебя.

– Позволь мне остановиться у тебя на денек-другой? На дачу к семье возвращаться пока не хочу. Ключи от казенной квартиры уже сдал. Мне в городе даже остановиться негде. Не в гостиницу же идти. Можно, конечно, обратиться в Департамент полиции с просьбой выделить конспиративную квартиру, но не хочу даже вдыхать полицейский дух, коим они насквозь провоняли.

– Конечно, поезжай ко мне. Адрес, надеюсь, помнишь?

– Еще бы.

– У меня сейчас только что возвратившийся из Берлина офицер моего отдела. Дай ему выпастся. Скорей всего он проспит до вечера; если встанет раньше, не расспрашивай его ни о чем, потерпи до моего приезда, вместе и поговорим. Но вернусь домой не раньше одиннадцати вечера. Работы, как ты уже слышал от военного министра, более чем достаточно.

– Спасибо, что не отказал. А то я уже успел вкусить прелестей опалы. Те, кто еще недавно готовы были мне сапоги вылизывать, делают вид, что меня не знают. Слушай, у вас в буфете по-прежнему коньяк в кофейных чашечках подают?

– Подают. Нашего буфета «сухой закон» не коснулся. Сейчас наш опыт и в ресторанах переняли. Даже у Донона и Кюба спиртное теперь разливается из чайников. На вилле Роде, по моим сведениям, из самоваров водку хлещут. У меня в кабинете, кстати, есть что выпить. Но я советую тебе отправиться ко мне на квартиру. Личность ты чрезвычайно популярная, чтобы лишний раз мелькать в Генштабе. Дома обратись к моей Степаниде, она предложит тебе из моих запасов. Только не переусердствуй до моего приезда. Офицера моего не спаивай. К Батюшину заходить не будешь?

– Не буду. Не поверишь, но после разговора с Поливановым мне даже дышится легче. Не хочу терять это ощущение. Скорей бы на фронт!

Поздним вечером того же дня, когда усталый Степанов вернулся домой, он застал Джунковского сидящим на диване в гостиной с томиком Пушкина в руках и в весьма благодушном состоянии. Початая бутылка коньяка, уже вторая, стояла рядом на полу. Натруженная пружина внутреннего состояния впервые за последние годы была не сжата чувством долга и грузом ответственности. Мундир был снят и покоился на спинке стула. Не отличающиеся густотой седеющие волосы генерала, как и небольшая борода, были включены.

– Ты мне сейчас напоминаешь барона Мюнхаузена в отставке, – сказал ему Степанов.

– Напиши я мемуары – они бы затмили славу Распе. Кстати, признаюсь тебе, я знал, что Иллиодор прихватил с собой свои мемуары о Распутине, когда убегал за кордон. Женушку его с кое-какими бумагами я тоже нарочно проглядел.

– Не понимаю я тебя. Мало грязи у нас, так ты еще и за границу смущаешь.

– О чем ты говоришь? Хватит делать приличную мину перед Европой. Может быть, перестанут влезать в наши дела, когда поймут, с кем имеют дело.

– Боюсь, что, наоборот, полезут в наши внутренние дела с удвоенной энергией. Что уже наблюдается.

– Да плевать на них! Я в последнее время, не поверишь, думаю, что хоть бы быстрее эта чертова революция свершилась. Хоть к чему-нибудь конкретному прийти. У нас народ уже сатанеет от происходящего. Вот ты говоришь – мемуары, а назови мне хоть одно издательство, которое взялось бы их опубликовать. Немногочисленные патриотические газеты сочтут, что это клевета, а многочисленные иудейские газетенки назовут их антисемитскими.

– Кстати, друг любезный, не высказывайся при моем подчиненном в своей манере о евреях, масонах и русских немцах.

– Ну вот. Даже при тебе о евреях мне говорить теперь нельзя.

– Дело не во мне. Не стоит смущать молодого человека, – памятью о Мирке-Суровцеве, сказал Степанов. – Кстати, фамилия у него наполовину немецкая.

– Вот оно что! То-то он выпить со мной отказался. Точно немец. погоди. Он мне представился вполне русской фамилией.

– Кстати, где он?

– В твоём кабинете. Сказал, что ему нужно поработать над отчетом для тебя. Точно – немец. Как я сразу не догадался!

Из кабинета вышел Мирк-Суровцев. Он был в мундире. Квартировавший у Степанова после возвращения с фронта, он имел свой гардероб, но, очевидно, посчитал для себя неловким переодеться в домашнее при малознакомом генерале. Да еще при таком генерале. Фамилия Джунковского была известна и ему. Георгиевского креста на груди не было. «И то хорошо», – подумал Степанов. Сегодня решилась судьба еще двух орденов, к которым Суровцев был представлен за год войны. Их действительно попытались прикарманить, воспользовавшись тем, что фамилия офицера наполовину немецкая. Два ранения и контузия не стали подтверждением ни храбрости, ни благонадежности штабс-капитана. Механизм присвоения орденов, которых удостоивались боевые офицеры, Степанов однажды испытал на себе и потому лично связался со штабом Северо-Западного фронта. Телеграмма из Генерального штаба сделала свое дело. Сегодня в опечатанном пакете на свое имя он получил ордена Суровцева. Вручать он будет завтра при всем отделении, а сегодня лишь сообщит об этой новости, как и о том, что Суровцеву присвоено очередное воинское звание – капитан. Но сделает он это только после того, как отчитает за проявленный авантюризм. Хотя, конечно, любопытно, почему офицер предпочел возвращаться в костюме матроса и нелегально. Явись Сергей к капитану любого русского судна и объяви, что он офицер Генерального штаба, никаких сложностей с возвращением не возникло бы. Еще приятное событие ожидало молодого человека. На его имя пришло два письма из Томска от его невесты и еще одно от тетушек, с которыми Степанов имел честь познакомиться во время их визита в столицу. По давно сложившейся в русской армии традиции письма следовало вручить после выполнения боевой задачи. Никогда письма не вручаются перед атакой или перед заступлением в караул. Мало ли что могут написать из дома? Даже невинная фраза, написанная девичьей рукой, может нарушить душевное равновесие воина. И кто-то спокойно воспримет даже неприятное известие, а кто-то будет искать смерти в бою, а то и застрелится в карауле из-за какого-нибудь пустяка. Для солдата нет пустяков, если дело касается его мирной личной жизни. Так что сначала пусть поведаст о своем путешествии.

– Так ты у нас из тевтонов оказался? – наполняя очередную рюмку коньяком, обратился Джунковский к Суровцеву.

– Не более чем вы из польских шляхтичей, ваше превосходительство, – ничуть не смутившись, отвечал Мирк.

Степанов посмотрел на уже достаточно захмелевшего Джунковского и понял, что никакого разговора, а тем более отчета офицера, сегодня не будет. Хорошо, что Суровцев сам догадался изложить отчет письменно.

– Молодец, – одобрил Джунковский. Пружина его внутреннего состояния между тем уже чуть сжалась. – Вполне достойный ответ. Ответ русского офицера. Я бы даже сказал, не жидовский ответ, – добавил он и опрокинул рюмку с коньяком в широко открытый рот.

– Владимир Федорович, я же тебя просил, – повысил голос Степанов.

– Хорошо-хорошо, ни слова о жидах. Хотя мне, например, совершенно непонятно, почему ни самим евреям, ни нашим интеллигентам не нравится слово «жид»? Слово «жид» происходит от польского «żyd», что значит «еврей».

Хмелел Владимир Федорович тоже своеобразно. Говорить он продолжал по-прежнему отрывисто, короткими рублеными фразами. Но, будучи пьяным, выстраивал длинные монологи, в которых из-за прерывистости речи все слова становились главными. И еще, пожалуй, нужно отметить, что взгляд у генерала становился мутным, как у змеи, опустившей на глаза защитные пленки.

Степанов с досадой посмотрел на своего приятеля и, ни слова не говоря, отправился отдать распоряжение Степаниде приготовить закуски. Ему не хотелось слушать разглагольствования Джунковского на антисемитские темы. Александр Николаевич знал, что затем Джунковский перейдет к теме масонства и к теме засилья немцев в русском обществе. В этом бывший шеф жандармов был действительно человеком больным. К тому же ему самому нужно было в ближайшее время разговаривать с Суровцевым о масонстве. Ему давно было известно о существовании военной масонской ложи, но теперь было известно и о том, что в этой ложе зреет заговор. «Ладно, – решил генерал, – пусть речи Джунковского станут прелюдией к предстоящему разговору. В конце концов, штабс-капитан не дурак. А крайние воззрения Джунковского позволят потом проще объяснить Суровцеву истинный порядок дел».

Когда он, умывшись и переодевшись, с домашним халатом и тапочками для гостя вернулся в гостиную, Джунковский излагал Мирку-Суровцеву причины исторической нелюбви украинцев, которых он, конечно же, называл хохлами, к евреям, возникшей во времена Богдана Хмельницкого, накануне присоединения Украины к России. Изложение фактов носило у него ярко выраженный вульгарный характер. Переодевшись в предложенный хозяином халат и сняв сапоги, бывший жандарм, сунув ноги в великоватые для его ног тапочки, продолжал разлагающие молодого человека речи. Он действительно стал еще более похож на Мюнхгаузена.

– Поляки всегда совершенно искренне верили Ватикану. Но уважали и чужую, православную веру. Сами они, как нация романтическая и благородная, никогда бы не решились собирать налог с Украинской православной церкви во времена Речи Посполитой. И, как всегда в смутное время, встряли жида. Извиняюсь, еврей. Они и попросили отдать им Украинскую церковь на откуп. И можно понять любого хохла. Он в храм Божий пошел, а его у ворот встречает иудей с кружкой для сбора налогов за веру. Кому понравится? У кого денег нема, салом плату возьмут, которое сами, впрочем, и не жрут вовсе. Ну и, как всегда, в долг в церковь пропустят, не забыв о процентах. Вот после таких-то социально-религиозных и национальных отношений собрались хохлы и вырезали всех подвернувшихся евреев. Запорожцы опять же. Эти и без повода резали иудеев. С тех пор и те и другие смотрят друг на друга с подозрением. Но лично я не осуждаю хохлов. И осуждаю евреев. Какого черта нужно

было влезать в «извечный спор славян между собою»? – закончил он неожиданно цитатой из Пушкина.

– Ваше превосходительство, – обратился Суровцев к Джунковскому, – Департамент полиции причастен к организации еврейских погромов?

И Степанов и Джунковский с интересом взглянули на штабс-капитана. Вопрос был не из тех, которые принято прямо задавать и тем более прямо на них отвечать. Честный взгляд офицера отметал всякие мысли о провокации.

– Нет! – резко ответил Джунковский.

– Департамент полиции просто не возражает против них, – не без иронии уточнил Степанов.

– А зачем возражать? – оживился Джунковский. – Зачем возражать, если евреи изначально революционеры? Лучшая часть русского народа это нутром чувствует. Я в последнее время стал очень интересоваться историей.

– Ну и что говорит история? – Степанов решил дать Джунковскому высказаться до конца.

– История, как известно, ничему не учит, но говорит, например, что от Великой французской революции, а до этого от Английской, выиграли только евреи. Английская и французская монархии стали же карманными. Теперь Франция и вовсе республика. Их правительства только потому и существуют, что сдерживают свои народы от расправы над иудеями. А как иначе, если они своими деньгами их поддерживают?

Еврейский вопрос широко обсуждался в русском обществе в период между двумя революциями, но Суровцеву никогда не приходилось говорить на эту тему со Степановым. Потому он, так же прямо, как до этого Джунковского, спросил своего наставника:

– Ваше превосходительство, а вы что думаете о евреях?

– Я в этом вопросе придерживаюсь позиции покойного премьера Столыпина. Когда его однажды об этом спросили, он отвечал: «Я русский националист и не принимаю всего, что вредит России. Антисемитизм вредит России».

– Вот-вот. А преисполненный чувства иудейской благодарности еврей Богров всадил в него несколько пуль. Так сказать, от всей души и от сердечной щедрости своего гонимого народа, – не удержался от комментария Джунковский. – Я уверен, что переход России к золотому эталону не что иное, как масонские и еврейские фигли-мигли. Ты мне сам говорил, что покойный император Александр III – упокой Господь его душу – до самой смерти не хотел переходить к золотому обращению от обращения серебряного. И всегда говаривал: «Сколько нужно золота для торговли с другими странами, столько и нароем, а внутри страны серебро пусть будет дороже золота». Так нет! Сиятельный граф полусахалинский Сергей Юльевич Витте ввел все ж таки этот чертов эталон! И у России, с ее запасами золота, появились крупные долги. И вообще милое дело! Россия с Японией воюет. Две империи друг другу морды расхлестали, и обе в результате задолжали за это деньги Ротшильду. И все тот же Сергей Юльевич за половину Сахалина обе стороны умиротворил. И для России не велика потеря, и японцы сыты. И опять же разбитые морды залечить денег в долг попросят.

– Не так все просто. Нам для развития деньги, как никому в мире, нужны были и тогда, и теперь, – устало вставил свое слово Степанов.

– А по мне, так лучше никакого развития, чем развитие с таким мордобоем. И потом, золота в мире уже столько добыто, что оно ни черта не стоит. Я думаю, что оно уже извлекается время от времени из оборота, чтоб совершенно не обесценилось, и что и революции для того придуманы, чтоб это золото терялось.

Не так собирался провести этот вечер Степанов. Но понимая, что захмелевший Джунковский не ослабит мертвую хватку на горле злободневной темы, решил взять инициативу в свои руки:

– Современный мир стал расплачиваться за свое многовековое презрение к евреям. И Россия, как никто другой.

– Ну это вы, батенька, перебрали через край. Где еще так с ними возились, как у нас?

– Вот именно что возились, а с ними нужно было условиться, вернее, с их элитой, которую мы старательно не хотели замечать. Мало того, делали все, чтобы ее у нас не было. И как следствие, все еврейские капиталы в стране начинают работать на капитал международный. А этому капиталу наша монархия – кость в горле.

– Вот ты и признал, что масоны и евреи готовят у нас революцию. Правда, они не понимают, что Россия им не Франция и не Англия, здесь будет что-то такое, что их первых же не устроит.

Суровцев растерянно слушал генералов. Он не раз и не два слышал подобные разговоры, но до сих пор они мало его занимали. Он, будучи русским офицером с немецкими корнями, относился с нескрываемым презрением к черносотенным призывам «Бей жидов – спасай Россию». Но он знал, что существует масонство, о котором все говорят и о котором никто толком ничего не знает. Тем более он не мог понять, почему масонов связывают с евреями, а евреев с масонами. Словно чувствуя, что молодой человек находится в некоем смятении, Степанов повел разговор с ним, а не с Джунковским:

– До сих пор не было случая поговорить с вами на эту тему. Чтобы вам было понятней, Сергей Георгиевич, я отошлю вас к тайне томского старца Федора Кузьмича и к вопросу о том, царь ли он или не царь.

Джунковский, был озадачен поворотом разговора. Он рассеянно посмотрел на Степаниду, принесшую закуску и забравшую от него бутылку коньяка, и весь обратился в слух. Желание узнать, к чему клонит Степанов, оказалось сильнее желания выпить.

– Почитаемый жителями Томска старец Феодор не кто иной, как победитель Наполеона, бывший император российский Александр I, – продолжал Степанов. – Такое, казалось бы, экстравагантное перевоплощение царя сначала в безродного бродягу, а затем в почитаемого в Сибири старца было следствием одного из первых серьезных столкновений русской монархии с масонством.

Много чего знающий, Джунковский с интересом слушал Степанова, обычно избегавшего говорить с ним на эту тему. Владимир Федорович всегда подозревал, что его приятель знает гораздо больше, чем кто-либо другой, но не желает делиться этой тайной, зная несдержанность Джунковского в спорах. Недоверие друга задевало и обижало генерала.

– Чтобы понять поступок императора, нужно вспомнить, что, будучи еще подростком, он принял участие в убийстве своего отца Павла I. Заговор не был целиком масонским, но причастность их, увы, очевидна. Сам Александр по тем временам просто отдавал дань моде, когда сблизился с «братьями». Понимание опасности пришло к нему после разгрома Наполеона и заграничного похода русской армии. В Париже наши офицеры вступали в масонские ложи в таком количестве, что мода на масонов перестала быть модой. Это становилось уже заразой. И памятуя, чем это закончилось для Франции, Александр Первый понял, чего следует ожидать от тайных обществ в самой России. Революции, конечно! Рубится голова монарха. Затем сначала вырезается аристократия, потом, по убывающей, часть третьего сословия и, наконец, самих революционеров. И вот приходит какой-нибудь Бонапарт, чтобы стабилизировать обстановку.

Гости с интересом слушали хозяина дома. Слишком неожиданно было его многословие. А его близость к членам царствующей династии делала его речь авторитетной и значимой.

Остывали горячие закуски, а застолье затягивалось на неопределенное время. Степанов, уставший от дневных забот, вяло для столь серьезной темы продолжал говорить. Именно отсутствие пафоса, обыденность повествования и делали его речь необычайно интригующей. Говорил человек, чьи прозрения были горькими и выверенными временем.

– И теперь представьте, господа, ситуацию накануне выступления декабристов. Александр – отец дочерей, а наследующий трон Константин – масон. Да и женат тот морганатическим браком. Но прежде всего он, Константин, «брат». Мечта, да и только, для «братьев»! Вот почему Александр и заставляет Константина отречься от трона в пользу младшего брата Николая – заметьте, не масона. А затем якобы умирает в Таганроге. Мнимая смерть позволяет ему уйти от смерти настоящей, которая уже ходит за ним по пятам. Он-то знает, что зреет в чреве тайных обществ. Как знает и то, что смертного приговора за отступничество ему тоже не избежать. Вот он и исчезает, чтоб потом объявиться в Сибири после скитаний по монастырям и скитам России. Напрасно мятежники, возглавляемые офицерами-масонами, на Сенатской площади пытаются утвердить царем любезного им Константина. Царь Николай подавляет мятеж, подоплека которого, несомненно, масонская. И абсолютно правы те историки, которые говорят, что «русский мужик в гвардейском мундире спас монархию». И вот до конца XIX века масоны и все тайные общества у нас запрещены. Сдается мне, что Крымская война не что иное, как месть масонов Николаю I за декабристов и за эти запреты. Месть руками турок.

– Да уж конечно, не турки нас побили, – согласился Джунковский.

– Ваше превосходительство, неужели и нам следует ожидать от революции нечто похожее на революцию французскую? – спросил Суровцев.

– Если считать от Английской революции, то Бог троицу любит, – ответил за Степанова Джунковский. – Только у нас еще похлеще будет. Наши масоны забывают, что мы еще наполовину Азия. Потом еще неизвестно, кто революцию возглавит: они или же политические партии, которые финансируют международный капитал. А эти партии вполне способны перехватить инициативу у масонов и повести свою отнюдь не масонскую политику.

– А они действительно им помогают? – искренне удивился Мирк.

– Опосредованно. Исключительно опосредованно. Я в свое время очень удивился, когда получил данные о финансировании вооруженных отрядов боевиков в 1905 году. Сначала мы выяснили, что исходит это финансирование от немецких банков, и посчитали, что за этим стоит кайзер. Но позже удалось проследить путь финансовых средств до их истока. Источник за океаном...

– Я попросил бы вас, Сергей Георгиевич, с вопросами о масонстве обращаться ко мне. Об этом рассуждают все, кому не лень, но знающих мало. Я, в том числе, знаю немного. Но, поверьте, больше других. Чтобы проиллюстрировать серьезность вопроса, скажу, что перед самой смертью Столыпина, как раз в те дни, когда мы впервые с вами встретились, я стал изучать щекотливый вопрос. Больше того, Столыпин подготовил проект закона о запрещении масонства. Этот закон так и остался не подписанным государем. А что касается евреев, то я в своей жизни не раз испытывал чувство стыда, когда после резких высказываний в их адрес встречал среди них людей замечательных. Имена тех из них, кто служил России, для меня святы. Мне, русскому, дорог Исаак Левитан с его живописью и музыка Антона Рубинштейна. Как, впрочем, омерзительно мне имя банкира Рубинштейна, которого я в самое ближайшее время возьму за жабры. У нас будет время поговорить об этом, а пока прошу к столу.

– Ну уж нет. Давайте продолжим разговор, – проявил настойчивость Джунковский.

– Довольно на сегодня неприятных разговоров. У меня есть хорошие новости для моего крестника. Потому предлагаю выпить, – уже не слушая Джунковского, разливая в рюмки коньяк, подвел черту под разговором Степанов.

– Ваше превосходительство, я после контузии отметил у себя ухудшение памяти. Доктора предупредили, что алкоголь может усугубить положение.

– Никто и не требует от вас напиваться. Но повод стоящий. Итак, господа, – с полной рюмкой в руке замер Степанов, – прошу встать! Сегодня военным министром подписан приказ о присвоении очередного воинского звания «капитан» штабс-капитану Мирку-Суровцеву Сергею Георгиевичу. За это я и предлагаю выпить. Завтра обмоем официально, а сегодня по-семейному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.